

**Святой праведный отец Иоанн
Кронштадтский (полная биография с
иллюстрациями)
иеромонах Михаил (Семенов)**

Детские и юношеские годы о. Иоанна Кронштадтского

В 500 верстах от Белого моря, в стране, «которую годами забывает солнце», на берегу Пинеги пристроилась Сура, родина кронштадтского светильника. Трудно даже на красивом севере выбрать что-нибудь более красивое, так сказать нетронутое, чем берега Пинеги.

Это постоянная смена самых разнообразных пейзажей. Пустые поместья, попеременно то высокие, покрытые лесами, то низкие берега, луга. Ни поселка, ни случайной человеческой души. «Далеко вглубь – ровная луговая полоса. Немного дальше – громадные горы железной руды, совсем красного цвета, потом ослепительно белые громады алебаstra и гипса. Боже мой, что это за горы! То они идут на целую версту неприступными крепостями, и вдруг обрываются глубокими ущельями, покрытыми густой зеленью, то возвышаются громадными утесами, которые, того и гляди, кажется, готовы рухнуть над нашими головами; то высятся прямо в небо как колоссальные замки самых фантастических форм и очертаний; у подошвы их понаделаны природой причудливые пещеры, а надо всем этим волшебным миром, высоко наверху стоит дремучий лес, а еще выше светлое, синее небо. Никакой художник в мире не в силах начертать этой дивной картины, которую Господь создал единым словом Своим. Да будут горы!» (Нарцизова).

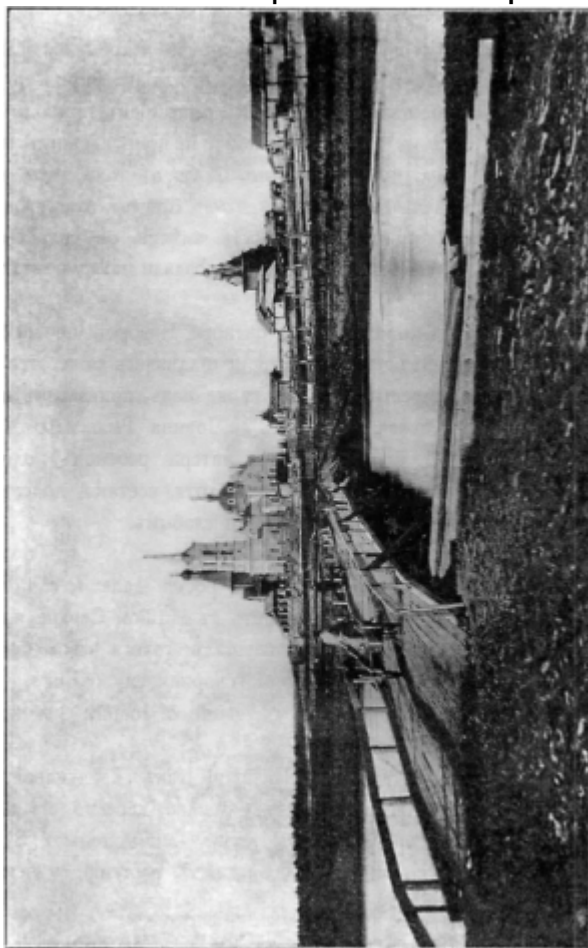
К сожалению, красота этой величавой картины не соответствует жизни и быту тех, кому здесь приходится жить. Здесь бедно и темно. Жители этого края с трудом отстаивают свое право на жизнь у суровой природы, голодают и холодают, хотя, несмотря на это, любят родину больше, чем любой южанин.

И вот среди этой красоты и бедноты пришлось вырасти будущему Кронштадтскому светильнику. Сура раскинулась на одном из самых красивых поворотов красивой Пинеги, при впадении в Пинегу Суры. Она высоко царит над всей

окрестностью. Далеко, далеко на севере виднеется синева гор. «Вот они Летовские холмы – бывшие пять или шесть тысяч лет тому назад берегами великой реки Суры». (О. Иоанн. Дневник за 1902 г.).

«С юго-западной стороны, где протекает река Сура, тянется длинная полоса земли, замыкающаяся возвышением, на котором раскинут лес. С южной, на самой окраине горизонта, покрытый дымкой тумана, тянется другой лес, теряющийся в отдалении. На далеком расстоянии по этому пространству змеится речка Сура, сверкая своими струями на ярко-сияющем солнце. Там и сям работают крестьяне, плетется телега, бегают дети». (Животов).

Красивый угол, но в то же время это и один из самых захудалых уголков, как мы уже сказали, всюду тёмного и бедного Пинежского края. И уж, конечно, далеко не богата была в убогом селе хижина псаломщика Ильи Сергиева.

Село Сура со стороны реки Суры

Мы и теперь имеем возможность видеть этот убогий нищенский домик в сурской общине¹. Это неприкрытая, явная нищета, крайняя бедность.

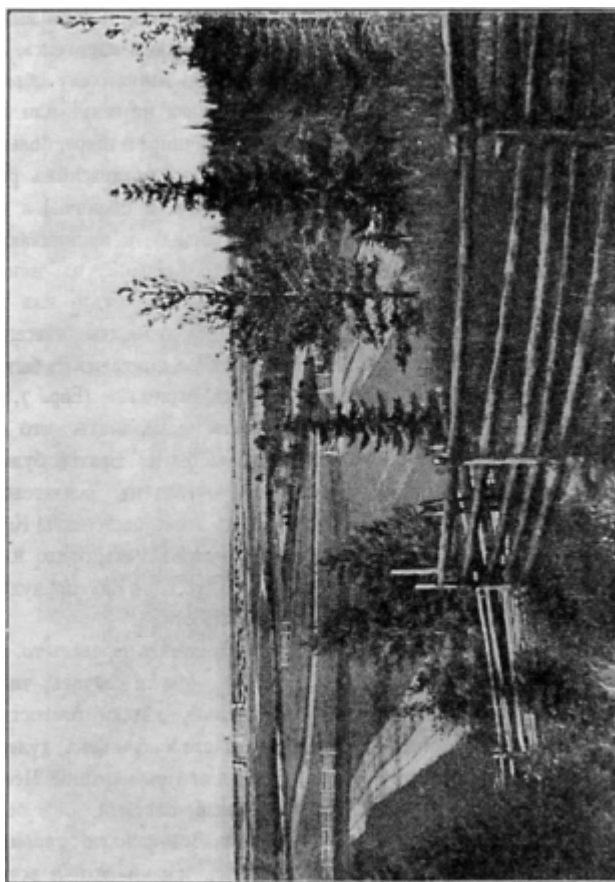
Итак, с одной стороны – красота, суровое нетронутое величие, с другой – нужда, вот «фон» первых впечатлений Вани Сергеева.

Мы не ради красоты слова занялись описанием природы Пинежского края. Нет. И самое описание это не принадлежит нам. Мы взяли его потому, что оно нужно. Дело в том, что как увидите ниже, при благодати Божией, этот «фон», эта суровая и красивая природа, да нужда и бедность, вместе с сильным и благодетельным влиянием отца и матери, создали нам кронштадтского молитвенника.

Родился о. Иоанн в ночь на 19 октября. Новорожденный был чрезвычайно слаб, так что родители не надеялись даже, что он доживет до утра, окрестили его в ту же ночь, пригласив местного священника, и назвали именем св. Иоанна Рыльского.

По воле Божией и по молитве матери ребенок, однако, стал быстро поправляться и крепнуть, хотя, все-таки до самых школьных лет он остался физически слабым. Зато быстро он рос духовно.

Как мы сказали, многое в этом росте дала и сама природа, которая особенно умеет говорить с детьми. Сердце чистое видит Бога. Ваня любил цветы, слушал голоса леса, беседовал с ласковой Пинегой и все они говорили ему о Боге.

Вид о. Суры от Поклонной горы

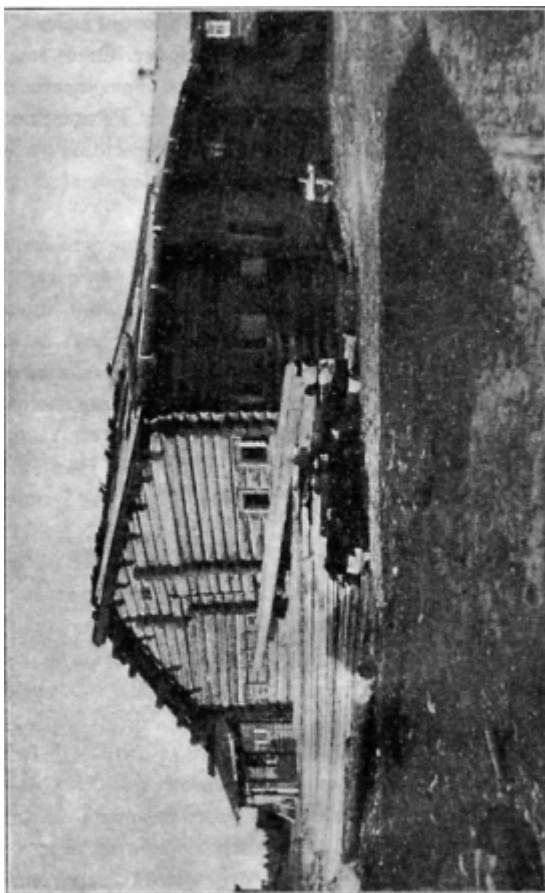
В одном из позднейших поучений о. Иоанна мы читали такие проникновенные строки: «Дивно всемогущество Твое, Господи! Как Ты сказал в начале, так доныне каждый злак, каждое деревцо и дерево слушаются Тебя! С наступлением весны, лишь только будет достаточное количество теплоты для развития растений, у бездушной Твоей твари начинается дивная работа в скромной неизвестности недр земного, также – на стеблях и сучьях деревьев, без шума, без стука, правильно, постепенно. Вот они выходят на свет Божий: ни одна травинка, ни один листочек, ни одно деревцо не собьется с пути, не забудет данного ему образа (формы). И смотрите, откуда что берется: травка на земле или листочек на дереве разворачивается, становится шире и шире, больше и больше, и, наконец, голая земля покрывается прекрасным разноцветным ковром, который манит и глаз, и обоняние; а деревья наряжаются в лиственную густую одежду и прикрывают свои члены. Так все делается живописно, нарядно, на нашей земле

от этих растений! И все это берется как будто из никуда по одному слову Господню, сказанному однажды навсегда! Да и мы, братия, не из того же ли небытия возникаем к бытию. Чем мы бываем в начале «в чреслах отчих?» (Евр.7:10). Не очевидно ли через это Творец дает нам знать, что в начале Он привел все из небытия в бытие? Братия, будем смотреть на растения и поучаться. Как очевиден, осязателен Господь наш, наш Отец всемогущий, в этих растениях! Каждая травка, каждый листочек, каждый цветок как будто шепчет нам: «тут Господь». Рассматривайте, братия, премудрое устройство растений и познавайте в них Бога».

Здесь о. Иоанн только на языке богословском передал то, что переживал и чувствовал еще ребенком. Мы и сейчас, читая эти строки и всматриваясь в вдохновенное, детски благостное лицо о. Иоанна, можем живо представить его мальчиком, худеньким, бледным с лицом отрока Варфоломея с картины Нестерова в цветах, на берегу Суры. Радостный, светлый, он беседует с каждым лепестком, допрашивает каждую травку о тайне его жизни, о Том, кто вызвал к жизни его и всякое быльё травное, и каждый цветок как будто шепчет ему: «тут Господь – молись». И голос природы говорил для него тем слышнее, что повторял то же самое, что говорило все его окружающее.

Отец – о нем у нас мало сведений, но мы знаем, что это был человек с большой любовью к храму. Отец еще маленького Ваню берет в храм – и он здесь привыкает, всецело переноситься в мир потусторонний – к Богу. Расширенными глазами следил он за священником перед престолом и чутким сердцем чувствовал, какая огромная тайна совершается здесь по молитвам верных. Священник в фелони, окруженный волнами фимиама, кажется ему ангелом, предстоящим пред престолом Бога. Таинственный алтарь, в который религиозно настроенный отец Вани даже «входил» как-то иначе, чем в обычный дом, в горницу, благоговейно, торжественно, для Вани был местом, куда человек может войти только со святой мыслью, святым настроением. «Иззуй прежде сапоги от ног твоих, здесь земля святая».

Мало-помалу храм становился для Вани тем, чем для детей мир сказок, местом отдыха для души от будничных и не святых впечатлений дня. И уже здесь в эти годы будущий о. Иоанн стал понимать и чувствовать то, что он называет «душой» богослужения. И отец подстерегал каждое проявление детской религиозности и давал ему настоящее доброе направление. Сам о. Иоанн вспоминает об этой духовной помощи ему со стороны отца, необразованного, но сильного верой в Бога. Эта помощь подавалась, конечно, больше всего в форме книги, рассказа.

Старый дьяческий дом в с. Суре, где о. Иоанн провел свои детские годы

О чем читали Ване: о святом, божественном, о Христе, Его деле и жизни, о Богородице, угодниках, о том, как жили святые в пустынях, как спасались, терпели голод, нужду, царей не боялись, Христа исповедали, как им птицы небесные корм носили, и звери их слушались, как на том месте, где кровь их падала, цветы вырастали. И образ Христа всеведущего,

вездесущего Бога со сладкою силой втеснялся в его душу, наполняя ее чистым, благоговейным страхом, и Христос становится чем-то близким, родным.

Что такое была его мать – мы знаем достаточно из рассказов о ней. Мы не будем повторять этих рассказов, которые теперь мудрено проверить, но из всех их несомненно одно: это была женщина простая и сильная с верующей простотой своей.

Религиозность без уступок и колебаний, вера в Бога без сомнений, властность матери – вот черты огромного величавого образа, перед которым нельзя не остановиться с благоговейным уважением. Эта мать могла направлять сына. А она хотела не только быть суровой, но и любить. Болезненный Ваня часто мог видеть, особенно во время оспы, которая едва не свела его в могилу, свою мать в слезах перед иконой Богоматери. Он видел, как она молилась за него, и научался сливаться с ней в глубокой проникновенной молитве.

Неудивительно, что при таких условиях Ваня все время жил в атмосфере молитвы. Его мысли – уже в это время, всегда были горе – около Бога и Сил Небесных. Еще 6-ти лет Ваня видит наяву ангелов. «Однажды ночью – рассказывает близкая к о. Иоанну игуменья Таисия – 6-летний Ваня увидел в комнате необычный свет... Взглянув, он увидел среди света Ангела в его небесной славе. Младенец Иоанн, конечно, смутился от такого видения. Ангел успокоил его, назвавшись его Ангелом Хранителем, всегда стоящим окрест его в соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности.

С шести лет Ваню стали учить грамоте. Она не давалась ему. «Отец купил – пишет он в дневнике – для меня букварь, но туго давалась ему грамота. и много скорбел я по поводу своей неразвитости и непонятливости. Я не мог никак усвоить тождество между нашею речью и письмом или книгою, между звуком и буквою. Да это в то время и не преподавалось с такою ясностью, как теперь; нас всех учили: «Аз, Буки, Веди», как будто «А» само по себе, «Аз» само по себе; мудрости этой понять я долго не мог, и когда меня, на десятом году, повезли в Архангельское приходское училище, я с трудом разбирал по

складам, и то только по печатному. Содержание отец получал, конечно, самое ничтожное, жить было страшно трудно. Я понимал уже тягостное положение своих родителей, и поэтому темнота моя в учении явилась для меня особенно тяжким бременем. О значении учения для моего будущего я мало думал и скорбел только о том, что отец напрасно платил свои последние крохи.

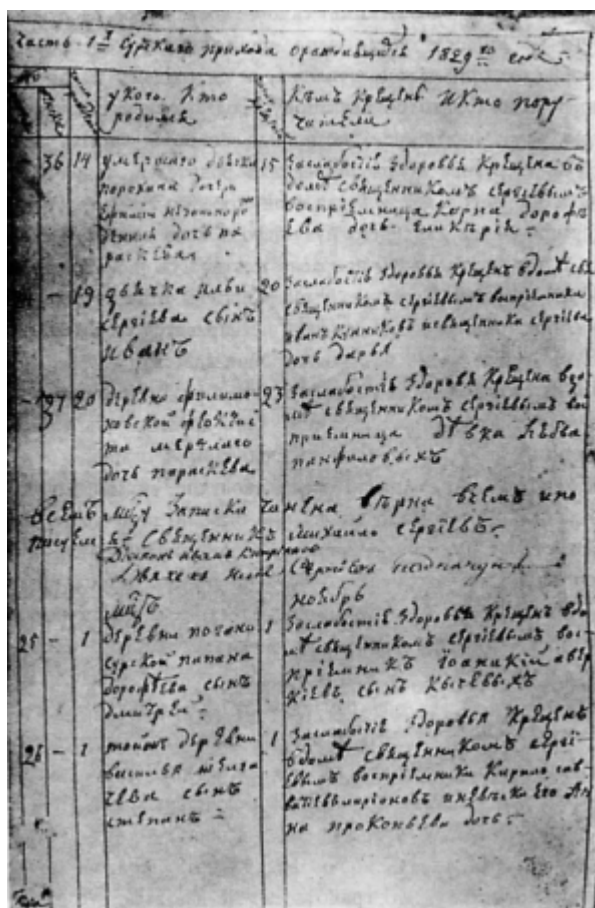
И с тревогой боязни за сына, Сергеевы отослали своего Ваню в училище, они боялись, что он не справится с учебой. И на первое время их боязнь оправдалась. Невесело жилось Ване в чужом городе, при крайней бедности. Он рос и учился один, без друзей, без поддержки, погруженный в себя, в свои детские думы и планы. Жизнь была не сладкая. Кормили, конечно, скудно, но к этому Ваня привык. Плохо было то, что не было ни книг, ни бумаги.

«Вместе с другими, такими же бедняками, ходил я, – рассказывает о. Иоанн, – «собирать» бумагой по

присутственным местам. Помню, каким богачом я чувствовал себя, когда экзекутор консистории дал мне, кажется, чуть не две дести. Больно мучила его мысль о родном доме, о нищете там, и, кажется, в это время он научился с особенной болью чувствовать чужую нужду, болеть о чужой бедности, нищете, в это время он больше всего грезит о том, что, когда вырастет, выведет и отца, и мать из нужды и поможет всем. В Ване развилась болезненная чуткость к страданию.

В частности, в его жизни эта бедность родителей мучила его особенно потому, что грамота ему не давалась. Школьная мудрость оказалась для него еще труднее начальной учебы. Ласковой помощи матери рядом не было, учителя мало заботились о том, чтобы помогать ученикам. Школьное дело шло плохо.

Страница метрической книги с. Суры 1829 г., в которой записано о рождении о. Иоанна

Введенский деревянный храм в Суре (построен около 400 л. тому назад)

Он работал целые сутки, и все-таки не успевал. Поэтому, движимый пламенной верой в Бога, он однажды, ложась спать, особенно горячо помолился Богу, прося Господа просветить его ум к разумению учения. Молитва веры кроткого и смиренного мальчика была услышана, и Господь обильно излил на него дары Святого духа. Вот что пишет об этом сам о. Иоанн:

«...Ночью я любил вставать на молитву. Все спят...тихо. Не страшно молиться, и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне, я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала, я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно потрясло меня всего. У меня точно завеса спала с глаз, как будто

раскрылся ум в голове и мне ясно представился учитель того дня, его урок, я даже вспомнил все, что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда я не спал так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и, о счастье, читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше: я все понимал, все оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике – решил, и учитель похвалил меня даже. Словом, в короткое время я продвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал я в науках, и в конце курса одним из первых был переведен в семинарию».

Нечего и говорить, что религиозная настроенность нисколько не ослабела у Вани в эти училищные годы: впечатления, вынесенные из семьи, были слишком сильны.

«Знаешь ли, – сказал о. Иоанн в беседе с игуменьей Таисией, – что прежде всего положило начало моему обращению к Богу и еще в детстве согрело мое сердце любовью к нему? Это святое Евангелие. У родителя моего было Евангелие на славяно-русском языке; любил я читать эту чудную книгу, когда приезжал домой на *вакационное время*, и слог ее и простота речи были доступны моему детскому разумению; я читал и услаждался ею и находил в этом чтении высокое и незаменимое утешение. *Это евангелие было со мною и в духовном училище*. Могу сказать, что Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем, утешителем, с которым я сроднился с ранних лет». Одиночество в школе наоборот подняло и усилило религиозно-молитвенную настроенность Вани: Бог был его единственным утешителем.

Как шла его дальнейшая ученическая жизнь, мы знаем мало. Есть только несколько характерных, но случайных указаний. Школа не убила в нем любви к природе. Природа по-прежнему говорила с ним, «как друг и как учитель, о Боге, вечности и правде».

Поэтично описывается в его воспоминаниях путешествие на каникулы домой. «Идешь сотни верст пешком, сапоги на руках тащишь, потому что вещь дорогая. Приходилось идти горами, лесами; суровые сосны высоко поднимают стройные вершины. Жутко – Бог чувствуется в природе. Сосны кажутся длинной колоннадой огромного храма. Небо чуть синее, как огромный купол. Теряется сознание действительности. Хочется молиться. «И чужды все земные впечатления – и так светло во глубине души и, кажется, с тобой в уединении весь мир беседует в тиши. И на своем языке непонятном и годы, и веки вторят свободно торжественный гимн вездесущему Богу». «Идешь и сны видишь». Т. е. идешь, а мысль далеко-далеко с Богом – у Бога...

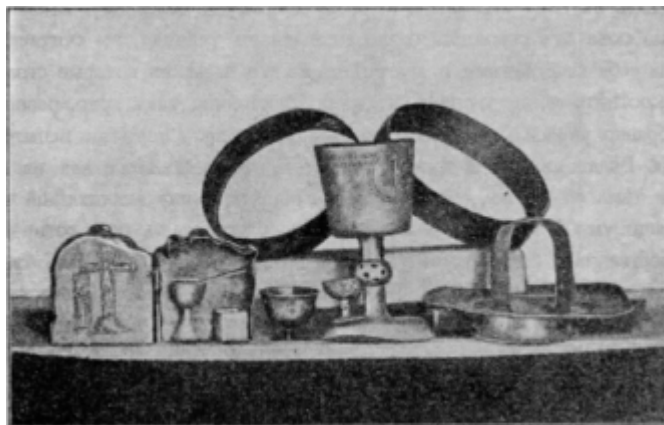
В семинарии о. Иоанн был старшим над архиерейскими певчими. Эта должность – над самой некультурной, пьяной и распущенной в прежнее время частью бурсы – едва не сгубила даже Ивана Ильича. Его спасла огромная любовь к матери и помощь Божия. На самом повороте к жизни «по образу и подобию» певчих он вдруг повернул в обратную сторону – окончательно лицом к лицу к Богу и Воле Его.

Последние годы Сергиев с горячей любовью занялся Богословием: он торопится запастись знаниями, хотя еще не знает, куда придется ему приложить их. Особенно часто останавливается его мысль на тайне искупления, домостроительства спасения. В нем растет сознательное религиозное чувство. К этим годам, кажется, относится одно видение, о котором любит рассказывать отец Иоанн. Он видел внутренность богатого, недавно построенного обновлённого храма – с блестящим иконостасом. Видение очень заняло его мысль, но конечно он не мог уяснить себе значение его. Оно объяснилось после.

Со средней школой о. Иоанн (окончил он семинарию первым) простился следующей речью, заранее изготовленной и, следовательно, не такой характерной и живой, как его позднейшие проповеди, но дорогой для нас, как первое его «слово».

«Преосвященнейший владыко и вы, достопочтеннейшие посетители! так начал свою речь о. Иоанн. «Немного бывает для

нас таких дней, каков нынешний, когда для поощрения образующегося здесь духовного юношества сделано все, что только может действовать особенным и приятным образом на молодой ум и сердце юноши, возбуждать, поддерживать и усиливать в нем стремления ко всему доброму и полезному. Вызванные сюда от скромной, безмолвной жизни ученика, мы считаем для себя счастливыми и драгоценными эти часы, в которые столь несоответственно нашему прежнему состоянию так ярко, разнообразно украсили вы ныне это важное для нас поприще испытания. Редки в нашей жизни дни, столь торжественные для нас; но чем они реже, тем более увеличивают силу впечатлений на наши умы и сердца; тем сильнее пробуждают в нас сознание собственного благополучия; тем более возбуждают в нас чувства живейшей признательности к виновникам этого торжества. Нет нужды говорить, что ваше присутствие здесь, ваше внимание к нам составляют теперь нашу радость, наше удовольствие и наше торжество».

Остатки старины в храмах с. Суры. (Венцы – простые деревянные обручи. Потирь, дискос, дарохранительница – оловянные)

«Но при этих, столько отрадных для сердца, чувствованиях нас тревожит одна мысль, что плоды образования, нами полученного, может быть, далеко не соответствуют вашим ожиданиям; даже, может быть, кажутся очень скудными, мало вознаграждающими труды и заботы попечительного начальства. Вполне представляя вашему суду наши успехи на поприще образования, мы утешаемся, с одной стороны, тою мыслью, что

ваша глубокая опытность не будет судить о нас по сравнению с собою. Нужно было только нам самим действовать в ваших трудах для полного успеха в деле. Ваши заботы, ваши старания о доставлении нам полезных сведений были очевидны для всякого из нас. Сколько сокровищ учености раскрыто было пред нами, чтобы каждый брал из них, что хотел, для обогащения своего ума! Как при наставлении вы старались доставить речи своей разнообразие и приятность, чтобы истины, вами сообщаемые, легче и удобнее были воспринимаемы умом и сердцем! Мы ощущали в сердце сладость ваших наставлений и старались запечатлеть их в памяти, чтобы потом в свое время употребить их с пользою для себя и для других. Но всего более вы заботились, как добрые отцы, о сохранении между нами доброй нравственности, для чего, с одной стороны, отнимаема была возможность для совершения пороков, могущих закрасться в душу извне; с другой – постоянно внушаема была необходимость чистоты жизни, как самого верного и надёжного средства быть счастливыми во всяком состоянии и возрасте. И мы убедились, как всегда опасен порок и как надежна и драгоценна добродетель».

Мать о. Иоанна

«После таких деятельных забот о нас попечительного начальства, остается только, при умении пользоваться

полученным образованием, быть довольными и счастливыми в жизни, тем из нас, которые уже совершили теперь трудное поприще просвещения и оканчивают курс семинарских наук. Сколько раз мы будем обязаны вам некогда самыми драгоценными минутами счастья и восторгов при познании тех благ, какие доставило и будет доставлять нам просвещение! Науки, говорит Цицерон, составляют утешение и счастье наше во всех состояниях и возрастах. Да, многократные опыты подтверждают эту истину! Но что всего приятнее и драгоценнее для нас в науках, это – мысль, что они всегда составят нашу неотъемлемую собственность, что они достались нам вследствие долговременных, усиленных трудов: а что добыто трудами, то всегда приятно и сладко. Для исполнения с нашей стороны долга справедливости в отношении к вам, для засвидетельствования вам глубочайшей благодарности за ваши благодеяния, у нас есть только сердце и язык. Примите же хотя этот плод сердечной к вам признательности; вы сами знаете, что воспитанники не могут воздать другой благодарности; как любящие отцы, вы считаете себя довольными, если ваши труды воспитания не остались напрасными, но принесли хоть сколько-нибудь плода».

«Благослови, преосвященнейший владыко, питомца, который по силам старался выполнить священный долг справедливости в отношении к благодетелям, и архипастырским благословением запечатлей и освяти конец образования двадцати двух человек».

Памятник-часовня над могилой матери о. Иоанна

С 1849 г. Иван Сергиев в Академии. Новая среда, новые условия жизни. Ивану Сергиеву сразу удалось встать в условия особенно благоприятные для его развития. В академии было свободное место письмоводителя и Ивану Ильичу, лучшему каллиграфу курса, было предложено это место. Постоянно думая о семье, о матери и ее нуждах, Иван Сергиев с готовностью занял завидное место с десятью рублями жалованья. Место дало ему, кроме жалованья, еще уединение. Письмоводитель пользовался особой «своей» комнатой, благом, которого были лишены остальные студенты. И вот эта письмоводительская контора была местом первых молитвенных подвижнических трудов о. Иоанна.

Уединенная комната, длинные ночи поддержали и воспитали тот дух молитвенного деятеля, задатки которого даны были всеми предшествующими годами семейной и школьной жизни. Здесь один на один, Иван Сергиев переживал первые восторги общения с Богом и надмирными обителями.

Четыре года студенчества он провел в молитве и чтении. Еще ранее поступления в письмоводители он на первый заработок от переписки чьего-то профессорского сочинения

купил толкование Златоуста на Матфея и радовался покупке, как «сокровищу из сокровищ».

«Особенно любил я, – рассказывает сам о. Иоанн – читать Библию и толкование Златоуста на Евангелие». За этим чтением Иван Ильич проводил длинные зимние часы. Иногда глубокая мысль Иоанна Златоуста до такой степени охватывала его своей возвышенной красотой, что Иван Ильич плакал в порыве духовного восторга, и рукоплескал златоустому витию, как рукоплескали ему когда-то его Антиохийские и Цареградские слушатели. Целые дни, недели и месяцы проходили в этом чтении, и на Златоусте и Библии воспитывалась душа будущего пастыря.

С четвёртого курса настроение Ивана Ильича, очень благодушное, светлое и радостное, начинает временами омрачаться. Ивана Ильича охватывают приступы тяжёлого отчаяния. Ему иногда казалось, что Бог покинул его, что люди желают ему зла, что небо все покрыто тучами и нет просвета... Тоска, тяжелая, мучительная и беспричинная охватывала душу, он не знал куда спастись от приступов темной и злой беспросветной тоски и молился... И вот, по благодати Божией, разрывались тучи беспросветного отчаяния, небо яснило, и минуты духовной радости, которые следовали за этим прояснением, были так радостны, что, казалось, можно пережить муки втрое больше за несколько часов этого утешения... При этом и приступы такого искушения были временными, мало-помалу они прошли и не возвращались более. Дни шли в работе.

Школьный диплом достался Ивану Сергиеву не даром... Он много работал и часто пожинал «терние и волчцы». Отрешённый от мира, весь погруженный в себя, Иван Сергиев не мог быть безупречным студентом со стороны успехов. Вызовы отвечать отрывали Сергиева от дорогих для него дум, вызывали его из мира его постоянных мечтаний, из которых ему трудно и больно было выйти. Неудивительно, что он не сразу мог войти в положение ученика, смущался и путался. Особенно трудно было ему отвечать профессору Лучицкому. Его отточенные, тщательно отделанные чтения по логике и эстетике

требовали буквальной и точной передачи. Сергиев не мог дать такой, а его стиль отрывистый и сильный совсем не подходил к расплывчатой и длительной манере профессора-гегельянца. Неблагополучно обстояло дело с лекциями преосвященного Макария по догматике. Макарий любил, чтобы его «уроки» сказывали без запинок, а Сергиев часто от смущения останавливался. Все это, впрочем, не мешало профессорам ценить серьезность и вдумчивость студента, и Сергиев шел.

О чем думал, чем жил в это время будущий Иоанн Кронштадтский? У нас нет его дневников, но воспоминания товарищей позволяют составить довольно полное представление о данном вопросе. Нередко можно было видеть Ивана Ильича у камелька второго этажа.

Наверху, недалеко от теперешней церкви, именно рядом с «пономарской» был один из студенческих номеров. И вот здесь, около горящей печки, любил греться Сергиев. Часто к нему присаживался кто-нибудь из обитателей номера, и начиналась беседа... О чем велась эта беседа? Конечно обо всем... Но некоторые темы, по-видимому, преобладали. «Чаще всего Сергиев беседовал со мной о смирении», – пишет протоиерей Л. П-ов. *Вот тема характерная для Сергиева.* Таким образом, и в это время больше всего занимает его заповедь о всепрощении, любви побеждающей. Он много думает об этой первой христианской добродетели и мало-помалу приходит к убеждению, что здесь сила и центр христианства, что все побеждает смиренная любовь, что к Богу и торжеству Его правды ведет один путь этой же любви смиренной. «Смирение, что может ему противиться, какая злоба его победит, какая сила пойдет против него?.. Когда остановишься перед преградой легкой и задашь себе вопрос, как сломить ее, – силой или смиренной любовью, всегда отвечай себе: возьму смиренной любовью, и победишь».

Маленький Ваня Сергиев молится перед отправлением в школу

Еще чаще, чем у огня, можно было видеть Ивана Сергиева в саду. Любил он ходить по аллеям академического сада и думать. Сад напоминал ему его любимые Архангельские леса. Он не скрывает от нас, в области каких вопросов двигалась его дума. Больше всего он думал о темноте – паутине зла, которая окутала мир, о жертве, принесенной на Голгофе, о тех темных и несчастных народах, которые и доселе еще сидят во тьме и сени смертной. И ему было до слез жалко этих людей, не коснувшихся ризы Христовой, и он рвался туда к ним проповедовать о Христе; звать темных людей в светлое Христово царство. Одно время твердо сложилось у Сергиева решение идти вглубь северной Сибири и Америки к не ведущим Христа, постричься в монашество и поступить в миссионеры. Но мало-помалу с этим решением вступили в борьбу новые мысли. Сергиев не мог не заметить, что рядом с ним не менее язычества, чем в Африке; он видел, что «дикари» Петербурга знают Христа не больше, чем дикари какой-нибудь Патагонии.

Архангельская семинария, где учился о. Иоанн

Он видел и начинающееся среди культурных классов искание Бога. Видел, как потерявший Бога культурный человек с ужасом бегал по улицам города и искал Бога, крича в смятении и ужасе: «Бога я ищу, Бога. Мы убили Его. Не блуждаем ли мы в бесконечном ничто. Не стало ли холоднее. Не наступает ли ночь». «Где наш Бог? Мы убили Бога – Бога живого человека. И вот руки наши в крови Бога и нечего поставить на место Его».

И вот ему стало казаться, что лучше остаться здесь среди этих городских язычников из христиан. Иван Сергиев искал успокоения в молитве, и нашел. Если верить авторитетному биографу – в это время повторилось его детское видение, но в более ясной форме.

«Однажды – рассказывает его биограф – отец Иоанн после одной из своих прогулок, увидел себя во сне священником, служащим в каком-то неизвестном ему соборе в Кронштадте. Сергиев увидел в этом сне указание Божие на то, что ему нужно быть священником².

Епископ Христофор, рукополагавший о. Иоанна в священника

Через несколько недель кончился четвертый год его студенчества – и на одной вечеринке (о. Сергиев почти никогда на них не бывал) Иван Ильич встретился с дочерью протоиерея Несвицкого из Кронштадта (Елизавета Константиновна). Тотчас же он сделал ей предложение и, по окончании курса, обвенчался. Студенческие годы окончились. Наступила жизнь... Сам Иван Ильич вышел из академии благодарный ей за то, что она дала, и – с большой жадой знаний.

«Обильно открыл Ты мне, Господи, истину Твою и правду Твою. Через образование меня науками открыл Ты мне все богатство веры, и природы, и разума человеческого. Уведал я слово Твое – слово любви, проходящее до разделения души же и духа нашего; я изучил законы ума человеческого и его любомудрие, строение и красоту речи; проник отчасти в тайны природы, в законы ее, в бездны мироздания и законы мирообращения; знаю населенность земного шара, сведал о народах отдельных, о лицах знаменитых, о делах их, прошедших своею чередой в мире; отчасти познал великую науку самопознания и приближения к Тебе, словом – многое, многое узнал я, так что вящшая разума человеческого показана ми суть».

«Слава тебе, Господи! Но я хочу знать больше. Дух мой жаждет знания. Сердце мое не удовлетворяется, не сыто. Учусь

и буду учиться».

* * *

12 декабря 1855 года о. Иоанн был рукоположен преосвященным Христофором, епископом Винницким во священники. Когда после этого он вступил впервые в Кронштадтский собор – он остановился на пороге почти в ужасе; это был собор его детских видений, о которых он вдруг вспомнил теперь с поразительной ясностью.

Первые шаги пастырства о. Иоанна

Во второй половине декабря молодой священник Иван Ильич Сергиев, с восторгом и дрожью радостного благоговения, впервые вступал в тот храм, где было суждено ему священствовать полвека.

Храм, только что обновленный к лету 1855 года, сверкал золотом и живописью. О. Иоанн сделал несколько шагов по храму, торопясь поклониться Святому Престолу, и остановился пораженный.

«Я», рассказывал он после, «увидел обстановку, давно мне знакомую. Это была внутренность того самого храма, какой я видел во сне 15 лет назад с этим вновь сделанным иконостасом, этот сон запечатлелся в душе моей навсегда, оставив во мне радость неземную. Это было мне знамением от Бога, что я буду священствовать в этом храме, ибо тогда уже я видел себя входящим и исходящим из северных и южных врат его, – так, как бы я был тут свой человек».

С каким чувством и мыслями приступал впервые к Престолу своего храма Кронштадтский пастырь, угадать не трудно. Он принес к престолу глубочайшее благоговение к пастырскому подвигу, чувство огромной ответственности. Перелистайте хотя бегло дневник, и вы на каждой странице найдете следы этого благоговения.

«Для того, чтобы властвовать, пишет он, нужно научиться управлять собой». «Что за лицо священник? Постоянно у него речь с Господом, и постоянно отвечает на его речь Господь, что ни треба, что ни молитва, то речь с Господом; что ни треба, что ни молитва, то ответ на нее Господа. Священник – ангел, не человек; все житейское он должен далеко оставить за собою. Ему, как ангелу апокалипсического, даны фимиамы мнози, да кадит пред Престолом Божиим и перед ликами Господа и Святых, и приносит Богу молитвы о всех людях. Его одежды во время богослужения изображают его, как ангела: ибо фелонь изображает нетленное одеяние и крылья ангела Божия. И действительно, священник должен быть, как ангел».

«Священник предстоит Престолу Бога Вседержителя, Который вверил его молитве и предстательству царей и царства вселенной, всю вселенную, в особенности царство Русское и Царя России с Его Домом, Его палату и воинство, всю Церковь, всю иерархию, епископство, пресвитеров, во Христе диаконов, весь причт и людей, всякий город и страну, и верою живущих в них. Он предстоит Престолу Вседержителя, во власти Коего небо и земля, все стихии, свет, воздух, огонь, вода, земля и все плоды земные, суша и море, все животные земные и водяные, и Который дал священнику право ходатайствовать пред Ним о благоращении воздуха и об избавлении от землетрясения, огня, меча, нашествия иноплеменников и междоусобные брани, от всяких бедствий, постигающих людей за грехи». «Священник у Самого Источника жизни всех тварей, у Самого Источника благодати, очищения и спасения. Он предстоит пред самую неприступную, всеблагою, всепремудрую и всемогущую Державою, пред Которой преклоняется все живущее – на небе и земле. Каков же должен быть Он, поставленный на такой высоте, у такой святыни, у такого величия, у такой безприкладной Державы, у такой Лепоты?»

«Священник – уста всех, ум и сердце всех людей, предстоящих и молящихся в храме; он выражает их славословие, благодарение, прошения. Каковы же должны быть эти уста, это сердце, этот ум?» «Какое требуется бесстрашие от священника! – пишет о. Иоанн в другом месте. Тот, кто мог так писать, конечно имел уста чистые и сердце горящее.

Такое глубокое сознание молитвенной ответственности пастыря конечно необходимо должно бы дать людям в о. Иоанне сильного молитвенника с первой же его литургии, но это было не все. В свое время годы семинарии и академии, проведенные в бдительном надзоре за собой, дали ему больше, дали понимание пастырства в самых глубоких его основах, в его внутренней сущности.

Беседуя о смирении и любви смиренной, как побеждающей силе, о. Иоанн не мог не понять, что если смиренная любовь необходима для всякого христианина, то для пастыря – в ней

главный секрет влияния, что пастырство есть любовь и только любовь.

Наружный вид Андреевского собора

И для нас очень важно, что эту веру он высказал уже в первом же своем пастырском слове; так значит много и серьезно он думал о своем деле еще раньше, чем подошел к алтарю. «Сознаю – говорит он, впервые беседуя со своей паствой – высоту сана и соединенных с ним обязанностей; чувствую свою немощь и недостойнство к прохождению высочайшего на земле служения священнического, но уповаю на благодать и милость Божию, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую. Знаю, что может сделать меня более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание. Это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братья мои. Потому-то и Господь, восстанавливая отрекшегося ученика в звании апостола, троекратно спросил его: любишь ли Мя, и после каждого ответа его: люблю Тя, повторял ему: паси овцы Моя, паси агнцы Моя.

«Любовь – великая сила: она и немощного делает сильным, и незначительного достопочтенным, и прежде незнакомого и

чужого делает скоро близким, и знаемым, и любезным. Таково свойство любви чистой, евангельской. Да даст и мне любвеобильный ко всем Господь искру этой любви; да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым».

То же самое он записывал и в своем дневнике, вскоре после начала пастырского подвига. «Священнику прежде всего и более всего нужно стяжать *любовь евангельскую*. Она нужна ему каждую минуту, каждое мгновение: нужна, когда он молится за торжественной службой в храме, когда молится дома или в домах прихожан, когда совершает таинства веры, когда находится в обычных ежедневных сношениях – житейских, семейных, товарищеских, или в сношениях с прихожанами, с начальниками или подчиненными, с воспитанниками и кончившими время воспитания, с детьми и взрослыми, со старыми и малыми. Но особенно нужна ему любовь при совершении Божественной литургии, которая есть вся таинство бесконечной любви Божественной к роду человеческому.

«Священник должен иметь непрестанно в себе Дух Христов и любить своих пасомых и вообще всех людей *утробою Христовою* (Флп.1:8). Взгляд священника на людей должен быть всегда взглядом Христовым, святым, любящим, кротким, незлобивым, терпеливым, всеобъемлющим, глубоким». «Пастырь должен быть *печальником* о всем мире». «Он – всем все». «Священник – *носитель духа любви вселенской*, духа святости, кротости, терпения, представитель истины и непоколебимости, твердости Церкви, неизменяемости ее».

Из этих проникновенных строк читатель видит, что о. Иоанн подошел к Престолу, вступил на проповеднический амвон и кафедру готовым, созревшим духовно, сильным «пасти овцы». И как увидим, в первые же годы он обнаружил эту силу.

Однако, сам о. Иоанн, конечно, не мог быть доволен собой. Наоборот, эта-то духовная зрелость и нравственная подготовленность только яснее указывали ему, как тяжел еще и длинен скорбно блаженный путь к пастырству в духе и силе Христа пастыреначальника. Он решил, что он не окончил учиться, а только начинает. Все пятьдесят лет его пастырства были для него школой. «Я все еще учусь», повторяет о. Иоанн.

По собственным его словам, он в это время похож был на ребенка, который собирается ходить. Он тяготел к Боту «желая, желал» воплотить, схватить всей душой светлый идеал пастырства, какой был перед ним, но боялся за свои силы, не знал, что делать. Нерешительно делал он первые шаги, иногда готов был упасть и в эти минуты в испуге протягивал свои руки, как ребенок к матери, к Христу и милостивая десница Божия поддерживала его... поднимала и вела туда, куда нужно было идти.

С чего же мог он начать это пастырское воспитание? С того, с чего он рекомендует начинать воспитание души всем...

Нужно почаще быть у себя дома, говорит он, без этого нет движения. Нужно глубже всматриваться в совесть, следить за каждым движением души. Недаром завет «познай себя» считается первой буквой в азбуке самосовершенствования. «Следи за своим сердцем всю жизнь и присматривайся, и прислушивайся к нему, что препятствует к соединению его со всеблаженным Богом? Это да будет наука наук, и ты при помощи Божией легко можешь замечать, что тебя отдаляет от Бога и что приближает к Нему, соединяет с Ним. Об этом говорит самое сердце, то соединяющееся с Богом, то отторгаемое от Него». «Испытывай себя чаще: куда зрят очи твоего сердца – к Богу ли и к жизни будущего века, к премирным блаженным и светоносным силам небесным и святым, водворенным на небесах, или же к миру, к земным благам: пище, питью, одежде, жилищу, к людям грешным и суетным, их занятиям? О, если бы очи наши были устремлены выну к Богу! А то мы только в нужде и беде обращаем очи свои ко Господу, во время же благоденствия очи наши обращены к миру и суетным его делам».

«Пристальнее всматривайся в лицо души и внимай себе непрестанно, чтобы не иссякла в тебе духовная жизнь, духовное мудрование. Размышляй чаще о всем том, что читаешь и поешь, или слушаешь в церкви, или иногда на дому. Да будут чресла твои препоясаны и светильник горящий, и ты подобен человеку, чающему господина своего, когда возвратится от брака».

И сам отец Иоанн помнил эту «науку наук». И в первые годы пастырства о. Иоанн все часы и минуты живет «дома», *во внутренних тайниках совести*, он не видит и не замечает мира, когда этот мир не обращается прямо к нему, как человеку или пастырю.

Жители Кронштадта с удивлением и сначала даже смущением видели на улицах священника, со скрещенными на груди руками, с устремлённым вдаль, блестящим, вдохновенным, но далеким от мира взглядом. Конечно, многие смеялись и издевались над пастырем. Некоторые даже считали его за человека ненормального, называли юродивым. Слухи об этом, конечно, не могли не достигнуть до о. Иоанна. Часто вслед ему слышались глумливые возгласы: блаженный, юродивый. О. Иоанн не смущался.

Главный придел Андреевского собора

Покровский придел Андреевского собора.

“Пастырь должен быть печальником о всем мире”.

О. Иоанн в первые годы своего служения

«Что же, говорил он, пусть юродивый: юродивые Христа ради своим странным поведением и отношением к ближним становились посмешищем всему миру, но дела их были таковы, что их недостойн мир; к сожалению, только я далек от этого юродства святых».

И он продолжал жить этой внутренней молитвой, погруженный вглубь духа, ищущего богопознания. В эти минуты творилось великое дело: зрела душа, подходила к Богу. В это время о. Иоанн раз навсегда наметил себе путь ко Христу Богу и достойному пастырству в мире, среди людей. В чем этот путь?

Священник – проповедник, священнослужитель, духовник. К каждой из этих обязанностей нужно себя подготовить. Как же? Чем? Ответ на это дан о. Иоанном в автобиографии его души, т. е. в его дневнике. Кроме беседы с совестью, пребывания у себя «дома», пастырь воспитывает себя в двояком направлении: дома и в мире.

У себя он должен воспитываться чтением писания, углублением в Богослужение святой церкви и молитвой. Как мы видим, о. Иоанн начал и советует начинать с уединения, с «некоего душевного затвора». Однако, как легко видеть, это

уединение не совсем полное, здесь «затворник» наедине с Богом. Пребывание в «храмине души», в затворе сердца – одна из форм общения с Богом.

О. Иоанн с евангелием в руках

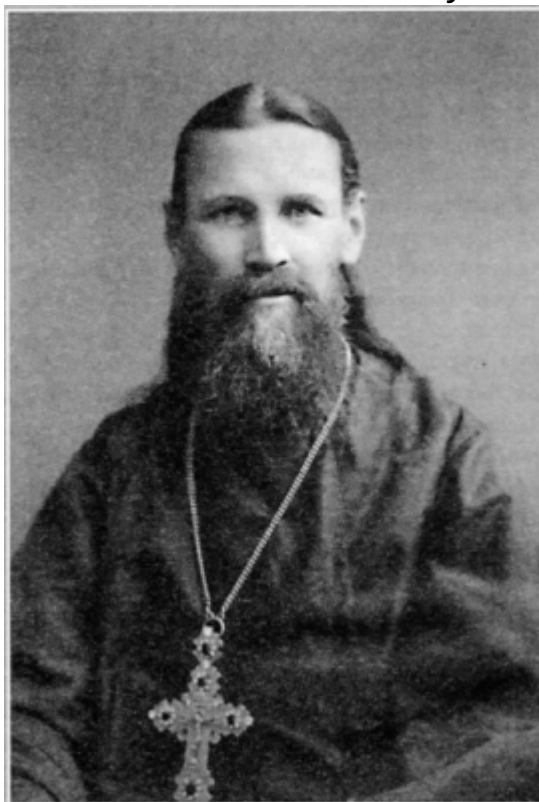
Рядом с ней должно идти единение с Богом в духе его иным «деятельным путем» или вернее «путями». Эти пути: чтение Св. Писания, внимательное изучение Богослужения, этого великого создания церкви, молитва и работа на меньших братьев Христовых – деятельная любовь.

Первый путь создает христианина и проповедника, и пастыря; Второй – христианина, священнослужителя и пастыря; Третий – христианина и пастыря; Четвертый – христианина, духовника и пастыря.

И все четыре создают человека.

Итак, прежде всего чтение Св. Писания. С первых дней своего высокого служения церкви, – пишет о. Иоанн, я поставил себе за правило: сколь возможно искреннее относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, строго следить за собою, за своею внутреннею жизнью. С этой целью, я прежде всего принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него назидательное для себя как для человека, священника и члена общества. Потом я стал вести

дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, свои благодарные чувства за избавление от искушений, скорбей, напастей и постоянную помощь».

О. Иоанн Сергиев

Он стал читать Писание и как читать: не всякий читает эту книгу книг одинаково, и о. Иоанн читал не так, как мы. Св. Писание книга не обычная: его нужно читать, проникая в глубины его до конца, до дна. И о. Иоанн, по собственным словам, годами учился читать Священное Писание, перечитывал страницу за страницей, стараясь вникнуть во все оттенки смысла. «В рудниках ищут золото – перемоют песок, возьмут, что найдут, и песок бросают. Но хорошо известно, что, при нашем способе промывки, из песка берут не все. Если перемыть снова песок, найдешь еще. А мы как читаем Евангелие, Библию? Если возьмем одну сотую святого золота, то слава Богу. Потому читайте десять, сто раз и всякий раз найдете «новое» золото и во второй его будет больше, чем в

первый, в третий – больше чем во второй, глаза больше привыкнуть видеть нужные светлые блески».

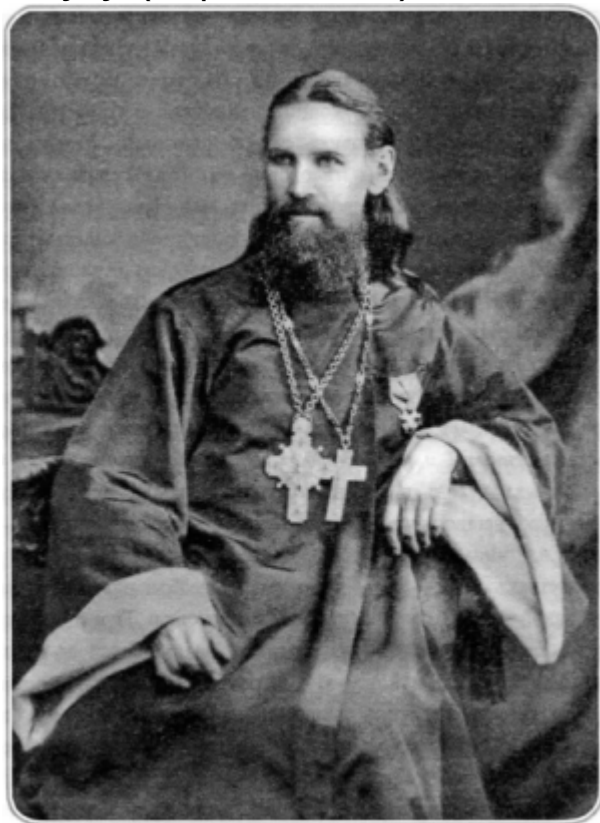
Этого мудрого правила, которое в таких же приблизительно словах указал нам о. Иоанн 10 лет тому назад, всегда и держался сам батюшка. О. Иоанн считает постоянное чтение Писания первой своею обязанностью, – он десятки раз перечитывал святыя страницы и, конечно, каждый раз находил действительно новое золото в богатых рудниках Евангелия, хотя оно ему уже давно и знакомо до слова наизусть. И, нет сомнения, именно таким отношением к Писанию объясняется глубокая проникновенность его дневников, которая, конечно, только отражает озаренность души, просветлённой словом Божиим.

Огромное значение чтения Св. Писания для души, о. Иоанн засвидетельствовал в глубоко поэтических словах еще в 1856г., через месяц после посвящения.

«Читая слово Божие, гляди на него, пишет он, всегда не сквозь тусклый покров твоих страстей, но оком очищенного от всякой нечистоты сердца, и тогда ты опытно узнаешь, что оно свет для твоего ума, с которым не только без боязни, но и с радостью ты можешь идти путем самой сени смертной. Опытна также узнаешь, что слово Божие доставляет сладчайшую жизнь для твоего сердца, радуя, согревая, умягчая, очищая, просвещая, оживотворяя его своими светло-животворными лучами. Ты увидишь, как самые кости твои и все тело твое ощутят священный, животворный трепет радости, и весь мир, вся тварь Божия представится тебе ликующею от радости и славословящею своего Создателя, дающего всему живот и дыхание и вся».

«Сердечные очи твои узрят, как радуясь вкупе и трепеща предстоят престолу Вседержавного Творца тысячи тысяч и тьмы тем чистых, светлейших, мощных блаженных духов, Херувимов и Серафимов, и прочих сил бесплотных. Узрим, как от престола Господа славы некоторые из этих святых и светлых сил бесплотных, превосходящих человека умом, волею и могуществом, нисходят, по воле Творца любвеобильного, на грешную, мрачную землю нашу – с братскою любовью и

заботливостью охранять не только стихии земли, наши царства, города и веси, но и в отдельности каждого человека. Как они руководят его, поверженного во мрак и нечистоту, слабого, беззаботного о своем блаженстве вечном, к *тмам Ангелов, Иерусалиму небесному и церкви первородных, на небесах написанных, и духом праведник совершенных, и к Ходатаю Завета Нового Иисусу* (Евр.12:22–24).

О. Иоанн Сергиев.

От мира светлых духов и духов мрака и гибели обращая взор свой в мир вещественный, ты с веселием сердца увидишь «горе» – светлые миры, стройно вращающиеся в необъятных для ума пространствах неба, «долу» – твою землю, необъятную для человека ни с какой земной возвышенности, на которую Творец зрит с престола славы Своей, как на пылинку, вращающуюся в безграничном пространстве; которую и Ангелы с высот небесных обозревают разом, как малый шар, вращающийся то около себя, то около большого светила небесного, называемого на земле солнцем.

«Небеса со своими мирами бесчисленными будут внятно говорить твоему сердцу и твоему уму о бесконечной красоте, благодати и всемогуществе твоего Творца, *поведают*, по словам псалмопевца, *славу Божию* (Пс.18:1). Все эти светящиеся тела в недоведомой высоте, тысячи лет видимые с земли, суть дело рук Его. Сердце твое, просвещённое светом слова Божия скажет тебе, что *Господень есть день и Господня есть ночь* (Пс.73:16), что все эти перемены света и мрака на нашей земле постоянные, безмолвные свидетели Промысла Божия о нас грешных. Что вся вселенная, как она необъятна для нашего ума, есть единый дом Божий, устроенный рукою Всемогущего, Вездесущего, Премудрого и Всеблагого Художника; солнце для нас – большая лампада, которая является в разных местах неба смотря потому, в какое положение ставится к ней земля; луна – меньшая, которая сама обходит землю для освещения ее; звезды – свечи, горящие в глубине дома. Творец – Хозяин этого дома, Коего Дух исполняет его (*Дух Господень исполни вселенную*), о постоянном присутствии Коего в этом доме свидетельствует повсеместная жизнь, изумительная стройность и порядок, как в целом, так и во всех частях.

Когда будешь надлежащим образом смотреть на слово Божие и читать его, то увидишь, как закипит в душе твоей святое стремление ко всему истинному, прекрасному и доброму, или, говоря языком богословским – к богоподражанию, так как Бог есть высочайшая истина, красота и добро. *Блажен муж, коего воля в законе Господа, о котором он размышляет день и ночь. Он будет как древо, насажденное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и во всем, что он ни делает успеет*»³. (Января 1856 года).

Священное Писание нужно для христиан, необходимо для пастыря, но перед пастырем, кроме библии, еще служебник, требник, акафисты и каноны. Конечно, они не могут дополнять книги книг? О. Иоанн думает, что могут. Отношение о. Иоанна к богослужению, к страницам требника и служебника тоже, что и к библии.

Он чувствовал с большой глубокой болью падение внимания к службе церковной, усиливающееся равнодушие ко

Христу и не склонен был обвинять в этом одних слушателей. Нет, тут были виновны и совершители. Они не давали слушателям всего, что было дано в богослужении, потому что сами не могли войти полными хозяевами во владение сокровищницей богослужения.

Для того, чтобы ввести слушателей в дух богослужения, думал о. Иоанн, нужно войти самому в его дух, понять его душу. Богослужение написано слезами, любовью, следовательно, только слезами и можно войти в него. Нужно с душой, раскрытой для любви, пытаться понять богослужебный «чин» святой церкви, воскресить в своей душе те чувства, какие создали литургию. И вот он читает служебник и требник, как Писание, вдумываясь в каждую мысль, мысленно переносясь в длинные галереи катакомб, в те горницы, где святые «агапы» совершались с действительно Христовой любовью. Созданное вдохновением любви, оно и в нем будит то же вдохновение и делает его службу пророческой, воскрешает в ней служение первых веков. Мы ниже увидим, как научился служить о. Иоанн, путем этого внимательного углубления души в содержание и мысль богослужебных книг.

А третий путь – молитва, где ему место? Этот путь все: без него нет ни понимания писания, ни понимания литургии, никакого духовного деяния. Молитва освещает и страницы Писания, и букву служебника. Она приближает к человеку Бога и уясняет и слово, и Волю Его.

Но молитве опять таки нужно учиться, молитву нужно завоевать. И о. Иоанн учится и молиться. Мы видели, что молиться о. Иоанн умел и юношей: теперь он делает новые шаги в приобретении дара молитвенного. Его *метод*, если позволено так выразиться, усвоения дара молитвы прекрасно описан в той же автобиографии его души, т. е. в дневнике.

«Дар молитвы, говорит он, приобретается усилием. Средство для этого – настойчивость в молитве, а главное в способности сосредоточить свои мысли на образах Неба. «Зажигательное стекло тогда зажигает дерево или бумагу, или другое что удобно сгораемое, когда мы наведем его на предмет так, что лучи солнечные, сосредоточенные в фокусе стекла, все

сосредоточиваются на одной точке зажигаемого предмета, всю свою совокупность действуют на него, и, таким образом, как бы все солнце в уменьшительном виде помещается на предмете. Так и в молитве, тогда душа наша согревается, оживляется и воспламеняется умным Солнцем-Богом, когда умом своим, как зажигательным стеклом, мы наведем на сердце, как на духовную точку в нашем существе, это мысленное Солнце, и когда Оно будет действовать на сердце всею Своею простотой и Своею силою. То же о Богоматери, об Ангелах и святых. Наведи на свое сердце их образы так, как они есть, со всею силою и святынею пусть сердце примет озарение их на себя с возможною полнотою и силою, и оно воспламенится их любвеобильным, как бы огненным действием: их чистота, святость, благодать, сила сообщится твоему сердцу, и оно будет само очищаться, само укрепляться в вере и любви, и чем далее, чем решительнее и постояннее ты будешь иметь сердце свое обращенным к Нему и Его Святым, тем больше сердце твое будет просвещаться, очищаться и оживляться».

«Когда молишься Богу, вообрази живо, кому ты молишься. Ты молишься безначальному и бесконечному Царю всякой твари, всесвятому, всеблаговому, всемогущему, премудрому, вездесущему, всеправедному, пред Которым благоговеют миллионы миллионов Ангелов различных порядков, Коего воспевают воинства мучеников, сословие пророков и апостолов, соборы святителей, преподобных и праведных».

Развить способность молиться – это значит развить в себе способность представлять себе живо Бога – Его святой лик... Лично о. Иоанн, живя и днем, и ночью около Бога и с мыслью о Нем, конечно без труда мог приобрести эту способность переноситься в иные сферы и, поэтому, если у кого, то у него труд созидания в себе духа молитвы и не мог быть, и не остался бесплодным. О. Иоанн сосредоточивает в себе огромную силу молитвы. Он достигает того, что молитва его становится действительно внутренней беседой с Богом. *Он спрашивает, и Господь дает ответы.*

При этом необходимо отметить, что о. Иоанн, как сын православной восточной церкви, на первых же порах сознал,

что молитва не должна быть просто экстатическим погружением в святые образы, некоторой потерей сознания. Нет, она, по его мнению, должна быть трезвой беседой с Богом, исходным пунктом которой должно быть настоящее духовное состояние. Человек должен нести Богу свои думы и чувства, что бы они там очистились и просветились, а не просто искать молитвенного самозабвения.

Эта черта очень серьезна для характеристики духовного облика о. Иоанна: отсюда его молитва так ярко отражает его личность. Слова его молитвы всегда продиктованы его душой, а не взяты готовыми со слов других. *И слова чужих молитв у него всегда слиты в нераздельное едино с его настроениями.* Так как при таких условиях молитва есть всегда создание души, выражение ее жизни, отражение не вообще молитвенного состояния, но данной молитвенной минуты, данной жизненной обстановки, то и понятна ее огненная сила и ее постоянная искренность и, что особенно важно для нас сейчас, ее заразительность, властное влияние на чужие присутствующие души. Был ли совершенно спокойным и тихим этот подвижнический путь? Нет, далеко нет.

О. Иоанн много говорит о своих духовных борениях и искушениях. Были минуты, когда, по его словам, волна страстей – гордости, самомнения и т. д. готова была захватить его. Демоны обступали отовсюду. Душа обуревалась отчаянием – небо темнело, как иногда и в юношеские годы, на душе становилось тяжело от прикосновения темных крыльев зла, молиться не хотелось, вера падала.

Такие минуты были даже не редки, но они не были продолжительными: благодать и молитва всегда отгоняли искушения и прогоняли тьму. Искушения и страсти отступили перед силой Христовой. «Даю себе и вам отчет: что я делал, ставши священником, и что делал в этом сане?» говорил о. Иоанн по случаю 40 и 45 лет священства.

«Рукоположенный во священника и пастыря, я вскоре на опыте познал, с кем я вступаю в борьбу на моем духовном поприще, именно с сильным, хитрым, недремлющим и дышащим злобою, погибелью и адским огнём геенны князем

мира сего и с духами злобы поднебесными. Как говорит Апостол: «наша брань не против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных». Начались искушения, обнаружились пакости вражды, немощные уязвления, преткновения; враги, как разбойники, стали преследовать меня в духовном шествии моем и в служении Богу моему. Это значило, что Господь, Пастырь добрый, ввел меня в искус и опытное духовное обучение, чтобы я познал, с какими врагами имею дело, приняв на себя иго Христова священства, с кем должен бороться, от кого хранить словесных овец, как ограждать их от змия всей бездны, от льва рыкающего и ищущего всякий день кого бы поглотить.

Как духовный воин, я должен был зорко следить за злохитрыми действиями неусыпающих, лукавых, злых, невидимых врагов, нападавших на меня чрез различные страсти и страхования, и часто терпеть наносимые мне от них раны в душе, язвы, смущения, тесноты, поражения, хотя, в свою очередь, и я поражал их оружием веры, молитвы, покаяния, причащения св. Таин Христовых. И в этой невидимой, но упорной, полной уязвлений душевных, брани, от которой страдала плоть, Господь научил постоянно руки мои духовные на ополчение, и персты мои на брань. В этой невидимой, жестокой войне я учился искренней вере, упованию, терпению, молитве, правоте духа, чистоте сердца, непрестанному призыванию имени незримого, державного Победителя ада и Пастыреначальника Иисуса Христа, и Его именем и силою побеждал врагов и свои душетленные страсти, рыкавшие на меня, подобно львам, или завывавшие, подобно волкам. Эта борьба с сильным и хитрым невидимым врагом воочию показала мне, как много во мне немощей, слабостей и греховных страстей, как много имеет во мне князь века сего, и как я должен много бороться с собою, со своими греховными наклонностями и привычками и победить их, чтобы быть, по возможности, неуязвимым от стрел вражых.

Началась духовная брань, самоблюдение; изощрение духовного зрения; обучение себя непрестанной, тайной молитве

и призыванию всеспасительного имени Христова. Как Псалмопевец царь – пророк Давид, я постоянно стал возводить сердечные очи в горы, на небо, откуда приходила ко мне явная, скорая, державная помощь, и враги мои сильные обращались в бегство, а я получал свободу и мир душевный».

«Стократ блаженны, думал я; пустынники, удалявшиеся ради неразвлекаемого служения и для спасения души в пустыни, чуждые соблазнов мира. Но надо, опять думал я – подвизаться и в мире, живя среди людей, и сохранять себя нескверным от мира». (Слово 12 Дек. 1895 г.).

Писание, изучение богослужения, молитва – вся эта работа в уединении священнической кельи и в уединении совести подготовили пастыря. Довершил созидание его души мир, деятельность среди паствы – практическое пастырство. С первых дней пастырства о. Иоанн весь погружается в сутолоку жизни, близко входит в соприкосновение с жизнью своей паствы и растет в борьбе за чужие души, за чужое спасение.

Кронштадт того времени, когда вошел в него о. Иоанн, был особенный город. В 60-х годах Кронштадт служил местом высылки административным порядком порочных, неспособных в силу своей порочности граждан, преимущественно мещан и разного сброда.

Эти люди носят наименование «посадских», и в описываемое нами время городские жители много терпели от них. Ночью не всегда безопасно было пройти по улицам города, рискуя подвергнуться нападению и грабежу. Для о. Иоанна, значит, было поле деятельности своеобразное, требовавшее особого человека. Конечно, можно просто и игнорировать всех этих посадских, как своего рода «отбросы», но этого не мог сделать о. Иоанн. На отбросы-то он прежде всего и обратил свое внимание.

Жили посадские, большей частью, в самых глухих улицах, в землянках. Страшные это были утолки. Здесь темнота, грязь, грех. Здесь семилетний развратен и вор. На чердаки никогда не поднимался даже праздничный крест. Сюда ни один священник не приходил с молебнами в Светлое воскресенье.

И, вот, в это «темное царство» врывается луч какого-то другого, нового мира, священник Бога живого. О. Иоанн «открыл» чердаки: именно открыл как какую-то «новую» землю. Он не брезгует грехом, не боится запачкаться о чужую грязь. Нет, он любит. Нужно, думает он, любить всякого человека: и в грехе его, и позоре его...

«Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения. Грехи грехами, а основа-то в человеке одна – образ Божий. Другие со слабостями, бросающимися в глаза, злобны, горды, завистливы, скупы, сребролюбивы, жадны, да и ты не без зла, может быть, даже в тебе его больше, чем в других. По крайней мере, в отношении грехов люди равны: все, сказано, согрешиша и лишены суть славы Божией, все повинны перед Богом, и все равно нуждаемся в Божием к нам милосердии. Потому, любя друг друга, надо терпеть друг друга и оставлять, прощать другим их погрешности против нас, чтобы и Отец наш небесный простил нам согрешения наши».

«Нужно чтить и любить в каждом человеке образ Божий, не обращая внимания на его грехи, Бог един свят и безгрешен; а как Он нас любит, что Он для нас сотворил и творит, наказуя милостиво и милуя щедро и благостно»!

«Не нужно смешивать человека, этот образ Божий, со злом, которое в нем, потому что зло есть только случайное его несчастье, болезнь, мечта бесовская, но существо его – образ Божий, все-таки в нем остается». Злые люди больные люди, а больных нужно жалеть больше, чем здоровых. И вот о. Иоанн приходит в лачуги и землянки не с требой на десять минут, а к душе христианской – к брату погибающему; он остается здесь часами, беседует, вместе плачет.

Первое впечатление, какое он производит, это, пожалуй, чувство стеснённости, помехи, хочется отделаться. Встречают его первые дни и месяцы грубостями. Но у батюшки есть давно испытанное средство. Это дети. Помните, как действовал Св. Леонтий Ростовский. Когда его выгнали взрослые, он обратился к детям, действовал на их сердце и разум, и потом через детей приводил к Богу отцов и матерей; приблизительно также действовал часто о. Иоанн.

Он не хотел действовать через детей, делая их средством. Нет, дети просто сблизили душу родителей, грубую, но любящую по отношению к ним, детям, и душу пастыря, полного любви и к детям, и родителям. О. Иоанн ласкает детей, и они доверчиво жмутся к батюшке, а за детьми потянулись и родители. В сущности, эти дикари трущоб часто тоже дети, на ласки они рады откликнуться – только не сразу.

«Мне было тогда только еще годов двадцать два, двадцать три – рассказывает в письме один ремесленник. Теперь я старик, а помню хорошо, как видел в первый раз батюшку. У меня была семья, двое детишек, старшему года три. Рано я женился. Работал и пьянствовал. Семья голодала. Жена потихоньку по миру собирала. Жили в дрянной конурке – на конце города. Прихожу раз не очень пьяный... Вижу, какой-то молодой батюшка сидит и на руках сынишку держит, и что-то ему говорит ласково. И ребенок серьезно слушает. Может быть грех, но мне все кажется, батюшка был как *Христос на картинке «благословение детей»*. Я было ругаться хотел: вот, мол, шлятся, да глаза батюшки и ласковые, и серьезные в одно время меня остановили. Стыдно стало... Опустил я глаза, а он смотрит, прямо в душу смотрит. Начал говорить. Не смею я передать все, что он говорил. Говорил про то, что у меня в коморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло, и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душе так, как перед слезами. Жена смотрит... И, вот, с тех пор я человеком стал».

Не сразу, конечно, поддались о. Иоанну босяки. Сначала они могли видеть в беседах батюшки каприз, что-то в роде развлечения от нечего делать. Но вот скоро эти подозрения разбились. Бескорыстие о. Иоанна показало, с кем они имеют дело. Очевидцы рассказывают о такого рода фактах, которые даже неудобно рассказывать в наше время. Времена меняются и для нас, далеко отошедших от Евангелия; святое и евангельское, Христово, может показаться странным и блаженным.

Кронштадтские жители часто видели своего пастыря, возвращающегося босым. Не один раз прихожане Андреевского собора приносили матушке сапоги, говоря: возьми, вот, а то твой-то отдал их, босой придет, мы купили, не ходить же ему так. Я не сразу было даже решился привести этот рассказ, переданный мне о. Дмитрием Соколовым; от него веет настолько не нашим духом, что я почти уверен, о. Иоанна осудят за то, что он осмелился идти босой (как ходили Христос и Апостолы), это – юродство. Подумавши – не решился и утаить, ибо кто знает, может быть, рассказ затеряется, а я думаю, что есть люди, которые отнесутся к нему и не с глумлением⁴.

Во всяком случае, это бескорыстие «Божьего человека» и привлекло к о. Иоанну первых его учеников. Босяки стали его искать. Каждый день рано поутру, после обедни, о. Иоанн, выходя из церкви, был окружаем кучкой бедняков, обращавшихся с просьбами о помощи в различных нуждах, и преимущественно материальных: одному нужно было платье, другому – несколько копеек на пропитание, у третьего – сапоги отказывались служить. Отец Иоанн терпеливо выслушивал, каждого расспрашивал сам о семье, детях. «Невольно – пишет один биограф – представляется глазам: добрая, одухотворенная фигура его с ясным, насквозь пронизывающим взглядом, устремленная на просителя.

– Не обманываешь ли ты меня о Христе брат? – с теплою любовью, но строгим тоном спрашивает о. Иоанн. – Денег у меня немного, а видишь скольким помочь нужно.

Проситель начинает уверять в правдивости своих слов, и кончается тем, что отец Иоанн, по силе возможности, наделяет его деньгами, или же сам отправляется на местный рынок и там покупает платье, сапоги, наконец пищу, словом смотря по тому, что всего более необходимо для просителя в данный момент.

Бывали, конечно, и случаи обмана. Раздавал о. Иоанн до тех пор, пока от его жалованья и доходов не оставалось ни копейки даже на обед дома. Другой на месте о. Иоанна, конечно, удовлетворился бы и материальной, и духовной помощью, какую мог оказать без ущерба для себя. О. Иоанн не

мог. Он знал, что многие голодные и не хотят просить, а к духовно-гибнущим нужно подойти. И в то время, как «нищие и духом, и телом» стали искать его, он и сам по-прежнему продолжал поиски «нуждающихся и обремененных горем и грехами».

Трогателен его обычай заходить на «огонек». О. Иоанн и теперь имеет обычай вечером от 11 и до 12 иногда ходить по улицам Кронштадта. Он просит себя не беспокоить в это время: он молится. То же, конечно, было и в первые годы пастырства. Но вот после этой молитвы на пути домой он видит «огонек» в какой-нибудь избе. «Огонек» – не спят, может быть, какое горе и о. Иоанн заходит, беседует, плачет с плачущими и радуется с радующимися. И много раз в душе многих впервые затеплился огонек после этого посещения «по огоньку».

«Приходит о. Иоанн в бедную семью, рассказывает Зыбин, видит, что некому сходить даже за съестными припасами, потому что из одного угла доносятся болезненные стоны хворой матери семейства, из другого несмолкаемый плач полуголодных, иззябших, больных ребятишек. Отец Иоанн сам отправляется в лавочку, чтобы купить провизию, в аптеку за лекарством или приводит доктора, словом, окружает несчастную семью чисто родственными попечениями, никогда, разумеется, не забывая и о материальной помощи, оставляя там последние свои копейки, которых слишком мало в то время имел еще и сам. Уходил он оттуда постоянно радостный, умиленный, с твердой верой в милосердие Божие и надеясь, что Господь пошлет ему средства для дальнейших благодеяний, помня слова Св. Писания: «рука дающего не оскудевает».

Больше всего о. Иоанн помогал своим детям своими хлопотами. Он не давал, бывало, покою властям, пока они не принимали на службу какого-нибудь из его «несчастных», и конечно добивался своего. Чисто библейскую сцену отношений о. Иоанна к его первой пастве рисует один наш кронштадтский собеседник.

Летом о. Иоанн любил беседовать за городом. Придет туда на лужайку со «своими детьми», сядет на зеленую траву и начнет свою речь о Боге, о Сыне Его, о любви и милости. Около

ног его дети. Он обнимает, целует. Один поднялся к нему на колени. Взрослые кто стоит, кто сидит... Так шли дни, и вот посадские решили сразу, что это святой, а святому на Руси всегда открыты все души, все тайные помышления. И о. Иоанн стал своим в домах этих бедняков, уже по зову, по просьбе.

Бедняки стали приглашать его наперерыв, ища уже не одной только денежной помощи. О. Иоанн никогда не отказывал на эти просьбы о посещении, удовлетворял нуждающегося в нем, приходил, просиживал довольно продолжительное время, наставляя его христианскому учению и, в конце концов, не гнушался вкусить скудной трапезы бедняка, памятуя слова Апостола: «предлагаемое да едят».

Нечего и говорить, что, спускаясь в землянки посадских, о. Иоанн не проходил и мимо страдающих душ из других слоев. Вот рассказ одного кронштадтского торговца.

«Будучи еще молодым человеком, я лишился жены, оставившей на моих руках малолетнего сына. Я сильно скорбел. Порою доходил даже до уныния. Не только потеря горячо любимой подруги мучила меня, едва ли не больше я мучился мыслью о дальнейшей моей судьбе. Я чувствовал и признавал, что неспособен воспитать своего шестилетнего сына, который, как и надо ожидать, без присмотра материнского, предоставленный самому себе, стал шалить и баловаться. По торговле пошли убытки и упущения. Я стал считать ее бесцельною. Для кого и для чего, думал я, торговать? Сынишка так еще мал, да и что еще из него выйдет? Полное разочарование жизни стало одолевать меня. Чтобы избавиться от гнетущей тоски, я стал искать утешения вне дома в вине, и незаметно для самого себя стал пьяницею. Время шло. Сынишка рос на своей волюшке, торговлею я почти совсем не занимался, оставив лавку на приказчиков, и только выжидал случая совершенно покончить с нею. Однажды иду я утром по улице и вижу, навстречу идет о. Иоанн, должно быть прямо из собора от обедни. Повстречался со мною, благословил меня, да и говорит:

– Я к тебе, брат, иду: надо бы с тобою побеседовать немножко.

Пришли мы в квартиру мою. Батюшка сел, да и говорит:

– Жаль мне тебя, раб Божий! я давно наблюдаю за тобою. Думал, не образумишься ли ты, и решил наконец придти к тебе на помощь. Послушай меня, сбрось с себя хандру. Это враг силится уловить тебя. Если не исправишься, смотри, худо будет. Перестань пить, не отлучайся из дому без особенной надобности. Торговлю бросать не думай, а займись ею сам. Помни, что ты не один. У тебя – сынишка, не губи его и себя. Учить его пора. Учи грамоте, бери с собою в лавку, приучай понемногу к делу; и тебе повеселее будет, да и он с помощью Божией приучится к делу, человеком будет, тебе помощником, а под старость кормильцем твоим, утешением твоим. Слышишь же, с сегодняшнего дня начинай. Довольно по улицам-то бродить без дела. Человеком ты был, человеком и оставайся!

С этими словами батюшка встал, надел епитрахиль и говорит:

– Ну, вот на почин дела помолиться надо. Помолимся поусерднее Господу Богу, чтобы Он Сам помог нам раскаяться, да в разум истины придти.

И стал он на молитву. Со слезами он молился за меня грешного. Потом благословил нас с сыном, обещал навещать и молиться за нас, и ушел. Словно проснулся я от долгого тяжёлого сна; и квартирка-то наша стала милей для меня. Со слезами раскаяния я обнял своего сына. Только тут я почувствовал, как виноват пред ним. Ведь чуть было совсем не сгубил его. С благословения батюшки принялся и за дело. Батюшка действительно навещал меня, иногда подолгу беседовал со мною, утешал, подкреплял меня, ласкал и наставлял сыночка. Дело по торговле за год поправилось, и я стал снова «человеком» за молитвы дорогого батюшки». (И. Таисия. О. Иоанн, как пастырь).

«Я, говорил о. Иоанн этому торговцу, давно наблюдаю за тобою». Но отцу Иоанну не нужно и долго наблюдать. Эта чуткая, полная любовной отзывчивости душа сразу замечала, кому нужна поддержка и помощь, и он не смущаясь шел к больной душе, неся исцеление, хотя эта душа была ему не знакома.

О. Иоанн в конце семидесятих годов

«Судьба рано заставила меня страдать... и томиться жизнью, рассказывает одна девушка. С малого детства я не была любима в родной семье. От природы болезненная, не развитая, ни к чему неспособная, но изнеженная, нервная, я была в тягость и другим, и самой себе. Отдали меня в институт. Но и оттуда через три года исключили по неспособности к учению. В то время, когда меня исключили из института, отца моего уже не было в живых. Мать моя, болезненная женщина, не имела средств меня содержать так, как мы жили при отце. В лишениях, скорбях проводили мы с нею дни свои. Но, вот, наконец, умирает и мать моя, оставляя меня одну, совершенно без всяких средств к жизни. Куда мне было преклонить свою голову? Я гостила то у одних родственников, то у других, то у знакомых. Не имея возможности нигде прочно приютиться, я перекочевывала с места на место.

«Одно время я гостила в Кронштадте. И здесь мне было скучно. Однажды мне уж очень стало тяжело, и я во время одной прогулки начала обдумывать план, как бы мне прекратить свое бесполезное и мучительное состояние. Сидя в таком грустном настроении, я не заметила, как подошел ко мне священник и, приветливо поклонившись, сел на другой конец лавочки. Не зная его, как и никого в Кронштадте, и не желая ни

с кем разделять своего тяжёлого настроения, я встала и хотела удалиться. Но незнакомый мне батюшка остановил меня и сказал: «Я обеспокоил вас, кажется. Извините, но, проходя мимо, я не мог не подметить тяжёлого настроения вашей души, свидетельствующего о глубокой вашей скорби, и, как пастырь, хотя и незнакомый вам, но по сану пастырства не чуждый, решил подойти к вам и с чувством искреннего участия побеседовать с вами. Не стесняйтесь, откройте мне вашу скорбь. Может быть, чрез меня грешного Господь и успокоит вас и утешит вас».

«Тронутая таким участием человека, мне совершенно незнакомого, я горько заплакала, но ничего не могла сказать, кроме одного: «я несчастная, лишняя на свете!»

– Великий ум Творца не мог сотворить ничего лишнего, – отвечал батюшка.

Указывая на ползущую по песку букашку, он продолжал:

– Посмотри, что беспомощнее, ничтожнее этого насекомого? Но и оно не лишнее, и оно приносит долю пользы, и оно не забыто и не оставлено Творцом! А ты, будучи человеком, этим любимым созданием Божиим, отчаиваешься в Его милосердии! Поведай мне скорбь свою, скажи, что случилось с тобою.

О. Иоанн Сергиев.

«Тут я излила всю душу свою пред добрым батюшкой. Мне казалось, что еще никто не говорил со мною с таким участием, никто так не утешал меня. Он казался мне Ангелом, посланным Богом на спасение мое от гибели, до которой было уже мне так недалеко. С искреннею отеческою любовью он беседовал со мною. Ободрял, утешал, указывал мне путь жизни, которым я и иду до настоящего времени, не переставая благодарить его. Имени своего он мне не открыл, назвавшись одним из соборных священников. Когда же, вернувшись домой, я рассказала о своей замечательной встрече и беседе с каким-то священником, мне сказали, что это был несомненно о. Иоанн. При этом они добавили: это дивный, святой человек».

Главный источник, из которого о. Иоанн черпал силу, возрождающую чужие души, была, конечно, молитва. Все его часы отдавались молитве. У него не было еще в то время такой популярности, какая теперь; следовательно, было больше досуга. Ночи его были свободны, но он отдал их молитве за других.

«О. Иоанн, при проезде через Петергоф, часто останавливался у меня, рассказывал нам о. Д. С-ов. Утром спросишь: как спал?

– Слава Богу, добрая ночь. Здоров. Голова свежа.

А я знал, что он и не ложился в постель до самого утра».

Как молился он за других, можно читать в его же дневнике. «Младенцы Павел и Ольга, по беспредельному милосердию Владыки и по молитве моего непотребства, исцелились от одержимого ими духа немощи. У Павла-малютки немощь разрешилась сном, малютка Ольга получила спокойствие духа и личико из тёмного сделалось ясным. Девять раз ходил я молиться с дерзновенным упованием, надеясь, что упование не посрамит, что толкущему отверзается, что хоть за неотступность даст мне Владыка просимое; что если неправедный судия удовлетворил наконец утруждавшую его женщину, то тем более Судия всех, праведнейший, удовлетворит мою грешную молитву о невинных детях, что Он призрит на труд мой, на ходьбу мою, на молитвенные слова и коленопреклонения мои, на дерзновение мое, на упование мое. Так и сделал Владыка, не посрамил меня грешника. Прихожу в десятый раз – младенцы здоровы. Поблагодарил Владыку и пребыструю Заступницу».

И вот естественно, что эта молитва с первого же года дала пастырю ту веру, которая двигает горы и творит исцеления, веру, которую о. Иоанн считает обязательной для пастыря.

«Раб Божий – говорит он, при совершении Богослужения и таинств должен быть твердо убеждён, что только он *что-либо помыслит и скажет, это и сделается*. Так удобно и легко для Владыки исполнять наши прошения, творить или претворять что-либо по нашему слову. Это убеждение пусть так в тебе будет крепко и естественно, как твое дыхание воздухом, как видение зрением, как слушание слухом». И у него была эта вера и удивительно ли, что он «испытал тысячекратно на себе, что это точно так; испытал, что между словами: «рече и быша, повеле и создашася», нет промежутка, что они истинны во всей силе».

Один из близких знакомых⁵ о. Иоанна, присутствуя за его службой в день святителя Николая заметил, что служение было каким-то особенно радостным и сильным, настойчивым: «Святителю Отче Николае, моли Бога о нас». Настойчиво, как будто вспоминая о чем-то бывшем: «Моли, как тогда-то молился».

Он сказал «батюшке» о своем впечатлении. «Да, ты прав – отвечал о. Иоанн, и есть причины, почему я особенно молюсь в эти дни. Дело вот в чем. В первый год моей службы приезжает ко мне один товарищ мой с 4-го курса академии. Говорит мне, что экзамены он не может держать, оглох: ничего почти не слышит, лечиться нужно.

– Но ты должен держать!

– Не могу.

– Должен. Давай молиться. И мы молились целую ночь вдвоем. И мой товарищ выздоровел и держал экзамены. Для меня это святой день и я помню его».

И шли первые годы пастырства – радостные, святые, светлые. Это были годы жизни всецело для других. «Я священник – говорил о. Иоанн, – чего же тут; значит, говорить нечего: не свой, другим принадлежу».

Молодая жена его как бы по обету превратилась, в первое время, правда, не без ропота, в сестру милосердия своему «глаголемому» супругу в его высоком служении Богу и ближним. Во все эти годы они виделись только, говорят, на несколько чуть ли не минут в день, когда о. Иоанн появлялся дома поздно вечером или рано утром.

– Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно, – говорил обыкновенно он. – А мы с тобой посвятим себя на служение Богу.

И вот к 60 годам мы уже видим в о. Иоанне почти нынешнего о. Иоанна. Уже в 60-х годах его день проходит так: «Отец Иоанн только что вернулся домой после литургии и бесчисленных визитов к больным и страждущим; перед домом по обыкновению стояла толпа нищих, ожидавших подаяния.

Отец Иоанн роздал все до последнего двугривенного и оставил только 20 коп. на пароход, чтобы, отдохнув, ехать в

Ораниенбаум к трудно больному: о. Иоанн знал, что дома у него этой суммы не найдется. Едва он вошел в свою скромную комнату, как услышал в прихожей шум и громкий разговор.

Не снимая верхней одежды, о. Иоанн вернулся в прихожую; оказалось, что какая-то женщина с рыданиями просит пустить ее к батюшке.

– Пусть подождет, – говорит о. Иоанну жена: ведь ты с 5 час. утра ходил, голодный, измученный; пообедай, отдохни...

– Погоди, я спрошу, что она хочет.

Увидав батюшку, женщина бросилась ему в ноги.

– Спаси нас, отец – молила она, – у меня муж умирает, пятеро детей второй день не ели, я сама едва хожу. Одна надежда на тебя...

– Пойдем к тебе, – ласково отвечал о. Иоанн, подымая женщину, – Господь тебе поможет...

И о. Иоанн, совершенно забыв об обеде и усталости, вышел из дому вместе с женщиной.

– На, вот тебе 20 коп. Зайди в лавку, купи хлеба и яиц, больше у меня нет...

Придя к женщине, о. Иоанн действительно застал картину страшной нищеты: умирающий смотрел безжизненно остановившимися глазами и не шевелился; дети стонали от голода.

Когда хлеб и яйца были съедены, о. Иоанн сам помог женщине убрать ее темную подвальную каморку, привел несколько в порядок детей и затем, опустившись на колени перед крошечным образком, висевшим в углу, начал громко молиться...

О. Иоанн Кронштадтский

Женщина повторяла слова и молитвы и все ждала, когда же отец Иоанн будет просить у Господа исцеления больного, улучшения их бедственного положения, нужды... Но отец Иоанн просил совсем о другом... Он молил Бога о прощении грехов, спасении души, о вере и любви к Спасителю... Когда голос его стих, он стоял еще долго, опустив голову, и затем, встав с колен, подошел к кровати и благословил больного.

– Приди ко мне завтра в церковь, – сказал о. Иоанн уходя.

Не успел он выйти из дома, как увидел уже несколько человек, ожидавших его с приглашениями в Петербург и Ораниенбаум; выслушав просителей о. Иоанн отправился с ними на пароход, и только в первом часу ночи вернулся домой «обедать»... Нечего и говорить, что наутро он сделал для семьи все, что мог, а он мог уже многое.

А далее 70–80-е годы, известность растет и растет: несколько не удивительно, если такого пастыря скоро все узнали. Весть о молодом необыкновенном священнике стала быстро распространяться и вне Кронштадта. Рассказы о

подвигах милосердия, любви и о плодах его молитвы ходили из уст в уста.

В 1883 году 20 декабря в газете «Новое Время» появилось знаменитое «благодарственное заявление», которое было началом уже всероссийской известности Кронштадтского священника. Составленное неизвестно кем, сопровождаемое десятками подписей, это заявление гласило буквально следующее:

«Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим нравственным долгом засвидетельствовать искреннюю, душевную благодарность протоиерею Андреевского собора, что в городе Кронштадте, отцу Иоанну Ильичу Сергиеву, за оказанное нам исцеление от многообразных и тяжких болезней, которыми мы страдали и от которых ранее не могла нас исцелить медицинская помощь, хотя некоторые из нас подолгу лежали в больницах и лечились у докторов. Но там, где слабые человеческие усилия являлись тщетными, оказалась спасительною теплая вера во Всемогущего Целителя всех зол и болезней, ниспославшего нам грешным помощь и исцеление чрез посредство достойного пред Господом благочестивого отца протоиерея. Святыми и благотворными молитвами сего, так много заслужившего пред Верховным Зиждителем всех благ, подвижника, все мы не только получили полное избавление от угнетавших нас недугов телесных, но некоторые из нас чудесно исцелились и от немощей нравственных, бесповоротно увлекавших их на путь порока и гибели.

Копия с адреса, поднесённого о. Иоанну в день двадцатилетнего юбилея

И теперь, укреплённые столь явным знаком Божьего к ним милосердия, почувствовали силы оставить прежнюю греховную жизнь и пребывать более твердыми на стези честного труда и богобоязненного поведения. Считая особенно полезным для назидания многих в наше маловерное время заявить во всеобщее сведение о таковом видимом проявлении неустанно пекущегося о греховном человечестве всеблагото Промысла Божия, признаем неуклонным долгом пред лицом всех заявить свою глубокую благодарность столь много помогшему преподобному о. протоиерею, прося его и на будущее время не забывать нас грешных в своих молитвах. Вместе с тем, стараясь твердо памятовать сами, сообщаем и для других единственный, преподанный нам многодостойным пастырем-исцелителем, при наших к нему обращениях, высоко врачующий спасительный совет жить по Божьей правде и как можно чаще приступать ко Св. Причастию». (№ 2807).

После этого заявления о. Иоанн стал введом всей России. Он получает сотни телеграмм и писем. Двор маленького домика, занимаемого и поныне о. Иоанном, стал наполняться всяким пришлым народом. Приходили недугующие, страждущие, обремененные, приходили с семейными невзгодами, пьющие запоем, покинутые жены... Всем была нужда до батюшки. Его звали, приглашали всюду. Пред ним открывали свою душу. И он никому не отказывал, принимая всех приходивших к нему; молился с ними, утешал их. Шел по первому зову к трудно больному, ехал за десятки верст. Везде, где только ни появлялся он, вносил мир, отраду, надежду, веру. Каждый уходил от него с облегченным сердцем и смягченными телесными страданиями.

И чем более везде и всюду распространялась о нем добрая слава, тем все менее и менее находил он за собою заслуг. Все он смиренно приписывал Богу. «Благодать и милость Спасителя нашего не оскудевают и ныне, не оскудеют до века... Слава Спасителю нашему Богу! Он видит, что неложно я воссылаю Ему эту славу. Только Им и о имени Его я славен, а без Него – бесчестен; только Им силен, а без Него – немощен; с Ним свят, а без Него – исполнен грехов; с Ним дерзаю, без Него малодушествую; с Ним кроток и смирен, без Него – раздражителен и не благ. Возвеличите же Господа со мною и вознесем Имя Его вкупе (Пс.33:4)».

Такая популярность внесла в жизнь о. Иоанна только новые терния. Прежде всего неприязненно отнесся к о. Иоанну его ближайшая власть – настоятель собора⁶. О. Иоанна обвиняли в небрежном отношении к его обязанностям, в неблагочинном поведении, как священника, в самовольных отлучках. Над о. Иоанном было даже следствие, которое, конечно, не могло найти в его деятельности ничего предосудительного, но тем не менее не проявило особенной чуткости к огромному, святому, просветительному делу о. Иоанна.

Неприязненно относились к о. Иоанну и гражданские власти, напр. кронштадтский полицеймейстер Г., который несколько лет тому назад был предан суду за лихоимство и взяточничество.

О. Иоанн прощал, и любил, и молился за врагов. Суд над Г. был торжеством этой прощающей любви! Прокурорская власть, зная отношение полицеймейстера к о. Иоанну, вызвала о. Иоанна в качестве свидетеля по делу Г. Здание суда ломилось от публики в день допроса о. Иоанна. Г. и его защитники сильно волновались. Но вот начался допрос. К общему удивлению и разочарованию многих, о. Иоанн говорил только о хороших поступках Г. и в каждом обвинительном пункте находил что-либо гуманное, полезное.

– Свидетель, – обратился к о. Иоанну прокурор, – вы должны на суде говорить всю правду, ничего не скрывая.

Глаза о. Иоанна засветились тем огнем, который не раз заставлял дрожать многих. Он не дал кончить прокурору начатой фразы и произнес твердым и решительным голосом:

– Я говорю по священству.

Все присутствующие затаили дыхание. Прокурор отказался от допроса; защитники также, а когда о. Иоанн оставил зал суда, часа полтора держала его в коридорах толпа народа, прося благословения. Слова: «я говорю по священству» у всех надолго остались в памяти. С большой болью встречал о. Иоанн обвинение в печати и общественном мнении, потому что они мешали его делу. В чем только его не обвиняли?!.

Обвиняли о. Иоанна и в основании какой-то небывалой секты, упрекали в небрежном будто бы отношении к своим обязанностям, в извращении Св. Писания. Мало того, стремились доказать, что почтенный пастырь разрушает семейные узы и кичится своими благодеяниями. Призывали даже к общественному вниманию и принятию каких-либо мер против о. Иоанна. Некоторые распространяли даже какую-то бессмысленную молитву, приписывая ее о. Иоанну.

О. Иоанн в восьмидесятих годах

О. Иоанна лично не смущала эта клевета; он считал ее неизбежной на пути ученика Христова. В минуты гонений, воздвигаемых на него, он приводил себе на память слова Спасителя: «раб не может быть больше господина своего» (Ин.15:20), и утешал себя следующими мыслями:

«Как гнали Господина жатвы, так будут гнать во все времена истинных последователей Его. Но Господь заранее утешил всех своих верных учеников убожением и обетованием им величайшей награды на небесах – вечного царства небесного; и наперед претерпел Сам жесточайшие мучения и смерть, оставив всем нам пример мужества и терпения при гонении за правду. «Блаженны изгнани правды ради: яко тех есть царство небесное... Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесах». Он как бы так сказал: не унывайте и не отчаивайтесь, верные Мои последователи, возвещающие людям правду словом и делом, и с твердостью непоборимою до изгнания и смерти стоящие за истину Мою, за заповеди Мои. Я буду вашею подпорою, вашею силою, вашим утешением, вашим внутренним блаженством при всех ваших злостраданиях, напастях и скорбях, при всех истязаниях и

мучениях за имя Мое. *«Яко же страдания Мои будут избыточествовать в вас, так будет вам избыточествовать Мое утешение»* (2Кор.1:5).

Если о. Иоанн и страдал иногда от этих обвинений, то не за себя. Он иногда боялся только за свое дело. Когда в 1892–93 году по поводу одной типографской обмолвки⁷ и одного неточно понятого богословского термина о. Иоанна стали упрекать даже в не православии, он смутился. Не в не православии своем конечно усомнился он, а боялся, что этот, вызванный недоразумением повод вызовет смуту, подорвет доверие к его пастырству. Он тогда же счел нужным даже защищаться и защищался с достоинством и твердостью.

«Уне – писал он – мне умереть, нежели кто похвалу мою упразднит», подорвет славу (репутацию) священника – слуги Христова. Хотят смутить народ православный. Лишить меня доверия России. Это не по Христову учению. Это по прелести, а не по Христу. Верой я дорожу больше всего на свете, а на нее нападают».

«Я худ нравственно, но я православный. Троице пребожественная!.. Ты ведаешь мое точное не поврежденное православие... Молю Тебя – рассеяй недоумение и отврати поношение неправильное». Боюсь – говорит он – что соблазнят ко греху и осуждению пастыря души неопытных и скорблю.

Впрочем, он твердо верил в торжество истины. Он знал, что Христос победит. И Христос победил. Мало-помалу в молодом священнике перестали уже видеть юродивого; напротив, мало-помалу, всем стало ясно, что именно таков и должен быть истинный служитель православной церкви.

Итак, путем народной молвы, путем затеплившейся любви бедняков, с течением времени обрисовался образ доброго пастыря, образ полный захватывающего обаяния. И тогда уже не стало разногласия в разных слоях общества, которое с изумительным единодушием создало, наконец, нравственное превосходство гонимого и осмеиваемого дотоле священника.

А главное – Христос окончательно победил в самом о. Иоанне. Внешние искушения, глумления, практика пастырства

создали того о. Иоанна, какого мы теперь имеем. Что такое теперь о. Иоанн?

Прежде, чем перейти к нынешнему о. Иоанну, посмотрим еще один эпизод из первых годов пастырства, его законоучительство.

Законоучительство о. Иоанна

В 1857 году о. Иоанну было предложено законоучительство в Кронштадтском городском училище (с 1862 года и в гимназии). Он принял предложение с радостью, и это понятно. Где, как не в школе, священник с большим успехом может совершить свое дело «претворения душ эгоистических во всескорбящие».

Здесь, среди детей, о. Иоанн должен был чувствовать себя в мире особенно желанном и близком его детски-чистой душе. Мы видели, как о. Иоанн любит цветы. Давно сделано наблюдение, что кто любит цветы, любит и детей. Едва ли это наблюдение случайное. Любовь к цветам, настоящая любовь, заботливая, трогательная, нежная, почти молитвенная, говорит о сердце с сильно развитым тяготением к чистому, нетронутому, невинному. Дети в семье – это то же, что белые ландыши в природе. Это остатки первобытного рая, последние следы погибшей непорочности, чистое и красивое среди грязного и часто безобразного. Но цветы – это только символ красоты.

Детская душа – живая Божья красота. Как же после этого мог о. Иоанн не любить детей?! В школу о. Иоанн, по собственным его словам, вступил как делатель в питомник душ. Мы непроизвольно начали главу сравнением любви к детям с любовью к цветам. Это собственное сравнение о. Иоанна.

«Как приятно садовнику или любителю комнатных растений видеть, что их растения хорошо растут, зеленеют и дают цветы или плоды и вознаграждают их труды. Как они удваивают тогда свое усердие в уходе за ними. И землю ежегодно под ними переменяют, если это комнатные растения, и поливают тщательно и во время, а сухие веточки или пожелтевшие листочки обрывают, чтобы они и места не занимали на стебле растения, и не безобразили его собою, да и соков его напрасно в себя не тянули. Зато и посмотреть мило на эти растения! Цветочки-то какие, например, у олеандры, у розы, – нашей русской и китайской, – глядишь не наглядишься и скажешь: дивен Ты, Создатель наш, не только в человеке, в Твоем образе

и подобии, но и в растениях бездушных, и в цветочках древесных.

Впрочем, что нам много говорить о растениях и цветах? *Они все-таки дерево, сено, как ни хороши. А вот вы, детки, наши растения или лучше – Божьи бесценные. Вы – наши цветы. То, что сказано о них, надо приложить и к вам».*

И как любовно ухаживал за своими Христовыми цветами воспитанный во Христе «вертоградарь». Воспитывать души – такова была задача, которую поставил себе новый законоучитель. Его взгляды на преподавание в это время были довольно определённые. Он заявлял не раз, что задача каждого преподавателя дать ученикам определённый, исчезающий прочный фонд, на котором он сам будет строить впоследствии прочное здание разумного жизнепонимания.

Не количество, а прочность усвоенного важна. О. Иоанн намечает и то, где и как, какими средствами приобретается эта прочность. Средство это – ассимилировать знание с душой, слить со всем ее прежним духовным содержанием так, чтобы знание срастворилось, вошло как новый, постоянный элемент духа, – преподавать только то, что может быть усвоено, переработано душой, умом и сердцем, а не памятью.

«Душа человеческая по природе проста – пишет он; и все простое легко усвоит себе, обращает в свою жизнь и сущность, а все хитросплетенное отталкивает от себя, как несвойственное ее природе, как бесполезный сор. Мы все учились. Что же осталось в нашей душе из всех наук? Что врезалось неизгладимо в сердце и памяти? Не с детскою ли простотой преподанные истины? Не сором ли оказалось все, что было преподано искусственно, безжизненно? Не напрасно ли потрачено время на слишком мудрые уроки? Так, это всякий из нас испытал на себе. Значит, тем осязательнее всякий должен убедиться в необходимости простого преподавания, особенно малым детям... Не в том сила, чтобы преподавать много, а в том, чтобы преподавать немного, но существенно нужное для ученика в его положении».

Этот взгляд уже ручается за то, что уроки нового учителя будут педагогически разумны. Но о. Иоанн не был просто

преподавателем, он хорошо сознавал отличие законоучителя от преподавателя. Все, что нужно от преподавателя, нужно законоучителю, но здесь нужен еще большой существенный придачок, нужно многое, без чего может обойтись вообще учитель.

«Закон Божий не есть предмет преподавания» – вот основное положение законоучительства о. Иоанна. Я не знаю законоучителя, который бы в такой мере, как о. Иоанн, усвоил святое правило, данное в прекрасной книге «Учение и учитель».

«Ты преподаешь детям Закон Божий!.. Больше всего берегись делать из Евангелия учебную книгу; это грех. Это значит: в ребёнке обесценивать для человека книгу, которая должна быть для него сокровищем и руководством целой жизни. Страшно должно быть для совести разбивать слово жизни на бездушные кусочки и делать из них мучительные вопросы для детей. Приступать с речами о Евангельских словах к детям и вызывать у них ответы – для этого потребна душа, чуткая к ощущениям детской души, но когда приступают к делу с одной механикой программных вопросов и ставят цифирные отметки за ответ на вопросы, иногда неловкие и непонятые ребенком, вызывая волнение и слезы, – грех принимают себе на душу экзаменаторы, и можно сказать о них: не ведают, что творят с душою ребенка.

«Есть какое-то лицемерное обольщение в школьном деле, когда Закон Божий и соединенное с ним внушение начал нравственности составляет лишь один из предметов учебной программы. Как будто нечего больше желать и требовать для нравственной цели, как иметь наличность той или другой цифровой отметки за ответы в предмете, называемом Законом Божиим. Есть в школе законоучитель, есть программа, есть балл, показатель знания – *e sempre bene*. Результаты такой постановки учения поистине чудовищные. Есть учебники, в коих по пунктам означено, что требуется для спасения души человека, и экзаменатор сбавляет цифру балла тому, кто не может припомнить всех пунктов... Где тут разум? Где нравственность? Где, наконец, и прежде всего – вера, о коей мы лицемерно заботимся?».

И о. Иоанн учит Закону Божию, Евангельскому закону, а не текстам, хотя и больше всего ценит подлинный Евангельский текст; у него на уроках изучается история Царства Божия на земле, а не история царей Израильских. Он призван просветить сердце и больше всего заботится о том, чтобы правда Евангелия была усвоена сердцем учеников.

«При образовании юношества о чем надо больше всего стараться? О том, чтобы стяжать ему просвещённые очеса сердца. Не замечаете ли, что сердце наше – первый деятель в нашей жизни, и во всех почти познаниях наших зрение сердцем известных истин (идея) предшествует умственному познанию. Бывает так при познаниях: сердце видит разом, нераздельно, мгновенно; потом этот единичный акт зрения сердечного передается уму, и в уме разлагается на части, являются отделы: предыдущее, последующее; зрение сердца в уме получает анализ свой. Идея принадлежит сердцу, а не уму – внутреннему человеку, а не внешнему. Поэтому весьма важное дело – просвещённые очеса сердца при всех познаниях, но особенно при познании истин веры и правил нравственности».

Правда, батюшка задавал и уроки, но никогда не придавал значения спрашиванию. Баллы и уроки отходят у него на задний план. Его урок проходит так. «О. Иоанн, читаем у одного бывшего ученика о. Иоанна, на своих уроках спрашивал обыкновенно сначала тех, кто сам заявлял свое желание отвечать урок, и надо было видеть, с каким усердием и выразительностью старались отвечать ему эти «вызывающиеся». За такие ответы батюшка ставил высший балл: «пять с плюсом», и, бывало, чувствуешь себя вполне удовлетворенным и как бы духовно преобразившимся, заслужив эту отметку, сопровождавшую милостивое слово батюшки: «Спасибо тебе, доброе чадо!»

Потом спрашивал остальных, но только 2–3–5 минут. Вторая половина посвящалась объяснению – пересказу Евангелия, чтению Св. Писания и жития святых или объяснению катехизиса.

Он говорил о том, чем жил. Евангелие – это живой завет Христа. Дети не могут не слушать со святым вниманием слов

Христа. Их душа ещё слишком близка, слишком родственна «небесным звукам», чтобы быть к ним холодной. Если дети могут не слушать «Закона Божия», то только потому, что он преподается так же, как и всякий предмет, т. е. с легкой сдержанной скукой или с холодной добросовестностью. Такое преподавание «убивает Евангелие», заставляет учеников видеть в словах этой книги «слова, которые нужно выучить», а при этих условиях, конечно, дело погибло.

О. Иоанн не мог так читать. Он передавал слова Христа именно как завещание учителя-Бога. Его голос, лицо – все говорило как дороги, как святы, как нужны для жизни эти заветы, и дети слушали и «слагали слова в сердце своем».

У о. Иоанна не было неспособных, его беседы запоминались навсегда и почти одинаково сильными и слабыми. Были такие, которые не сразу умели передать содержание бесед о. Иоанна, но не было таких, которые не принимали в свою душу этого содержания. Все внимание батюшки направлено было не столько на то, чтобы заставить запомнить, сколько чтобы пленить в послушание христианским заветам души детей, наполнить их теми святыми образами, какими была полна его душа. Этого он и старался достигнуть чтением Писания и Библии.

Эти чтения, рассказывает один ученик о. Иоанна, настолько нас заинтересовали и занимали, что мы просили обыкновенно книги эти с собой на дом. И о. Иоанн всегда приносил с собой на запас много отдельных житий, которые сейчас же расхватывались. Мальчик бережно прятал такую книжку в ранец, а вечером, выучив свои уроки, он собирал своих домашних и читал им ее вслух.

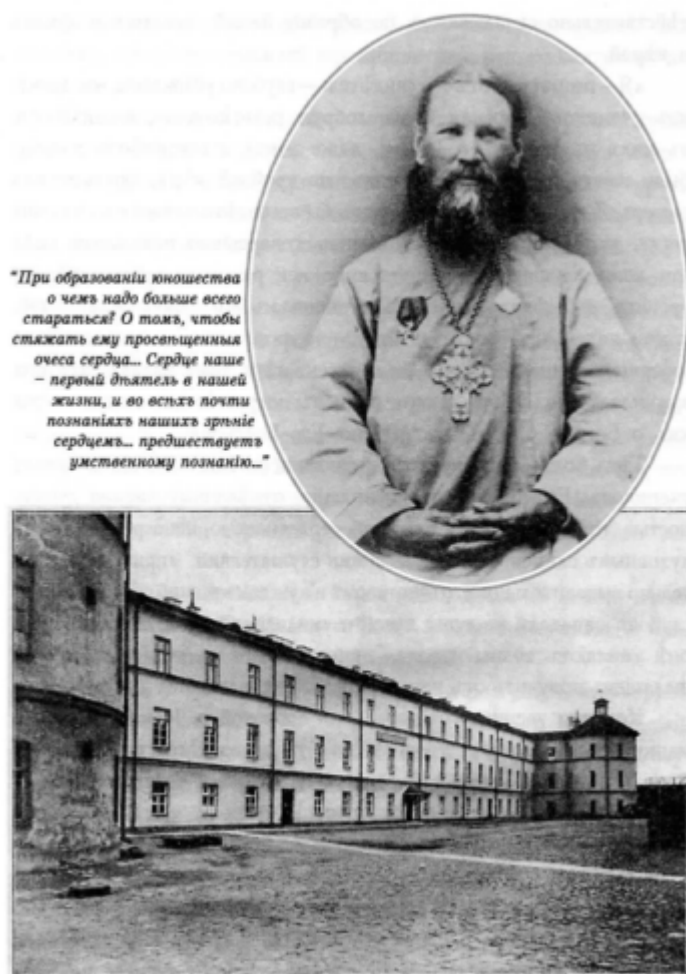
– Батюшка! я прочел житие св. мученицы Параскевы, говорит через день – два мальчик, дайте мне теперь другую книжку!

И брали, и читали не за страх, а по любви и к батюшке, и к тому, чему он учил. А читая, переделывались, и душа их действительно складывалась по образцу людей сильных и духом, и верой.

«Я – пишет, тот же свидетель – глубоко убеждён, что многие из учеников вносили свою добрую религиозность, воспитанную в них на уроках о. Иоанна, даже домой и несомненно должны были влиять на своих меньших, по крайней мере, братьев или сестер. Я лично, например, мог бы засвидетельствовать, что моя тетка, лютеранка по происхождению, совершенно независимо даже от меня, слушая только постоянно мои рассказы о батюшке, его уроках и беседах, заметно становилась все более религиозной, и мои маленькие сестры и брат воспитывались впоследствии ею совершенно иначе, чем я, семь-восемь лет тому назад: их она выучила молиться в самом раннем возрасте, постоянно твердя им о Боге и о том, что нужно Его бояться».

Тем более, конечно, воздействовали беседы о. Иоанна на самих учеников. Его проповеди и назидания, отмеченные именно душевностью тона, какой-то особенной сердечностью, непосредственным духовным единением его со своими слушателями, «при его замечательно выразительном, отчетливом и чуждом всякой сухости чтении, глубоко западали в душу детей и умиляли так же, как и теперь они умиляют толпы народа, привлекаемого к почтенному иерею желанием получить от него благословение, назидание или поучение».

Конечно, ученики пользовались добротой о. Иоанна и иногда манкировали: не учили уроков, но от этого дело страдало мало. Все усвоялось во время самых уроков; кроме того, к экзамену готовились все, да и за год опущения были не часты. «Батюшка почти никогда – читаем все у того же В–на, не ставил нам дурных отметок, и иметь даже «три» по Закону Божию у нас считалось большим стыдом и позором; тем не менее, не знавшие его урока боялись или, вернее, как-то стыдились его, несмотря даже на то, что ни у одного учителя не было так легко «отделаться», под предлогом вчерашней или сегодняшней болезни, да и вообще о каких-либо дисциплинарных взысканиях, произведенных по его инициативе, мы положительно никогда не слыхали.

*"При образовании юношества
о чемъ надо больше всего
стараться? О томъ, чтобы
стѣснять ему просвѣщенный
очесъ сердца... Сердце наше
— первый дѣятель в нашей
жизни, и во всѣхъ почти
познаніяхъ нашихъ зрѣніе
сердцемъ... предшествоуетъ
умственному познанію..."*

Кронштадтская гимназия, где о. Иоанн был законоучителем 25 лет.

Но, повторяю, его боялись в этом случае, и старались лучше уйти как-нибудь с урока, чем заявить ему прямо в лицо о своих «уважительных причинах» незнания заданного урока. Один из моих товарищей на выпускном уже экзамене, благодаря разным случайным препятствиям для надлежащей подготовки, ответил очень дурно по своим билетам; о. Иоанн настоял все-таки на том, чтобы ему было поставлено «четыре», ввиду его прилежания и успешности в течение гимназического курса. Однако, тому прошло уже несколько лет, а товарищ мой и теперь бы с трудом решился показаться на глаза своему доброму защитнику; по крайней мере, вплоть до отъезда своего из Кронштадта он избегал встречи с батюшкой, находя, что он «положительно обесславил последнего перед всеми

присутствующими своим дурным ответом и не оправдал его доверия».

Конечно, не все и всегда шло гладко. Были в жизни детей и грехи, и падения. О. Иоанн следил за этими падениями и приходил на помощь, когда она была нужна. «Я, пишет уже указанный ученик, – поступил в первый класс гимназии в 1887 г. О. Иоанн преподавал Закон Божий во всех восьми классах. Таким образом, я сразу из дому очутился на школьной скамье под его религиозным влиянием. Нужно заметить, что дома, в силу особо сложившихся условий моего воспитания, я рос до поступления в гимназию почти совсем без понимания элементарных основ православной веры: в церковь не ходил, молитв никогда не читал, хотя знал их, готовясь к приёвному экзамену в гимназию, наконец не имел самого простого детского страха к имени Божьему.

И вот, один случай на уроке у о. Иоанна в первом же классе сразу устремил мою детскую голову к познанию, хотя смутному еще, имени Бога и страха к Нему. Как сейчас помню, входит батюшка к нам в класс; мы (до 50 мальчиков), по обыкновению, подошли один за другим к его руке и, получив от него благословение, встали затем на молитву, после которой начался урок. Как всегда, батюшка спросил сначала урок у некоторых из тех учеников, которые сами вызывались отвечать; потом он начал сам вызывать не по классному журналу. Батюшка подходил прямо к известному ученику и спрашивал его урок. Подошел он, наконец, к моему соседу. Когда последний стал отвечать, то о. Иоанн, встав рядом с ним у парты, очутился ко мне почти совсем спиной. Воспользовавшись этим, я занялся со вторым своим соседом болтовней и, затем увлекшись, допустил шалость грубо неприличную и безнравственную, хотя по правде я плохо сознавал, что делаю. В это время слышу голос батюшки: «Подика сюда, И... Понимая, очень смутно, правда, значение своей шалости, я ни жив, ни мертв поднимаюсь с места и иду вслед за батюшкой мимо всех парт к кафедре. Здесь он тихим ласковым голосом стал расспрашивать меня, что такое я

делаю, и кто меня научил. Я сказал, что меня научили этому уличные мальчишки.

Тогда батюшка, смотря на меня своим долгим, пытливым взором, пока у меня, наконец, невольно не выступили слезы на глазах, спросил у меня приблизительно так:

– А ты Бога не боишься?.. Тебе разве не страшно, что Он тебя накажет за твои шалости на уроках Его закона?.. Смотри же, больше не шали, а то, ведь, Он все видит.

Я смотрел упорно вниз, молчал и, наконец, стал всхлипывать, прося у батюшки прощения. В это время раздался звонок, и урок должен был кончиться. Все встали на молитву, и батюшка велел мне прочесть сначала молитву Господню и «Пресвятая Троице», а затем «Благодарим Тебе, Создателю – (читаемую обыкновенно дежурным в классе). После молитвы он погладил меня по голове и, наказывая еще раз никогда больше не шалить, благословил меня и вышел из класса, окруженный всеми моими товарищами, снова подошедшими к нему под благословение». «Этот случай, заканчивает свидетель, сразу сделал из меня (да, может быть, и не из меня одного) мальчика, начавшего детским разумом и душою веровать в Бога и бояться Его имени. Вообще, я немало помню примеров того, как путем краткого, обыкновенно, часто резкого, отрывистого, но всегда душевного назидания о. Иоанн умел коснуться самой живой струны в духовно-неразвитом и нередко уже испорченном молодом организме и исцелить последней, утешая в нем ту или другую нравственную ранку».

По-видимому, батюшка сказал то, что сказал бы на его месте всякий, но вот обыденный случай запомнился навсегда и более, чем запомнился. Что же тут вызывает нравственную перемену?

Такой переворот произвел голос о. Иоанна; та жалость, которая звенела в его голосе, отразилась в его глазах и передавалась детям вместе с этим ласковым прикосновением руки «батюшки».

Были случаи, когда о. Иоанн был даже резок: «В пятом классе у нас был некто М., юноша лет 16, крайне ленивый и испорченный. Мы учили катехизис. На одном из уроков,

посвященном, по поводу первого члена Символа веры, определению Бога, как Духа, вдруг среди урока М. встает со своего места и резко заявляет батюшке о том, что он отказывается признать это определение. В классе воцарилась гробовая тишина.

– Безбожник! Изувер! – отрезал вдруг о. Иоанн, пронизывая М. своим резким и упорным взглядом: – а ты не боишься, что Господь лишит тебя языка за твое юродство? Кто произвел тебя на свет?

– Отец с матерью, – отвечал глухим голосом М.

– А кто произвёл самый свет? Кто создал все видимое и невидимое?

М. молчал.

– Молитесь, дети, – обратился тогда батюшка ко всему классу, – молитесь со всем усердием и верою!

По окончании урока М. был позван к батюшке в учительскую. О чем говорил он с М. с глазу глаз, мы не знаем, но М. вышел взволнованным и навсегда новым».

Кто решится осуждать о. Иоанна за эти минуты? Они были так редки и, смеем думать, так нужны. О. Иоанн, смотревший своими глазами вглубь души, видел что нужно по психологи ребенка в эту минуту. Протест решительный и даже гневный, в одно время, говорил мальчику и о том, как дорога для о. Иоанна та истина, за которую он стоял, и то, как он уверен в истинности своей истины.

Этот порыв должен был вызвать возрождение, подъем, внимание, хотя еще не предрешал его исхода. У другого, не у о. Иоанна он даже вызвал бы исход дурной, потому что, конечно, гнев не исцеляет. У о. Иоанна он вызывал только благой кризис. Минуты, следующие за порывом, когда о. Иоанн так любовно беседует душа к душе с виновным, как духовник и отец, – показывали участнику, из какого источника был гнев, и двигали стронутую с места душу к Богу и правде Его.

Бывали случаи, конечно, когда трудно было сразу одним словом, «хирургией», вылечить душу. Были больные более серьезные. О. Иоанн умел излечить и их. Были случаи, когда совет гимназии делал постановление об увольнении какого-

нибудь нетерпимого ученика. Тогда о. Иоанн упрашивал отдать «исключённого раба» на поруки ему. Отдавали, и нужно было видеть, с каким тревожным вниманием ухаживал о. Иоанн за вверенной ему душой. Он следил за ним, как за больным растением, наблюдал за каждым нездоровым движением и выхаживал. Большею частью, конечно, и болезнь оказывалась не достаточно серьезной. Это было или детское упорство, которое не хотело сломиться перед приказом, окриком, угрозой и легко склонялось перед просьбой, ласковым упреком, молитвой.

Бывали, конечно, и случаи действительной порчи, от природы, от дурного воздействия среды, родителей. Здесь было больше труда, но ласка, которая для этих детей – то же, что солнце для растения, всепрощение, – вразумляла душу, еще не сломившуюся совсем, и спасала. Через несколько месяцев бывший «нетерпимый ученик», становился другим, новым.

Много помогала о. Иоанну исповедь. Здесь он беседовал с детской душой в минуты, когда детская душа была всего ближе к Богу, в минуты подъема, когда человек искренно желает освободиться от всякой грязи; о. Иоанн в это время мог наблюдать, где опасность для самих корней души и лечил их, пользуясь всей силой своего влияния и молитвы. В результате он стал действительно духовным отцом своих детей. А раз установились связи в гимназии, они перешли и за пределы ее: ученики о. Иоанна учились у него и вне уроков. Они любили его службу.

«Я помню, – пишет И-ин – с какой готовностью мы посещали особенно думскую церковь, и церковь в «Доме трудолюбия», где он служил чаще, чем в соборе; нередко, впрочем, некоторые из нас, идя утром в гимназию, заходили в собор, где о. Иоанн после утрени молился за тех, кто к нему приезжал за советом или помощью, и мы сами бывали тогда свидетелями того, какая глубокая вера в спасительность батюшкиных молитв перед Господом не только духовно поднимала этих людей, но уврачевала и физические их страдания.

Еще более, конечно, действовал на детей пример необычайной, святой жизни законоучителя. «У нас было немало казенных пансионеров иногородних, которые, по недостатку средств, должны были оставаться вдали от родных, в стенах гимназии, даже по большим праздникам. Этих-то бедняков обыкновенно выручал тот же батюшка, снабжая их на дорогу к родным и обратно. А кому из нас была неизвестна никогда не оскудевающая рука батюшки, которая утерла на своем веку немало слез различным беднякам и сирым?! Еще не имея в своем распоряжении больших средств – в первые годы моего пребывания в гимназии, – он делился со всеми бедняками у себя, в Кронштадте, последним; нередко обманываясь в людях, он, по-видимому, никогда еще не терял в них веры, а напротив, в нас, в учениках своих, возжег яркий светильник этой самой веры, показывая нам ежедневно своим собственным примером обязанность и посильную возможность каждого христианина следовать евангельской заповеди о любви к ближнему. Часто кто-нибудь из нас во время урока просил батюшку рассказать нам о том, у кого он бывает в Петербурге, зачем его туда всегда зовут, и батюшкины рассказы, сопровождаемые простыми назиданиями о необходимости и могуществе молитвы, не только нас живо интересовали, но глубоко умиляли, оставляя добрые следы на нашем мирозерцании. Мы ежедневно могли наблюдать толпу народа, нуждавшуюся в благословении, поучении, совете или помощи от нашего батюшки; его призывали на наших глазах и в барские хоромы, и в убогую лачугу бедняка, и нас живо всегда трогали эти взаимные отношения между добрым пастырем и его паствой, для которой он остается по настоящее время все тем же наставником и духовным отцом, каким был всегда для нас».

Как любили его дети, показал день, когда о. Иоанну пришлось проститься со школой. Школа плакала; так плачут, прощаясь с умирающим отцом. Плакал и о. Иоанн, но дело всероссийское уже не позволяло ему отдаваться «малому», хоть и великому делу воспитания будущих «людей». Начальство простилось с о. Иоанном следующей речью, которая была верной оценкой его трудов и значения его для гимназии.

– «Ваше слово, – говорил директор, – ваш пример были всегда для нас живительным светом, который с такою силою пробуждал нравственную жизнь, вызывал порывы к духовному совершенствованию. Между вами и гимназией легли крепкие духовные связи».

Речь эта, впрочем, была только повторением адреса отцов и матерей воспитанных о. Иоанном детей, поднесённого в день 25-летия учительства. Мы думаем, что этот адрес будет лучшим заключением главы о законоучительстве о. Иоанна, как краткая и искренняя характеристика этого законоучительства.

«Высокочтимый и всеми уважаемый пастырь и наставник Иоанн Ильич! Исполнилось 25 лет ещё нового, особо важного твоего служения государству и обществу, и в частности нам, отцам и матерям, в наших детях, которых ты, как законоучитель Кронштадтской классической гимназии, руководил на пути духовного просвещения.

Не сухую схоластику ты детям преподавал, не мертвую формулу – тексты и изречения – ты им излагал, не заученных только на память уроков ты требовал от них; но на светлых, восприимчивых душах ты сеял семена вечного и животворящего глагола Божия.

Множество детей перешло чрез твою святую школу. Многие твои ученики стоят на различных степенях и званиях на службе Царю и Отечеству; многие из них еще подрастают и готовятся к вступлению на общественное поприще, – и все они, вдохновленные тобою и твоим святым общением с ними, вспоминают твою любовь, наставления, твои уроки, – и все, благословляя тебя, с благоговением вспоминают те незабвенные часы, которые они проводили с тобою.

Ты сам, не замечая того, своею пламенной любовью к Богу и бесконечным милосердием к своим братьям – людям, зажигал своим живым словом в своих учениках светоч истинного Богопознания; а своим святым примером и милосердием наполнял их юные сердца страхом Божиим, верою, упованием на Бога и любовью к Нему и своим братьям.

Не мерилom только таланта и увлекательности речи, как профессора на кафедре, не мерилom постоянного успеха сдачи

экзаменов – мы говорим о твоей научной деятельности, –а теми наглядными плодами христианской жизни, нравственности, гражданских доблестей, семейных отношений, которые оказались в твоих учениках в многочисленных примерах.

Да будет наша, отцов и матерей, благодарность, как мирная молитва к Богу за тебя, да изольет Он на тебя от Всесвятого Своего престола столько же духовной радости, сколько ты подал утешения нам в наших детях, в их благонравии и успехах».

Мы и читатели наши прибавят к этому адресу «аминь».

О. Иоанн теперь

Что же такое теперешний о. Иоанн?

С первого взгляда о. Иоанн не останавливает внимания, но это только одна, две минуты, пока вас не обольет свет его глаз. Властную силу этих глаз прекрасно охарактеризовал один иностранец. Эти выразительные «северно-русские» глаза – пишет он, – ясно говорят за то, что, при внешнем скромном облике, в лице о. Иоанна мы имеем дело с незаурядной натурой. Его глаза, по выражению Спинозы, «смотрят на людей и на вещи не для того, чтобы осмеять, не для того, чтобы оплакивать, не с тем, чтобы презирать, но затем, чтобы понять», и он действительно понимает часто то, что для других остается неразрешимой загадкой. Этого мало. Глаза его говорят еще о большем. Они обличают необыкновенную энергию воли, благодаря которой распространяется свет Христовой любви через моря и земли, и победоносно отражается влияние всякой темной силы.

Глаза о. Иоанна жалеют, любят и молятся. Автор этих строк видел его впервые 15 лет тому назад и до сих пор не может забыть его взгляда.

С верхней палубы парохода ласково смотрел он вниз, на толпившиеся тысячи народа бесконечно ласковым, бесконечно властным, радостным взглядом. Он смотрел прямо в душу, подчинял ее себе, звал за собой.

«Глаза людей смотрели на него, и в них были видны радость, восторг, умиление. Слезы лились у многих. Что это было? Будто нашли они что-то знакомое, родное, но до сих пор затаенное на дне души каждого; не в себе нашли, в другом, но это все равно; почувствовали они, что может быть человек прекрасен, и есть такой человек, и вот он стоит перед ними. И все, что было в каждом прекрасного, все это поднялось у них, и они облили свой идеал слезами восторга и радости.

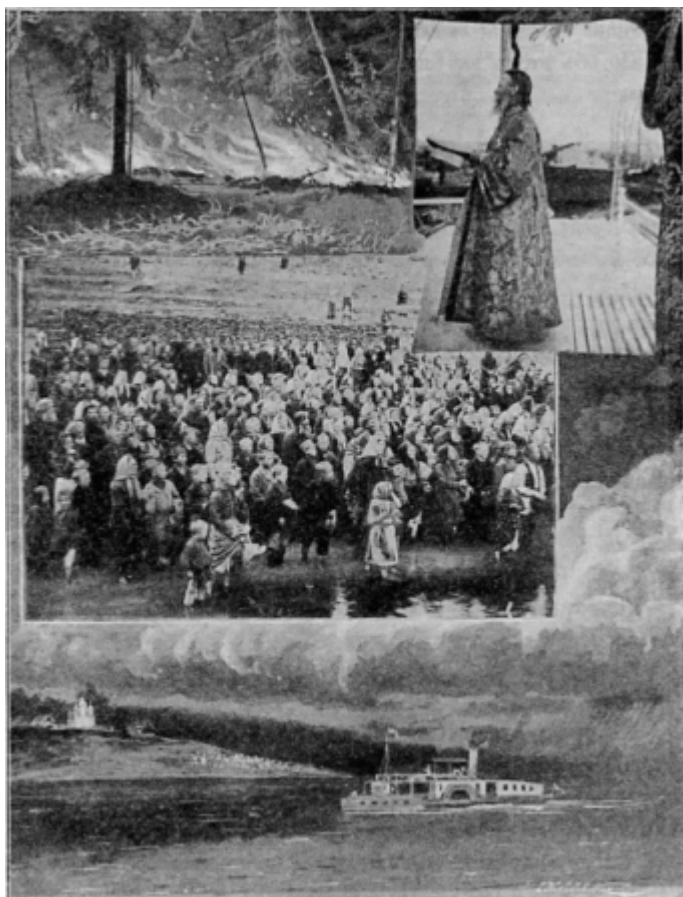
О. Иоанн стал говорить. Утверждают, будто не повторяются в церкви нашей теперь евангельские сцены. Нет, это несомненно была евангельская сцена. Он говорил искренно и

просто о том, что рад видеть нас, что желает нам всего лучшего и счастлив, видя, что мы веруем в Бога и Христа Его. Народ замер. Глаза блестели от слез, добрых, блаженных, счастливых. Если бы напряженность веры и святой радости взвешивались на весах Божией правды, я думаю, этот момент был бы показателем великой веры нашего народа. Если бы в ту минуту о. Иоанн сказал этим людям, чтобы они оставили все и пошли за ним, я убеждён, многие бы пошли за ним. Таких слов не было сказано, но ясно, что прикоснувшись краем, только краем, к святому и правдивому, эти люди стали оживать».

И вот тогда же, под ласковым прикосновением его руки, я, тогда тяжущийся и страдающий от сомнения пробуждающегося сознания, нашел свою душу. Этот взгляд, эти речи, этот народ, слушающий его, был для меня именно неотразимым доводом в пользу Бога и христианства, в пользу жизни и жизни в церкви. «Пришел служитель церкви, обвеянный правдой Божией и в людях заговорил прекрасный и благой дух Христов»⁸.

Его настроение можно определить словами: он полон духа; он богоносец, Христос в нем. Отец Иоанн – человек, тяготеющий «горе» и «желание его в горе». Но об этом мы еще будем говорить после. В качестве предварительной характеристики достаточно пока и того, что сказано.

Посмотрим лучше о. Иоанна в его повседневной жизни. Я опишу сначала Кронштадтский день.

О. Иоанн беседует с народом

О. Иоанн очень любит утро. «Утренние часы – лучшие часы дня. В это время, пишет в дневнике о. Иоанн, внутренний человек свободнее выглядывает из-под суеты света, из-под мрака плоти своей, несвязанный искушениями лукавого. Все остальное время он покрыт почти непроницаемою тьмою; на его очах лежит болезненная повязка, скрывающая от него истинный порядок вещей духовных и чувственных. Утренние для него часы, как бы часы новой, обновленной временным сном жизни».

И о. Иоанн с удовольствием отдал бы утренние часы отдыха в Боге – мыслям о Боге, вдали этой обычной, хотя и святой суеты. К сожалению, это для него невозможно. Полчаса молитвы – вот и все, что он может оторвать утром от его работы для других. И он молится «своими словами» с радостью человека, входящего в свет дня Господня.

«Творче и Владыко мира! – молится он. Призри милостиво на создание Твое, украшенное твоим божественным образом в

сии утренние часы; да живит, да просветит Твое око, тьмами тем крат светлейшее лучей солнечных, мою душу темную и умерщвленную грехом. Отыми от меня уныние и лень, даруй же мне веселье и бодрость душевную, да в радовании сердца моего славлю Твою благодать, святость, Твое беспредельное величие, бесконечные Твои совершенства на всякий час и на всяком месте. Ты бо еси Творец мой и Владыко живота моего, Господи, и Тебе подобает слава от разумных созданий Твоих на всякий час, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Батюшка, уединённо гуляющий в садике

Молитва дает ему ту железную энергию, какой он так удивляет всех. Он выходит из своей комнаты сильный и радостный. Конечно, он рад бы был еще воспользоваться утром, подумать, пописать, побеседовать с природой. Но это где уж? Это слишком много.

Вот яркий факт: у о. Иоанна есть садик, который он любит. И вот ему целыми годами почти не приходится видеть его.

«Когда батюшка отдыхает? – спрашивает довольно известный писатель одну из кронштадтских почитательниц, которая живет почти рядом с о. Иоанном.

– А Бог знает. Вот в садике ему за весь год всего на всего один часочек погулять пришлось!

– Всего один?

– Ровнехонько часочек. Ездил он это нынешнее лето к себе на родину, в Суру, а вернулся ночью и совсем даже неожиданно ни для кого... Встал это он, значит, ранешенько и прохаживается со своими мыслями по садику... так, почитай, с часок прохаживался, пока его прохожая молочница не завидела... Ну, понятно уж, конец!..

– Чему же «конец»?

– Значит батюшину покою. Потому сейчас все узнали, что батюшка приехал, и к крыльцу стало набираться с целого Кронштадта. И опять, значит, началась батюшкина «страда».

Да, для о. Иоанна именно «страда».

С самого утра о. Иоанна осаждают почитатели, так что тотчас после молитвы он иногда вынужден принимать, хотя и уклоняется от этого, чтобы «собрать душу» пред литургией. Впрочем, тут и промежуток между утренней молитвой и службой очень короткий. Начинают звонить к заутрени.

Берем день большого праздника. У дверей о. Иоанна ждут. Пестра и разнообразна эта ожидающая толпа богомольцев: здесь важный барин, забывший свою чопорную спесь, а рядом ютилась больная старушка, шепчущая молитву и вся проникнутая верою в благодатную силу молитвы о. Иоанна. Тут же тоскливо задумчиво стоит прижавшись к стене, бледная, худая женщина, в рваном платьишке, плохо защищающем ее от порывов сильного ветра. Скорбное выражение горькой безвыходной нужды и горя отпечатлелось на ее посиневшем лице и ясно отразилось в глазах, с надеждой устремленных на дом о. Иоанна. Она терпеливо ожидает появления батюшки, чтобы взглянуть на лицо его, полное сострадания; одного его взгляда на него достаточно кажется ей, чтобы утешить ее скорбящую душу, успокоить, согреть, спасти. И она, конечно, не ошибется.

Вот он показался в дверях. Его быстро проводят к дверям и сажают в экипаж. Иначе ему не добраться до церкви через толпы «чающих движения воды». Народ бросается за экипажем, его хватают за колеса... Слышатся приветствия.

О. Иоанн Сергиев

Уехал. Тут и там раздались крики: «Батюшка, благослови»! «Батюшка, помолись», и вся толпа как один человек, бросается бежать вслед за его экипажем, повторяя свои возгласы и ловя на лету его благословляющую руку. Народ бежит вплоть до калитки, устроенной позади собора, через которую о. Иоанн входит прямо в алтарь.

Здесь его встречает новая толпа.

«Умилительную картину увидели мы у калитки, – пишет в своей прекрасной книге Арх. Евдоким. Громадная толпа народа встретила и окружила своего любимого пастыря, спеша наперерыв друг перед другом получить его благословение, или хотя прикоснуться к краю его одежды. В порыве духовного рвения народ совершенно забывал всякую осторожность в обращении с батюшкой и давил, толкал его во все стороны, не давая свободного прохода.

Несмотря на толчки и давку, отовсюду стиснутый и стесняемый, о. Иоанн ни одним мускулом лица не выразил своего недовольства неосторожному народу, а терпеливо с кроткою улыбкой смотрел на суетящуюся толпу и не делал ни малейшей попытки вырваться из тесноты.

К началу утрени громадный храм, вмещающий в себя более семи тысяч человек, полон народом. Певчие на клиросе, собрались и соборные священнослужители. Вот он, о. Иоанн, вошел в храм чрез боковые двери, сделанные в алтаре. Идти через народ решительно немислимо.

Если бы о. Иоанн входил в храм западными дверями через народ, то ему, кажется, никогда бы не добраться до алтаря. Для прохода о. Иоанна в алтарь, вдоль стены в длину всего храма, решёткой отгораживали место. Но это помогало мало, так как его и здесь постоянно останавливали. Рассказывали, был однажды такой случай: о. Иоанн хотел кого-то благословить через решётку, когда проходил в алтарь этим местом. Тотчас схватили его руку и начали ее покрывать поцелуями, передавая друг другу.

– Передай мне, передай мне – слышалось далеко в народе.

Если бы силой не отбили у народа о. Иоанна, то трудно сказать не только о том, когда бы он пришел в алтарь, но и о том, в каком бы виде он туда пришел. Рассказывают, что иногда отрывали даже части от его одежд.

Взойдя в алтарь, он начал радушно приветствовать сначала своих сослуживцев, а потом «счастливицев», имевших возможность видеть его так близко.

– А, здравствуйте, братцы, здравствуйте.

Все делал он спешно и быстро. Поздоровавшись, он облачился в ризы красного цвета и начал утрению. Говорят, красный цвет его любимый цвет.

И в алтаре, этом великом христианском святилище, не давали о. Иоанну покоя. То один, то другой в удобную минуту подходили к нему с различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый из находившихся в алтаре пришел сюда, имея какую-либо горячую, неотложную нужду, о. Иоанн и сам иногда подходил то к одному, то к другому. Расспросит о нужде, горе, даст добрый совет. Давал, кажется, некоторым и деньги. Одного обласкает, другого потреплет по плечу.

Молится о. Иоанн порывисто, страстно – вдохновенно. «Мне», говорит вдумчивый Арх. Евдоким – запомнился особенно один момент его службы за утреней. Канон на клиросе

читает о. Иоанн, и всегда сам. Нельзя не обратить внимания на это чтение. «Умиление, восторженность, твердость, надежда, упование, радость, печаль, глубокое благоговение – все слышалось в этом дивном чтении».

«О. Иоанн подошел к жертвеннику, стал пред ним на колени, руки сложил крестообразно на жертвеннике, голову сложил на них. Под руками у него были, кажется, записки с просьбой, помянуть больных, умерших. Я смотрел на него из-за колонн. Волосы прядями ниспадали на плечи; весь он был освещён слабым утренним светом, едва-едва пробивающимся сквозь толщу утреннего северного тумана. Он находился в таком положении около десяти минут. Казалось со стороны, что он как бы умер и пред нами было только его тело, оставленное, сброшенное его душой, как бы какая одежда. Мне живо вспомнились в эти минуты те картины, на которых изображено, как душа, по разлучении с телом, с неба созерцает его. Тело там действительно представляется как бы одеждой, оставленной, сброшенной душой.

О, какая это молитва, какой священнейший момент... Человек оставляет землю и возносится душою на небо, житель земной проникает в горние миры, ограниченный понимает тайны неба, плотяной становится духовным, немощный укрепляется, скорбящий утешается, сильный становится более сильным».

Читает о. Иоанн, как бы беседует, разговаривает со Спасителем, Божией Матерью и святыми, как бы они вот здесь пред ним находились, а не там где-то в недозримой для нас выси, в надзвёздных, заоблачных мирах» (Два дня в Кронштадте). Он не читает, а возглашает – именно возглашает: «потому что чтение и молитвы о. Иоанна очень мало имели общего с обычным чтением большинства священников... Громко, резко и нервно, как бы отрывая каждое слово от своего сердца произносит он святую молитву, и от этих звуков, наполняющих сдержанную тишину многолюдного храма, веет действительно чем-то святым и высшим». Всем и каждым властно чувствуется, что тут не простое чтение пред чтимой иконою, а именно живая беседа с Существом видимым и сущим.

О. Иоанн Сергиев

«Святой великий Иоанне, Предтече Господень, моли Бога о нас! – Прерывает клир его последние слова, и вы напрягаете весь свой последний слух, чтобы разобрать последующие. «Крестителю и Предтече Христов»! раздаётся вновь знакомый, проникновенный голос. – «Погружаемый всегда сладостями телесными, ум мой управи и волны страстей моих укроти, яко да в тишине божественной быв песнославлю Тя!»

О, это «песнославлю Тя!» – пишет Щеглов, из которого мы берем последние строки – если бы я был в силах передать, как оно было произнесено, то уверен, что от этого пламенного возгласа дрогнуло в храме не одно сердце».

Ни одно слово не читается без смысла и толка. Более важные по содержанию слова о. Иоанн произносит, обратясь даже к народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Сам он всецело сосредоточен на читаемом. Ничто не отвлечет его мысли в это время в сторону. Он как бы переживает все, что читает. Переживает победы над грехом и злом, совершенные святыми людьми, переживает человеческие немощи и падения, переживает времена благоволения и милости Бога к людям,

падшим и заблудшим. Многое из читаемого, по-видимому, это как-то и чувствуется, относит непосредственно к самому себе. О том, что совершается в это время в его душе, можно судить даже и по его наружности. Душа о. Иоанна настолько проникается мыслями, какие содержатся в читаемых им священных песнопениях, что он не может удержаться от самых разнообразных жестов. Во время чтения он постоянно как бы волнуется и как бы беспокоен. То как бы блаженная улыбка засияет на лице его, когда он читает о небесной славе Бога, Богородицы и св. Угодников Божиих; то глубокая мольба слышится с его уст, когда он читает о немощи, грехе и падениях человеческих; то слышишь как бы праведный гнев, когда встречаются в каноне слова «сатана», «диавол»; то умиление, глубокий восторг, когда он читает о великих подвигах, победах над грехом, какие совершили св. мученики, подвижники.

По шестой песни и эктении о. Иоанн восклицает: «кондак», и читает его громко, как победную песнь христиан над побеждённым исконным нашим врагом. Кончив чтение канона, быстро входит в алтарь и падает в глубокой молитве пред престолом. Укрепив себя молитвою, снова идет на клирос и читает здесь «стиховны на хвалите». «Я не забуду никогда, пишет автор «Двух дней в Кронштадте»: начали петь стихиры на «стиховных». О. Иоанн в это время уже почти облачился, чтобы служить литургию. На нем не было только ризы. Быстро, стремительно, скорее выбежал, чем вышел он из алтаря на клирос, присоединился к певчим и начал петь вместе с ними. Пел с воодушевлением, глубокой верой в каждое слово, регентуя сам, опять подчеркивая отдельные слова и замедляя темп там, где это было нужно по логическому смыслу, содержанию песнопения. Певцы чутьем угадывали эти слова, этот темп и такт, и вторили ему с немалым искусством и одушевлением. Пение, сначала не совсем стройное, быстро стало гармоническим, сильным, звучным, мощным, воодушевляющим, лилось по всему храму, наполняло всю душу молящегося. Трогательно было смотреть на певцов в это время. Пела как будто бы одна какая святая первохристианская семья

со своим отцом во главе, пела свои победные, священные, великие гимны».

Утренняя окончилась. Стали звонить к литургии. Известно, что к первой части литургии, проскомидии, с очень малым вниманием относятся даже и священнослужители, не участвующие в самом совершении. Следует быть на проскомидии, совершаемой о. Иоанном, чтобы понять огромную важность этой части литургии, необходимость внимания к ней хотя бы со стороны совслужащего духовенства.

О. Иоанн подходит к жертвеннику. Он полон торжественной радости. Уже в это время его охватывает какой-то ликующий пророческий экстаз. Он вынимает Агнец. Посмотрите, с какой любовной внимательностью он ровняет Его, обрезывает со всех сторон и благоговейно ставит на дискос. Потом о. Иоанн начинает вынимать частицы.

На проскомидии просфор бывает так много, что их приносили сюда целыми большими корзинами. Сам о. Иоанн может вынуть только по несколько просфор из каждой корзины и прочитать только по несколько поминаний и записок из массы их, поданной в алтарь для поминовения богомольцами, собравшимися в храм из самых отдаленных уголков России. Да и как иначе поступить? Просфор иногда подают до пяти тысяч, а три с половиной тысячи довольно часто. Многие во время проскомидии лично подходят к о. Иоанну и просят его помянуть своих родственников, вынуть хотя одну просфору, так что он не имеет ни одной свободной минуты.

Сослужащие с о. Иоанном (а их в праздники всегда много – священники, протоиереи, иеромонахи) – как мы сказали, во время проскомидии большей частью невнимательны. О. Иоанн иногда своим молитвенным возбуждением умеет и их собрать около св. жертвенника.

«Смотрите, смотрите», неожиданно восклицает он среди проскомидии, «о. Николай, смотрите, о. Павел, – где есть что-нибудь такое, как у нас. Смотрите. Вот Он, Христос. Здесь Он. Здесь среди нас и мы около Него, кругом Его, как апостолы».

Становится благоговейно страшно от вдохновенного возгласа. Чувствуется, как ангелы реют крылами, Священники

собираются около о. Иоанна и уже не отходят от него до конца проскомидии. «Помяни Господи рабов Твоих», читает о. Иоанн, и называет имена живых и умерших, часто полным именем, с отчеством.

Но вот кончилась и проскомидия. В митре, с сияющим крестом на груди, со светлым от внутреннего молитвенного возбуждения лицом, о. Иоанн встает во главе собора священнослужителей. «Помолитесь, братия сослужители, да даст Господь нам богоугодно совершить миротворительную литургию», начинает о. Иоанн. Литургия началась, о. Иоанн еще более преображается. Приходилось ли вам когда-нибудь наблюдать религиозно настроенного юного батюшку, когда он, только что осиянный благодатью, стоит с врученным ему на хранение агнцем.

Он горит святым чувством. Страх тяжелой ответственности борется в нем с чувством духовной радости, благоговейного восторга, с чувством счастья приникнуть к тайне, какую не могли зреть очами своими ангелы. Такой священник, если вы его видели, будет бледным подобием священнодействующего Кронштадтского пастыря.

Пишущий эти строки имел счастье служить литургию вместе с о. Иоанном и наблюдать за ним во время служения до тех пор, пока мог остаться только наблюдателем. Отверсты царские врата. Произнесен первый возглас. О. Иоанн неожиданно, порывисто берет на престольный крест и с любовью целует его, обнимает его руками, восторженно смотрит, уста его шепчут слова молитвы. Потом он раза три, четыре подряд лобызает его, прикладывает его к своему челу. Уста снова что-то шепчут.

Возгласы о. Иоанн произносит так же, как читает канон на утрени. В голосе слышится и твердая вера, и надежда, и умиление. Взор обращен на горнее место. Иногда он произносит возглас, закрывши глаза и углубившись в себя. Как сосредоточен, самособран во время богослужения о. Иоанн, трудно даже и передать. Все время он погружен в такие глубины души, что как будто он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не замечает, что кругом его совершается. Он в своем особом мире. Он в это время один и не похож на другого.

Служебника о. Иоанн почти не раскрывает, так как все молитвы знает на память. Читает часто вполголоса.

Первая часть литургии у о. Иоанна – преимущественно, так сказать, часть молебная. Он в это время больше всего сознает себя, как молитвенника «за люди». Он постоянно помнит, что все эти люди, эти плененные во власть греха и суеты – эти больные и телесно, и духовно – ждут его предстательства, надеются, молят, чрез него ждут великие и богатые милости.

О. Иоанн весь охвачен сознанием огромной ответственности пред этими немощными, вверившими ему себя, благо своей и души, и тела, и точно спешит молиться за них; молится порывисто, настойчиво, не просит, а требует от Бога исполнения просьб этих несчастных, с властью священника, поставленного Христом, он хватается за край ризы Господней, требуя милости душам, вверенным ему от Господа. Молитва необычайная, непобедимая, захватывающая. От великого входа начинается второй момент литургии.

О. Иоанн берет святую чашу и относит ее, прибавляя от себя: «И изведоша Его вон из винограда и ту убиша Его». Этой глубокой по мысли вставкой о. Иоанн вводит себя, как он говорит, «в священные воспоминания последних дней Христа Господа».

О. Иоанн Кронштадтский

Всю вторую часть до пресуществления даров он отдаётся переживанию святых картин Евангельского прошлого. С этого времени, главным образом, после «Верую» он в Гефсимании, в Сионской горнице, около Голгофы. В этой части литургии о. Иоанн очень много вставляет от себя, иногда тайно, иногда вслух. Все эти моления собраны им самим в его книге: «Моя жизнь во Христе».

По поставлении Св. Даров на престол, о. Иоанн читает обычную молитву, прибавляя к церковным словам о ниспослании благодати на людей следующие глубоко содержательные слова: «на всех рассадницах юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужеских и женских, градских и сельских, и на всем не учащемся юношестве – на всех рассадницах духовных, монашеских – мужских и женских – на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, – на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, – от недорода хлеба и глада, – на всех заповедавших мне недостойному молиться о них и на всех людях Твоих».

Лобызая после возгласа «возлюбим друг друга» в сослужащих священнослужителей в оба плеча говорил:

– Христос посреди нас живой и действующий.

Эти слова производят огромное впечатление.

«Я, говорит один свидетель, стоял, пораженный этими словами, и невольно думал. Да, вот среди нас, а не там, где-то вдали находится Христос Спаситель, находится не мертвый, не как отвлеченная какая доктрина, не как только историческая известная личность, а живой, «живой и действующий». Он среди нас. И даже «действующий». Жутко становилось, трепетом великим наполнилась невольно душа. Я готов был упасть пред престолом».

«Я унес с собой, читаем в другом дневнике, навсегда впечатление этих слов, как какое-то сокровище а думаю, многих заставило всколыхнуться святым чувством это «Христос посреди».

По прочтении Символа веры, о. Иоанн прибавляет следующую молитву, «Утверди в вере сей и верую сею сердце мое и сердце всех православных христиан; сея веры и сего чаяния жить достойно вразуми; соедини в вере сей вся великие христианские общества, бедственно отпадшие от единства св. Православной кафолической и апостольской Церкви, яже есть тело Твое и ее же Глава еси Ты и Спаситель тела, – низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоей и неленостно ей соединиться; совокупи Твоей святой Церкви и недугующих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силою благодати Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей, да не погибнут люта в своем противлении, яко же Корей, Дафан и Авирон, противившиеся Моисею и Аарону, рабам Твоим. К сей вере привлеки вся языки, населяющие землю, да единым сердцем и едиными устами все языцы прославляют Тебя единого всех Бога и благодетеля; в сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, бесстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования и сорадования».

Но вот приближаются священнейшие минуты литургии и о. Иоанн снова новый! «Горе имеем сердца», – восклицает о.

Иоанн и затем прибавляет от себя: Сам Господи, вознеси долу приклоншиися сердца наши!

«Благодарим Господа», – снова восклицает о. Иоанн. Первые два слова молитвы: «Достойно и праведно поклоняться» произносит громко, а последние тише, смолкая совершенно под конец. При тайном чтении молитвы после слов: «Ты от небытия в бытие нас привел еси», добавляет для усиления благодарного чувства: в разумное бытие и по душе бессмертное, т. е. привел еси; после слов «падших нас восставил еси паки» – прибавляет: и стократно на каждый день восставляешь согрешающих и кающихся. После слов: «дондеже нас на небо возвел еси и царство даровал еси будущее» прибавляет: «Ты и в самом причащении нашем животворящих Твоих Тайн уже возводишь нас на небо: ибо где Ты, там небо и небо небес, и даровав Себя Самого верным, Ты вместе с Собою уже даруешь и царство небесное – царство будущее в залоге пречистого Тела и Крови Твоей». При чтении молитвы «с сими блаженными силами» при словах: «Сам себе предаеше в мирской живот» «батюшка» прибавляет от себя, для усугубления чувств благодарности и умиления, слова: «паче же всех за меня грешного, да избавлюсь смертоносного греха и да живу во веки».

О. Иоанн отдается воспоминаниям. Он видит Христа Бога в Сионской горнице, кругом его апостолы. Любимый Иоанн на персях его. Он светлый и скорбный делит хлеб, поднимает чашу. О. Иоанн спешит; его голос спешит радостно возгласить народу слова обетования: «Здесь нужно кричать, говорит он всем вслух громко, разве можно прятать такие слова?»

И он обертывается к народу и говорит громко: «примите, ядите сие есть Тело мое, пейте от нея все», – с глубокою верой восклицает о. Иоанн. Произнося эти слова, он не раз прикасается перстом к чаше, как бы даже с силой ударяет по ней. Снова подчеркнуты слова: «за вы и за многие изливаемая». По собственным словам о. Иоанна священный трепет пробегает по всем членам, по всему существу, когда сердечным ухом слушаешь эти слова. И этот трепет отражается в его голосе, в силе, с какой он произносит это «за *вы*». «Так и

слышится в эти минуты в голосе батюшки, за нас пролита кровь, за вас, за тех самых, что вот стоите здесь в данную минуту, а не за тех только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое-то человечество, а за живых людей, за каждого бедняка, убогого, богатого, знатного, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищем, и за тебя пролита кровь. Ты забыл и отверг Бога, и за тебя пролита эта святейшая кровь. За ваши грехи, стоящие здесь, страдал Христос»? (Два дня в Кронштадте).

– А вы, что вы платите ему?

Пред произнесением слов установления, о. Иоанн для возвышения чувства благодарности и изумления произносит слова церковной песни: «о Божественного, о любезного и сладчайшего Твоего гласа!» А что чувствует он в эти минуты? «Здесь бездна любви, – говорит он, любви Божества к роду человеческому. Есть о чем подумать каждому беспристрастно углубляющемуся в судьбы Божии касательно рода человеческого».

Твоя от Твоих, – возглашает о. Иоанн, делая особенное ударение на слове *о всех*, произнося его более протяжно, чем другие. Чувствует его душа, как люди, собравшиеся во множестве в этом храме, нуждаются в небесной помощи, и он горячо молится за всех.

«Когда произношу слова: *Твоя от Твоих*, – пишет он, – то представляю торжественность и величие данной минуты, когда архиерей или священник, стоя лицом к лицу с вечною, совершенною, неизменною правдою Отца небесного, карающего грех, – приносит от лица всех и за всех единую безмерную, всеправедную, умиловительную жертву Христа Сына Божия, единую могущую преклонить на милость Бога Отца, искупить весь мир от праведного проклятия и исходатайствовать всем верующим прощение грехов и благословение, а усопшим в вере и надежде воскресения и жизни вечной – оставление согрешений и покой со святыми – Жертву, которою оправдались все святые, Богу угодившие от века, и в благодарение за коих она также приносится».

Вот он держит в руках святой дискос и, касаясь губами его краев, молится. Ощущается веяние Духа Святого, чувствуется, что о. Иоанн слышит приближение благодати и ждет ее, и зовет.

Это третий самый великий момент литургии о. Иоанна, здесь торжество и победа. О. Иоанн мыслимо видит Господа на Голгофе, но в славе воскресшего победителя. Он умирает за нас, за наше воскресение и оружие проходит в душу; зарождает скорбь за грехи человечества, которые возвели на крест Господа, и радость о жертве его. Пастырь в эти минуты сам восходит на Голгофу за Господом и скорбь переходит в радость Воскресения. Борьба слез и радостного восторга, постепенная победа торжественной радости над скорбью это есть то самое великое и страшное, что делает службу о. Иоанна необычайной. О. Иоанн начинает молитву пресуществления: «Господи, иже Пресвятого Твоего Духа в третий час апостолам ниспославый, Того Благий не отыми от нас».

В первый раз он произносит эти слова торжественно и победно, но более или менее спокойно. Это еще только глубоко верующий священник.

Второй раз голос приподнимается, дрожит. В нем усиливается оттенок властности и радости. Мы слышим, что он уже знает все, уверен в том, что сейчас совершится чудо, слышит приближающийся свет не вечерний и с радостью всматривается вперед, готовый сказать – «осанна», грядет Господь, встречайте.

Третий раз читает о. Иоанн: «Господи, иже Пресвятого Твоего Духа...». Его глаза, широко открытые, видят, кажется, Самого Господа, идущего заклаться и датися в снесь верным. Он не видит Христа и ангелов в зрительных образах, (по крайней мере, мы не знаем этого), но он чувствует присутствие Христа всем существом осязательнее, яснее, чем можно видеть глазами.

«Здесь Он, здесь» – кажется шепчут его губы. И это «здесь» ясно читается в его глазах. Все присутствующие охватываются благоговейным трепетом. Взгляните кругом, священники совслужащие бледные, взволнованные; они были свидетелями чуда...

Вот приобщается о. Иоанн Тела и Крови Христовых. Лицо его изменилось. Нет более на нем и следа той утомленности и какой-то скорби или грусти, какие можно было видеть, когда он только что входил сегодня утром в храм. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица. Его лицо как бы светилось, как бы издавало какое сияние. О. Иоанн готов был снова трудиться без всякой усталости с утра до самой поздней ночи, он запасся теперь силами на все предстоящие ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшие к нему, говорили мне, что такая перемена бывает с ним каждый раз, когда он приступает к Св. Тайнам. Сам говорил нам, что он только в Св. Тайнах почерпает силы для несения труда, который несомненно превышает всякие человеческие силы. И этим же ежедневным причастием он объяснял любовь к нему народа.

Мы описали, как могли, почему такое служение с самых первых годов обратило сердца многих к Богу и служителю Его. Между документами, которые мне выслали почитатели о. Иоанна, один повествует следующее.

«Я был в Кронштадте по делу в 1895 году. Я много испытал; растерял веру, озлобился. Ни в храме, ни в молитве искать примирения мне и в голову не приходило. В Кронштадтский собор я зашел просто от нечего делать. Меня пропустили вперед, благо народу было немного. С первых же слов меня покорила живая вера в пастыре... «Христос посреди нас», воскликнул он, и я почувствовал, что Христос пришел, что мне его именно нужно, его близости не доставало для спасения в этой сутолоке жизни. «Со страхом Божиим приступите»... «Со страхом»... Да, стало страшно, а нужно приступить... Нужно. Там жизнь... Я было двинулся к чаше почти инстинктивно, но вспомнил, что нужно «говеть», готовиться, что я не приступал к чаше десятки лет. Я отступил назад и заплакал. Меня сопровождал любящий батюшка. После обедни он сам подошел с вопросом: «Ты несчастен, тебе больно»... А через два дня я уехал верующим, счастливым, освященным Св. Тайнами.

Пойдите туда – прибавлял автор письма. Там всякий уверует «и возродится».

Закладка дома трудолюбия в Кронштадте.

Открытие дома трудолюбия на Обводном канале.

* * *

Но мы отклонились. Возвратимся к службе.

Служба идет довольно быстро, если нет общей исповеди. Если она есть, то служба затягивается. Мы не видели общей исповеди и опишем ее с чужих слов.

О. Иоанн вышел из алтаря на амвон в смиренном виде без митры и начал говорить поучение пред исповедью. Он начал его без обычных наших слов «во имя Отца и Сына и Святого Духа».

– Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу, Спасителю нашему, покаяние в грехах и потом приступить к Св. Тайнам, – так начал свое поучение о. Иоанн! Приготовились ли к восприятию столь великого Таинства? Знаете ли, что великий ответ несу я пред

престолом Всевышнего, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого в настоящую минуту находятся на престоле.

Сказавши еще несколько прочувствованных слов, о. Иоанн продолжал:

– Слушайте... буду читать покаянные молитвы. И тотчас же начал читать их, обратясь лицом к народу. «Боже Спасителю наш, – читает восторженно, громогласно и умирительно о. Иоанн, – прости рабов твоих сих». Слова «твоих сих» читает протяжно, разбивая их по слогам. При этом своей раскрытой десницей проводит над главами внизу стоящих и молящихся, как бы отдельно указывая каждого милосердому Судии. Тогда невольно дрогнуло у каждого сердце. Каждый чувствовал, что вот он именно, а не кто-либо другой, сейчас должен дать отчет Богу за прожитое время, за все свои дела. Не укрыться ему теперь за другими от этого Судии.

Продолжается чтение молитвы. Голос пастыря все возвышается и возвышается. Иногда, во время чтения, он еще выразительнее, как пророк грозного и праведного Судии, указывает перстом в толпу, в ту или другую сторону храма... Все эти и подобные этим жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняют смысл читаемого и производят на массу сильное впечатление.

Прочитавши первую покаянную молитву, о. Иоанн заявляет, что ее нужно «протолковать» и продолжает свое поучение. Говорит, конечно, без тетрадки. Говорить просто, без всяких ораторских приёмов. В одном месте ему никак не удавалось правильно построить фразу. Проповедник остановился на несколько мгновений и потом, заявив, что он «не так сказал», спокойно продолжал свою речь. Слово его отличалось внутренней силой, властью (1Кор.2:4; 4:20) и нисколько не напоминало чтения мальчиком хорошо вызубренного урока. Говорил он с глубокой верой в каждое свое слово, готовый за каждое слово даже пострадать, потому что все говорил от сердца, говорил то, что сам своим личным опытом хорошо изведal.

Вот почти буквально слова о. Иоанна (конечно, речь его постоянно разнообразится, но только в частности).

«Царь и пророк Давид был муж по сердцу Божию, но и он не уследил за собою и имел несчастье впасть в тяжкий грех убийства и прелюбодеяния. Прогуливаясь однажды на террасе своего дворца, Давид увидел купающуюся прекрасную еврейку, пленился ее красотой, воспылил к ней страстью и пожелал сделать ее своею женою. Но эта еврейка была замужем и, чтобы исполнить свое греховное желание, Давид отправил мужа ее на войну и приказал поставить его на опасное место, где его и сразили неприятельские стрелы.

Таким образом Давид достиг своей преступной цели и упоенный греховною страстью не хотел думать о том, какое тяжкое прегрешение совершил он перед Богом. Но Господь Бог умилосердился над заблудившимся грешником и послал пророка Нафана, который и обличил царя в беззаконии и убеждал его раскаяться. Тогда царь сознал свой тяжкий грех, ужаснулся его и, посыпав главу свою пеплом, в знак смирения, начал горько плакать и искренно, горячо каяться перед Господом. И Господь услышал его скорбную мольбу и простил его грех. Царь Давид свое сердечное сокрушение о грехах выразил в псалмах, духовных песнях, в которых благодарит и прославляет Господа. Он оставил после себя книгу – Псалтирь, и помещенный в ней 50-й псалом «Помилуй мя Боже!» представляет собою прекрасный и незаменимый образец сердечного покаяния.

Братия и сестры! Царь Давид был муж благочестивый, мудрый, кроткий и имел в себе Духа Божия, и то согрешил, впад в ошибку. О, как легко человеку впасть в грехи!

Нужно каждый день и час, каждую минуту следить за собою и предвидеть заранее греховные желания своих чувств, и оберегать себя от искушений, ибо дьявол, как лев рыкающий, бежит за нами и ищет кого бы поглотить. Для этого необходимо обдумывать и взвешивать каждый свой шаг и всякий свой поступок».

Далее приводится пример царя Иудейского Манассии, и о. Иоанн говорит о нем следующие слова: «Царь Манассия отпал

от Бога и сделался идолопоклонником, занимался волхованием и учил детей своих тем же беззакониям. Гордый и неблагодарный, он ненавидел тех, кто любил Бога и приближал к себе явных беззаконников. Но Господь взыскал и его погибающую душу и призвал ее к покаянию.

Во время войны Иудеев с Ассирианами Манассия был взят в плен и в позорном виде, подобно дикому зверю с медным кольцом, продетым в ноздри, был отведен в Вавилон и здесь брошен в смрадную темницу. И вот, находясь в тяжелом плену, он опомнился, сознал свои беззакония перед Господом и начал искренно каяться, плакать и молиться день и ночь о своих заблуждениях.

И милосердный Господь услышал его мольбы и даровал ему прощение в грехах. В лице этих двух царей Давида и Манассии, тяжко согрешивших и прощенных милосердием Божиим, мы имеем ясные образцы искреннего и глубоко сердечного покаяния.

Господь есть Страшный и Нелицеприятный Судия всей вселенной и живущих в ней народов. Он не смотрит ни на чье лицо: будь то мужчина или женщина, отрок или отроковица, царь или простой человек, богач или бедняк – перед лицом Его все равны, и одинаково судит он всех по небесной правде Своей. С людей высокопоставленных и образованных Господь больше взыщет, чем с простолюдинов, но осудятся также и они, если грешат: пьянствуют, воруют, прелюбодействуют.

Толкование первой молитвы кончается. «Слушайте, братия и сестры, вторую молитву к Иисусу Христу, Сыну Божию, громче, чем прежде, восклицает о. Иоанн. Затем читается вторая молитва о покаянии. Прочтя молитву по книге, о. Иоанн толкует ее, как и первую.

«В этой молитве, которую я сейчас произнес, Святая Церковь молит Господа нашего Иисуса Христа, Первопастыря, чтобы Он многомилостивый простил наши грехи и избавил нас от вечной муки, уготованной грешникам. Св. Церковь молит Иисуса Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего мира, принявшего крестную смерть за грехи людей и Своею пречистою кровью омывшего нечистоту душ наших, молит Его

помиловать нас, как двух евангельских должников, которые не могли заплатить большой долг заимодавцам, как блудницу, которая своими слезами омывала ноги Христа и отирала их своими волосами. Господь видел ее искреннее раскаяние и желание отрешиться от грехов, загладить их и, даровав ей прощение, отпустить с миром. Точно также и все кающиеся искренно и сознательно получают от Господа прощения и будут избавлены вечной муки»!

«Величие Твое бесприкладно и милость Твоя безмерна!» громко воскликнул о. Иоанн, окончив проповедь и, обращая свой ясный и чистый взор на образ Спасителя, прочувственно и пламенно молил Его помиловать сих предстоящих пред лицом Его грешников и грешниц, жаждущих прощения и разрешения от уз греха, невидимо, но властно связывающих внутренний мир человека.

Какое впечатление производит общая исповедь, говорилось не раз. Мы считаем лучшим привести об этом слова одной женщины, не яркие в смысле художественности, но безусловно искренние. «Боже мой, Боже мой! Как радовалась, пишет она, как трепетала кающаяся душа при виде доброго пастыря, взявшего на себя в данные минуты трудную обязанность примирителя и просителя благодати Божией к нам грешным! Как умирительно просил он у Господа прощения грехов наших, приводя в оправдание нашу жизнь в мире прелюбодейном и грешном, ежеминутно прельщающихся от дьявола и по слабости душевной впадающих в грехи и пороки!

С каким трепетом слушал народ вдохновенные молитвы своего мудрого наставника и как горячо молился вместе с ним! Какая-то неземная сила поднималась тогда в очищающейся душе каждого человека. Это была сила чудная, дивная, сверхъестественная сила добра, правды и веры, возвышающая над собственными пороками, и эта чудная сила жила и росла в душах наших. Слагая в сердце мудрые слова наставника, пламенно жаждалось воскрылиться духом, очиститься от скверны грехов и унести чистыми помыслами туда, в горную, в голубую, дивную высь небес к лучезарному Престолу Божию и там, повергнувшись в прах, вымолить у Господа так страстно

желаемое душою прощение в грехах. Святые минуты нравственного просветления!

Чудные минуты духовного общения со свезарным Образом Сущего на небесах! Рыдали буквально все без малейшего изъятия, и вместе с этими воплями и стонами дивно очищались души людские, как в горниле огня очищается кусок золота».

«Невольно обратили на себя мое внимание, пишет другая женщина, два господина, стоявшие за решёткой предо мной: один седой, другой молодой, оба изысканно и щегольски одетые; сначала старый о. Иоанна слушал со снисходительным видом, а молодой просто с улыбкой, но по мере продолжения о. Иоанном речи, выражение лиц их делалось серьезным и сосредоточенным; кончилось тем, что оба они не встали, а прямо упали на колена и навзрыд заплакали, закрывши лицо руками...

А он, вдохновитель и руководитель этого сердечного порыва, поднявшего мгновенно тысячи душ на подвиги искреннего покаяния, что делал он в это время? Он стоял на амвоне перед образом Спасителя и пламенно горячо молился, испрашивая у Господа милосердного прощения всей массе громко кающегося и рыдающего народа. Он смотрел на нас своим глубоким взором и вдруг... крупные слезы градом покатались по лицу о. Иоанна...

Он плакал о нас!.. Он своими чистыми слезами омывал скверну грехов наших!.. Где же еще есть лучшее доказательство святой, Евангельской любви к ближнему?.. Это ли не любовь глубокая всеобъемлющая, скорбящая, страдающая и чисто сердечными слезами омывающая грехи ближнего своего?

Андреевский собор во время Литургии, совершаемой о. Иоанном.

Да, о. Иоанн плакал, соединяя свои слезы с нашими слезами, и, как истинно добрый пастырь стада Христова, скорбел душою за овцы своя! И в этот-то момент волнение рыдающего народа достигло высшей степени! Громадный собор наполнился стонами, криками и рыданиями; казалось, весь храм дрожал от потрясающих воплей народа! Потрясающая картина! Величественное и вместе с тем умильное зрелище, ясно доказывающее, как сильна вера в Бога, и как велик дух русского народа, воздвигнутого на добрый подвиг покаяния вдохновенными наставлениями мудрого пастыря!

Но вот среди воплей раздался голос о. Иоанна, просящего народ утихнуть. Послушные его голосу, мы умолкли и с радостною надеждою смотрели на лицо его».

«Покаялись ли вы? Желаете ли исправиться»? громко спросил он трепещущую толпу. «Покаялись, батюшка! Желаем исправиться! Помолись за нас» – единодушно, искренно грянула толпа в ответ и смиренно наклонила головы, ожидая прощения и разрешения от грехов, чрез своего духовного отца, имеющего власть от Господа вязать и решать грехи людские.

Вслед за тем о. Иоанн наложил на смиренно наклоненную толпу епитрахиль и свою властную, освященную руку в знак того, что раскаявшиеся грешники благодатью Божьею прощены и разрешены от своих грехов.

Радостный, освобожденный от тяжелого бремени народ вздохнул свободно, и со слезами радости смотрел на сияющего духовным торжеством доброго пастыря, сумевшего всколыхнуть спасительным стыдом души кающихся и омыть своими слезами загрязнённые души.

Затем последовал вынос Пречистых Животворящих Тайн Христовых и после громогласного прочтения всеми молитвы «Верую, Господи, и исповедую» началось благоговейное причащение Тела и Крови Христовых, благодатно входящих в

очищенные и примирённые с Богом души людские. Более двух часов длилось причащение многочисленного народа и, наконец, было окончено.

После благодарственной молитвы о. Иоанн вышел на амвон с крестом и радостным возгласом поздравил всех с благодатным принятием Тела и Крови Христовых, во веки веков служащих освящением и очищением душ наших.

Кончилось все. Батюшка уезжает обратно. Вот он вышел из боковых дверей и направился к паперти. «Что тут произошло, пишет один наблюдатель, я решительно отказываюсь воспроизвести с доставочною наглядностью! Лишь только он показался, вся толпа неудержимой волной, тесня и давя друг друга, хлынула в его сторону, а стоявшие за заветной решёткой вмиг очутились на самом амвоне и чуть не сбили его с ног. При содействии псаломщика и двух сторожей отец Иоанн быстро перебрался к левому приделу и сделал шаг вперед, чтобы пройти с этой стороны. Не тут-то было... В одно мгновение та же толпа, точно подтолкнутая какой то стихийной силой, стремительно шарахнулась влево и, простирая вперед руки, перебивая друг друга, крича и плача, настойчиво скупилась у церковной решётки, преграждая путь своему доброму пастырю. О чем кричали, о чем молили, – ничего нельзя было разобрать, потому что все эти мольбы и крики сливались в один неясный, оглушительный и растерянный вопль. Отец Иоанн, затиснутый в угол, стоял покорно прижавшись к стенке, и на утомленном лице его отпечатлевалась не то мучительная тоска, не то бесконечная горечь при виде этой исступленно мятущейся у ног его жалко-беспомощной толпы.

Казалось, чего могло быть проще для каждого другого пастыря выйти из алтаря и пройти шагов пятьдесят до паперти; но для отца Иоанна такое путешествие являлось делом долгим, трудным и даже небезопасным. Предвидя все это, двое городских, находившиеся в наличии сторожа и несколько человек из именитых купцов предприняли очень быструю и оригинальную меру, а, именно, стали по обе стороны намеченного пути и, протянув по всей линии толстую веревку,

образовали нечто в роде живой шпалеры, с виду очень стойкой и внушительной.

Но лишь только отец Иоанн двинулся вперед, вся эта внушительная шпалера оказалась детской и смешной выдумкой: веревка с треском лопнула, купцы и городовые в один миг были отброшены в противоположный конец храма, и толпа, смешавшись и сшибая друг друга с ног, окружила отца Иоанна плотной непроницаемой стеной. Теперь отец Иоанн вдруг как бы исчез, и некоторое время его вовсе не было видно. Потом вдруг вся эта волнующаяся и вопящая стена колыхнулась в сторону, и я увидел отца Иоанна смертельно бледного, сосредоточенно-печального, медленно, шаг за шагом, как в безжалостных тисках, подвигающегося вперед, с видимым трудом высвобождающего свою руку для благословения.

О. Иоанн Кронштадтский

И чем ближе он подвигался к выходу, тем толпа становилась настойчивее, беспощаднее и крикливее... У меня просто захватило дух от этого зрелища и я невольно полузакрыв глаза. Когда я их открыл, отца Иоанна уже не было в храме, и самый храм теперь совсем обезлюдел. Теперь в углу

перед «сорокоутом» молилась на коленях какая-то богобоязненная старушка, да старик сторож сумрачно подметал пол, на котором валялись обрывки веревок, дамские нитяные перчатки, клочок вязанной косынки и другие следы недавнего урагана.

Мои глаза встретились с сочувственным взглядом старика.

– Господи, что же это такое? Неужто же это у вас так всегда?

Сторож сокрушенно вздохнул.

– Эх, милый барин, ежели бы так всегда. А то вот, намедни, под Успенье, нашло народу, так как есть сшибли с ног «батюшку».

– То есть как это «сшибли»?

– А так, сронили вовсе наземь и пошли по нему, как по мураве.

– Ну, а он что?

– Известно, агнец Божий, встал, перекрестился и хоть бы словечко».

Наконец, о, Иоанн дома. Ему подают почту. Как разнообразно и трогательно содержание этой огромной корреспонденции. Из всех концов России, из Франции, Швеции, Англии, Америки.

«Два года болен горлом, пища не проходит, питаюсь молоком и водой, доктора отказались пользоваться, советуют операцию. Благословите, прошу отслужить молебен, ибо имею семь человек детей». «Постигло нас бедных великое горе, отнимают последний кусок хлеба. Прошу со слезами на глазах помолиться о нас Богу, о перемене этого несчастья». «Муж мой десять лет без должности, имею четверо детей. Страдаю... Помолитесь найти должность». «Помолитесь о выздоровлении единственного умирающего сына малютки». «Помолитесь, больная имела одного сына, вся надежда, была на него одного; кормилец мой теперь утонул. Страдаю, бедность, помогите».

А вот еще телеграмма, едва ли не самая любопытная, из города Баку. «Помолитесь за здоровье мусульманина».

А вот еще интересное послание к о. Иоанну. «Добрый батюшка, о. Иоанн! Прошу у Вас благословения на законный

брак. С Екатериной, или Прасковьей? Жду ответа».

Большая часть писем включает в себе просьбы или помолиться о внутреннем исправлении, об увеличении веры в людях, или помощью материальной вывести людей из крайней нужды, или содействовать осуществлению какого-либо предприятия.

Просят другие дать совет или благословить их на какой-либо новый жизненный шаг. Иные просят ответить на вопросы религиозного характера. Некоторые выражают чувство благодарности за оказанную им помощь и чувства глубокого благоговения пред ним.

Множество больных телесно и душевно, больных от рождения, или усиленного труда, или от какого-либо несчастного случая, видя, что земные врачи не могут им помочь, обращаются также к о. Иоанну, рассказывая ему о своем несчастии, с живою верою в Бога просят его помолиться за них небесному Врачу, для Которого возможно и невозможное. Просят сами больные, просят несколько лиц за одного и того же человека, просят, по-видимому, без его даже ведома и согласия. Веря в действенность молитвы о. Иоанна, некоторые люди присылают ему свои фотографические карточки, обрезки волос, прося благословить их. Они верят, что тогда благословение распространится и на них самих. Одни умышленно не обозначают своего адреса и не хотят ответа, твердо надеясь, что заочной молитвы за них о. Иоанна достаточно для того, чтобы Господь исцелил их. Другие просят о. Иоанна прислать им освященной воды, лекарства.

Трогательны просьбы детей, обращённые к о. Иоанну. Один шведский мальчик просил о. Иоанна помолиться об исцелении его больной мамы, которая ему дороже всего на свете. Другой девятилетней мальчик, тоже из Швеции, пишет: «я через газеты слышал, что вы умеете лечить больных молитвою, а потому прошу вас помочь моей маме, потому что она заболела. Нам очень скучно одним дома, маму увезли в госпиталь, у нее помешательство». Многие больные, прося молитв о. Иоанна, исповедуют пред ним все свои грехи, как бы они тяжелы не были. Особенно часто в письмах жалуются на недостаток веры

и на равнодушие к религии. Находя в этом причину своей болезни, они просят его помолиться одновременно и об их исправлении.

Люди здоровые физически, но страдающие от какого-либо горя или бедности, просят помолиться о. Иоанна о том, что если Господу неугодно облегчить их участь, то послал бы он им силы хотя безропотно нести свой крест. Многие просят о том, чтобы им благочестивою своею жизнью заслужить вечное блаженство. Есть просьба одной женщины о смягчении сердец двух людей, отравляющих своим характером жизнь близких.

Просьб помолиться о получении мест вообще очень много. Одна бедная мать просит помолиться о том, чтобы ее сын выдержал экзамен, от которого зависит вся их будущность. Много бедных невест и женихов просят содействовать их счастью молитвами и материальною помощью. Слыша отовсюду о щедрости о. Иоанна, многие бедняки умоляют его вывести их из крайней нужды, или дать им возможность открыть какое-либо торговое заведение, или возможность лечиться, или просто одеться, чтобы идти искать себе место. Часто просят от него иконки, карточки, как замены личного благословения.

Некоторые письма поражают энергией веры. Вот письмо одной француженки. «Отец! пишет она, дойдет ли до вас мое письмо... Может быть, раскрыв увидят, что при нем нет денег и бросят его в корзину. А я так несчастна; так нуждаюсь в ваших молитвах. Отец, я едва живу, я так долго страдаю. Без воли Божией, без чуда – я погибаю душой и телом. Испытания были слишком продолжительны: болезнь, потеря состояния, необходимость жить с людьми чужими и далекими от меня по воспитанию. Я прошу у вас нравственной помощи. Я больна. Я не могу прийти к вам, чтобы поцеловать край вашего платья, тогда бы я выздоровела. Я еду во Францию. Если бы я могла быть в Кронштадте – вы положили бы на меня руки и я бы исцелилась, освободилась от мрачных дум.

Отец, умоляю вас, дайте мне возможность придти к вам, я не могу больше молить Бога, любить Его. Отец, пришлите мне образок, хоть маленький, я верю вам безусловно, силою Всемогущего вы можете все. Дайте мне частичку вашей

сверхъестественной силы, удостойте одного взгляда, освященного Божественным светом; одним словом, одним жестом утешал, поднимал Божественный Учитель, а вы же ученик Его.

Я прошу справедливости, иначе я не могу верить в Благого Бога. Он Судья, а не Отец. Ненависть к Творцу, не страшна ли она в его творении. Отец! прошу ваше благословение, какого-нибудь предмета, какого вы касались, один образок? и верю, Бог сжалится надо мной».

«И в Израиле не обрёл такой веры», мог бы сказать о. Иоанн. Действительно, в силу его молитвы верят все. «О. Иван – я прошу чуда – ради Неба» – пишет другая француженка, помолитесь о выздоровлении матери.

«Весь наш народ верит вам», пишет немец и просит об исцелении своего мальчика. «Помолитесь за меня», кратко молится кто-то из Новой Зеландии, не называя даже своего имени.

Отец Иоанн читает письма, на одни дает тотчас ответ, другие берет себе, чтобы не забыть о ком и о чем молиться...

Чуть отдохнув, о. Иоанн отправляется по квартирам и постоянным дворам, где его ждут чающие помощи или утешения. Он обходит сначала отдельные частные комнаты с больными и здоровыми, потом общие, где собираются десятками, а иногда пожалуй и сотнями.

Пройдемся с о. Иоанном по этим квартирам, вопреки его обычному порядку, сначала по большим общим. Так как интересно понаблюдать такую квартиру и до приезда о. Иоанна, посмотреть, кто ждет, то мы позаимствуем хорошее описание, еще не использованное в биографиях о. Иоанна.

«Я, рассказывает этот свидетель (Рус. Пал. № 6 1902), остановился у Марьи Дмитриевны Старицкой. О. Иоанна не было в Кронштадте, и пришлось ждать. Я воспользовался свободным временем, чтобы познакомиться с «гостями» о. Иоанна. Случайно узнал я, что в этой квартире (квартира разделяется на 2 половины и состоит из 9 комнат) остановился с женою и сыном даже один мой земляк, знакомый мне зажиточный курский мануфактурный торговец Василий Петрович

Тихонов. Мне хорошо известно, что он из старообрядцев, и что он человек очень весёлого нрава, поэтому мне крайне непонятным и загадочным показался его приезд в Кронштадт. Узнав о моем приезде, Мария Степановна (жена Василия Петровича) пригласила меня к себе в номер.

Я зашел. Василий Петрович, с осунувшимся темным лицом с видом полупомешанного или убитого горем, склонив голову на грудь, сидит в кресле в уголке. Он неохотно поднял глаза, вяло подал мне руку и вновь склонил голову... Я окончательно пришел в недоумение.

Оказалось, что племянник Василия Петровича, будучи послан им в Москву для произведения покупок товара, растратил данные ему на покупки 20 тысяч, поэтому должен был товар приобрести в кредит; но мало того, он занял у московских купцов по векселям Василия Петровича 15 тысяч, и им же проиграл эти деньги в два вечера. К довершению несчастья сам сильно простудился, получил скоротечную чахотку и через неделю по возвращении домой скончался. Василий Петрович, таким образом, неожиданно стал должником 34 тысяч. Ему предстояло сдать весь магазин за долги, а самому хоть по миру идти с нищенской сумою. Заимодавцы начали заявлять о себе, и Василий Петрович пришел в отчаяние:

– Однажды вечером, – рассказывает мне Мария Степановна, – против обыкновения исчез мой Василий Петрович. Прошел час, другой, третий... нет его. Ищем его по всем комнатам – нет! Туда, сюда по двору – ни следа. Агафья кухарка говорит мне: «Что это за огонек в сарае?» Мы стремглав бросились туда, распахнули двери. На табурете горит восковая свечка, с перекладины спускается привязанная веревка с петлею внизу, Василий Петрович крестится и надевает петлю... Кровь во мне застыла, хочу крикнуть, не могу. Спасибо, что Агафья бросилась к Василию Петровичу, отняла у него петлю и его отвела. Отошла я от такого страху, да как заплачу! А он, белый, как стена, молчит и, еле двигая ноги, бредет за Агафьей... С той поры он не проронил ни одного слова.

Дом трудолюбия в Кронштадте, основанный трудами о. Иоанна.

Пошивочная мастерская, основанная о. Иоанном

Я украдкой посмотрел на Василия Петровича, как он чувствует себя при таком рассказе о нем, но ничего не мог прочитать на его застывшем лице. Он представлял собою холодную статую из серого гранита и, как мне показалось, ничего не слышал.

– В тот же вечер соседи посоветовали мне съездить в Кронштадт, и я решилась. Сама не знаю, что может сделать батюшка нам; буду просить его молитв. Смущает меня то, что Василий Петрович – старообрядец.

Я успокоил ее несколько на этот счет. Я любопытствовал зайти и в общую. Вижу трех незнакомых мужчин. Один или зажиточный мужичок, или торговый, высокого роста, несколько согбенный, чернявый малоросс по типу лица, сидит почему-то в поддёвке с хозяйкою Марией Дмитриевною, около столика

справа, двое других: один интеллигент, другой – из мужичков – сидят с прочими сестрами у противоположной стены. Я поздоровался и подсел направо.

Захар Николаевич (так звать чернявого малоросса) делился впечатлениями, полученными им перед вечерней на кладбище, на могиле матери о. Иоанна, блаженного Иоанна, болевшего 17 лет, и Олимпиады...

Меня всегда интересовало то, какие запросы и нужды приводили и приводят к о. Иоанну тысячи богомольцев от всех мест Руси православной, поэтому я постарался завязать разговор с новым знакомым.

– Издалека ли, братец?

– Из Воронежской губернии.

– По какому делу?

– Ради души.

– Как так?

– Жизнь моя клином сошлась, – сказал Захар Николаевич, улыбаясь, что-то гонит меня из мира.

– Несчастья, что ли?

– Да...

И видя, что я интересуюсь его судьбой, принялся рассказывать о себе: «Я был раньше приказчиком, потом управляющим в имении помещика П.; наконец, сам стал хозяином на маленьком участке арендованной мною земли. Кроме того, я занимался торговлею по ярмаркам. У меня есть брат Игнатий, теперь он болен белою горячкою. Вот этот брат неделю тому назад ночью обошел нашу усадьбу кругом с зажжённым пучком восковых свечей, зажег ее с четырех сторон, крестообразно, сел невдалеке на пригорке и любуется. Я, жена, приёмная дочка Нюрочка – едва успели спастись; все дотла сгорело, остались мы в том, что было на нас. Загоревали мы сильно... Что это значит, Господи? – думаю я, – третий уже раз сгорает все мое трудовое добро! Должно быть мы не мирские жильцы, что-то гонит нас из мира...

Сильно, как никогда прежде, я задумался над собою. Прошла предо мною вся моя жизнь; мне стало тяжело и стыдно за прежнюю холодность к Богу и ко всему святому. Моя душа

горела желанием измениться коренным образом. Я жаждал услышать мощное наставление на путь духовной жизни, поэтому решил на другой же день уехать в Кронштадт. Вечером, накануне отъезда, я стал на молитву и так-то уж горячо и слезно молился, как едва ли еще когда-либо придется молиться. Успокоился, лег и заснул...

«Потом вижу, будто уже рассвело. Я выехал на подводе на станцию. Еду с поездом. Проезжаем Воронеж, Козлов, Рязань, Москву; прибыли, наконец, в Петербург. Ни в одном из этих городов я раньше этого не был. В Кронштадте по указанию странника останавливаюсь в этой квартире.

В первый раз я увидел батюшку в вечерне, но узнал его, и так мне отрадно стало! Слышал я, как он читал канон. После вечерни я поисповедовался у о. Андрея, а на другой день причастился из рук самого батюшки... Я ликовал и готов был рукоплескать от радости. Через два дня после обедни приехал к нам батюшка. Молебен был здесь, в общей, народу много. После молебна в числе других подхожу и я к батюшке со своею нуждою и прошу наставить меня на путь спасения, а он взял меня этак за левую руку, отвел в тот уголок, и минут пять давал мне наставления. Мое сердце горело, как в пламени. Слезы умиления катились по щекам. Никогда еще в жизни я не чувствовал себя так хорошо. Кончил батюшка словами: «А в дальнейшем Сам Господь управит и наставит». Так сказал и вышел, и я тотчас очнулся от сна... Думаю, где же я? – Я был на родине, в доме соседа.

На пути в Кронштадт, все, что я видел во сне, оправдалось. И города, которые я впервые видел во сне, оказались точь-в-точь, и время приезда в Москву, в Питер и Кронштадт точно то же, и батюшку о. Иоанна видел за вечернею, так же, как и во сне. Дом Трудолюбия, о. Андрей, его квартира, – словом, все оказалось таким же, как я видел его во сне дома, а раньше, кроме портрета о. Иоанна, и на картине ничего подобного не видел...

– Что-то завтра пошлет Господь? – вздохнувши после небольшой паузы, сказал Захар Николаевич, – пошли, Господи, все по предуказанному»!

– А кто эти два господина, что сидят с сестрами? – спросил я у Марии Дмитриевны.

– Это батюшкины питомцы. Один – Феодор Николаевич Поляков, родовитый помещик Донской Области, имеет тысячи полторы десятин земли. Господи, что он представлял собою раньше и что теперь! Бывало, сохрани Боже, зайти на его землю мужичьей лошади или даже свинье; хотя скотина и былиночки на попасе не съест, а штраф подай, иначе не выпустит; а кур, гусей крестьянских просто подстреливал... А случись мужику по дороге, что на его земле, а не в объезд, как он велел, либо лошадь возьмет и держит до каких пор захочет, либо колеса порубит, а сопротивляться никто не думай. Богатырь такой – не одному ребра ломал. А теперь и подобия нет. Кроток, щедр до крайности. Нет в селе бедняка, которого бы он в случае нужды, не обласкал и не одарил – последним делится... Три года назад был в их крае недород: на прокормление весною и на посев все бедняки у Феодора Николаевича добыли хлеба. А как идет по улице в Кронштадте, сразу его видно; за ним вереница посадских и всяких бедняков...

А другой – Павел Данилович Кулибин, оттуда же, сын крупного землевладельца-крестьянина. Его несчастный отец сильно выпивает и разматывает добро с кем не следует. Павел Данилович, человек чистый и добрый, долго терпел, но, наконец, решился покинуть отца, хотя бы то угрожало ему опасностью лишиться права наследства. Приехал к батюшке. О. Иоанн дал ему духовное наставление и велел смиренно жить при отце, а через год вновь приехать сюда. Вот, он и прибыл.

Наступил следующий день. Батюшка вернулся. Ждет. Мария Дмитриевна и сестры уже приготовили к молебну в общей комнате и в номере Василия Петровича сосуды с водою, зажгли лампы и свечи.

Вот раздался резкий звонок, распахнулись двери, и в общую молитвенную комнату быстро вошел весь сосредоточенный в себе о. Иоанн. Он был в пышной лазурной небесного цвета рясе, на груди блистающий драгоценными камнями крест, а несколько вправо на ярко-красной шелковой

ленте свешивалась дароносица. Начался молебен с водоосвящением...

– Кто тут у вас больной? – спросил о. Иоанн после молебна, обратившись назад.

– А вот, батюшка, Стефанида! – показали на больную припадками.

– Что с нею?

– Припадочная.

А Стефанида по-прежнему как бы спит: сидит с сомкнутыми глазами и опущенной головой...

О. Иоанн подошел к ней, положил руку на плечо и сказал:

– Подними голову, сестра!

Стефанида замотала головою, не поднимая ее.

– Подними голову, говорю тебе, – более повелительно сказал батюшка. – Так, ну теперь смотри на меня.

Стефанида открыла глаза. Ее взор был крайне странный, глаза мутны и, что особенно удивило меня, скошены: правый глаз под значительным острым углом смотрел влево, а левый – вправо.

– Смотри на меня прямо.

– У-У-У... не хочу, не хочу, не хочу...

И Стефанида замотала и руками и ногами.

– Перестань барахтаться, смотри на меня прямо.

– Нет, нет, не хочу, не хочу, ты страшный...

– Господь велит – с сильным возгласом, приказывая, сказал батюшка, – смотри прямо!

Стефанида глянула на о. Иоанна. На ее лице можно было прочесть сильное и вместе с тем приятное для нее изумление.

– Батюшка, да какой же ты хороший, – лицо ее озарилось приятной улыбкой, – а я тебя дорогой ругала!

– За что же ты меня ругала? – улыбаясь, спросил батюшка.

– Я сама не знаю за что, только, когда бывало о тебе что-либо рассказывают, я злилась на тебя и ругала. Я думала, что я святая, а что о тебе говорят, то неправда...

– А оказалось, что и ты грешная, как и я; все мы грешные, сказал батюшка и нежно приклонил ее голову к своей груди. – Хочешь причаститься Св. Таин?

– Хочу!

Мы вышли в другую комнату и когда вошли вновь, батюшка уже приобщил больную.

– Будь здорова сестра, молись Богу почаще, борись с помыслами, – сказал Стефаниде о. Иоанн и обратился к приезжей с Кавказа.

– Как дела идут?

– Дорогой батюшка, я не рада, что затеяла их! Об одном прошу ваших молитв, чтобы папаше моему избавиться от умопомешательства и чтобы мне мирно разделаться с квартирантом евреем, чтобы мне больше не согрешать с ним.

– Но выслать его нельзя без суда?

– Нельзя, батюшка, но подавать в сенат у меня охоты уж нет.

– Подавать-то надо, только не надейтесь на князи, на сыны человеческие и не воздавайте злом за зло, а давайте место суду Божию... Господь благословит!

– Тебе что дружок?

Приезжий из Калуги, весь в слезах, бросился в ноги о. Иоанну.

– По-гиб-ший я на-ве-ки... про-па-ла ду-ша мо-я...– едва мог он вымолвить сквозь рыдания.

– Что такое? Встань, скажи в чем дело?

Непрестанно всхлипывая от слез, богомолец рассказал, что его прокляла мать, когда он ей не дал денег на водку...

– Она уже померла, а я горемычный не найду себе места... Тут стою – жутко мне, туда перейду – и там нехорошо... Делаю дело, сам не знаю зачем; тяжело мне, весь мир не мил, говорю и вслед почти забываю, что сказал... От должности давно уже отстал; прошу влиятельных знакомых дать мне место, обещают, если откроется. Открывается место, иду вновь просить, а место либо упразднили совсем, либо старший начальник отдал своему кандидату. Женился я, жена пожила со мною два года и ушла; остался у меня сынок на руках... Сам не знаю, что со мною делается... Батюшка, дорогой, помоги мне, не то пропал я: мне хочется по временам руки на себя наложить,

чтобы не страдать, но и страшно самому свою душу навеки загубить...

И он вновь истерически разрыдался... Две чистые, как хрусталь, слезы скатились и по щекам о. Иоанна...

Батюшка все время слушал его с закрытыми глазами, видно молился.

– Ах, бедный, бедный...– с глубокою скорбью повторял он, потом открыл глаза и пристально стал смотреть на просителя.

– Слышишь, – твердо и уверенно сказал батюшка. – Я беру твою клятву на себя. Перестань страдать, слышишь!

– Слышу, дорогой, и чувствую...

– Я буду умолять Отца нашего Господа, снявшего со всего мира клятву за грехи, помиловать и меня, взявшего с тебя проклятие... Отныне будь мирен, – и о. Иоанн возложил обе руки на его голову, а жену возьми к себе и вместе живите.

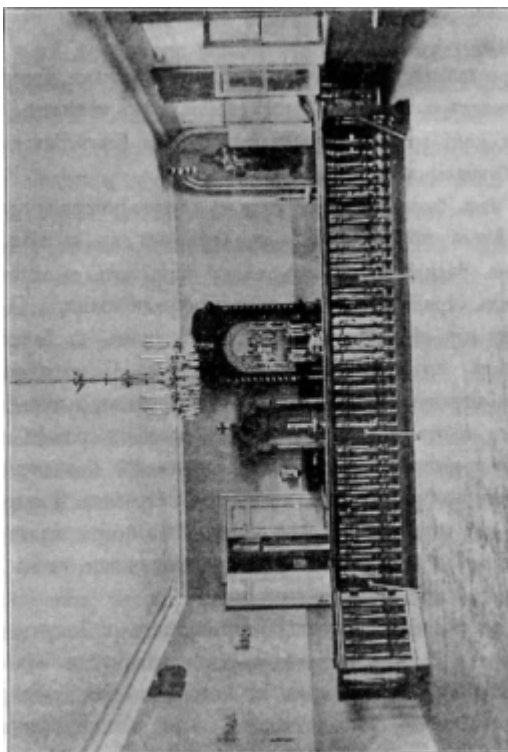
– Батюшка, я боюсь за себя, не тяжело ли ей будет со мной в нужде?

– Не малодушествуй... Господь Тебя укрепит и должность даст... Сынка в страхе Божиим воспитывай...

– Тяжело было жить в смирении и послушании отцу? – с улыбкой спросил о. Иоанн Павла Даниловича Кулибина, обратясь к нему.

– Легко и отрадно, батюшка, вашими святыми молитвами, хотя бы и всю жизнь так...

– Друг друга тяготы носите и житием служите ближним к созиданию.

После этого батюшка подошел к Захару Николаевичу, взял его за левую руку, отвел в угол, вполголоса что-то говорил ему минуты две, покачивая головой. Захар Николаевич стоит, склонив голову, слезы умиления одна за другою катятся по ланитам.

– А о дальнейшем я уже говорил тебе раньше, припомни, – громко сказал о. Иоанн и быстро вышел из комнаты.

Меня, как громом, поразили эти слова. Сон Захара Николаевича буквально исполнялся.

От нас батюшка направился в другую половину квартиры. Его встретила приглашением к себе вся в слезах Мария Степановна. Василий Петрович темный, как ночь, с отпечатком внутренних страданий на лице, стоял посреди комнаты. О. Иоанн вошел в их номер... Я, желая переговорить с батюшкой о своем деле, по приглашению вошел туда. Начался молебен. О. Иоанн опустился на колени перед божницею, склонил голову на столик и стал молиться. Вдруг раздался громкий крик и за ним непрерывное, глубокое, несдерживаемое болезненное рыдание. Это вырвались тёмные думы Василия Петровича. Я вздрогнул. Батюшка еще раз припал к земле, затем бодро встал со

словами: «Слава Тебе, Христе Боже, упование наше, слава Тебе», обратился к нам с благословением.

– Что, братец, плачешь? спрашивает о. Иоанн Василия Петровича.

– Батюшка, я обнищал и, не думая оправиться, решил покончить с собою, мне помешали; мысль о позоре нищенства мучила меня, и я изобретал новые удобнейшие способы окончить свою жизнь. Я решил на обратном пути отсюда броситься с площадки вниз под вагоны, и сделал бы так, если бы... И он снова заплакал.

– Помни, брат, на всю жизнь, что Господь возводит низверженные, Господь убожит и богатит... и блажен муж, ему же есть упование на Господа Бога своего... Как это ты забыл про многострадального Иова! Ведь Господь испытывал веру твою!

Василий Петрович постепенно стихал в плаче и успокаивался. Мария Степановна была вне себя от радости.

На столе в номере Василия Петровича была приготовлена легкая закуска и чай. О. Иоанн с веселым улыбающимся лицом, с достоинством хозяина, стоя разливал чай, обильно накладывал сахар в стаканы; потом выпил четверть рюмочки вина, угостил вином и других, потом скушал маленький кусочек сырной ватрушки и, благословивши всех, уехал. Нельзя описать восторга богомольцев после посещения о. Иоанна. Оживившись, повеселели лица всех, повсюду радостные приветствия»...

Мы привели довольно подробно описание г. Духовцева, потому что он дает очень много интересных и новых подробностей. Для полноты однако считаем нужным вместе с другими «паломниками» заглянуть и в другие общие квартиры, и в отдельные номера. Представим себе большую квартиру – одну из тех, куда собираются богомольцы не единицами, а десятками.

Батюшка входит. Его обступают со всех сторон, жалуются, плачут. Много надо иметь в сердце любви к ближнему, чтобы так выслушать, понять, а главное откликнуться так тепло и участливо на все эти отрывочные, робкие мольбы страдающих

людей, как выслушивает их и откликается на них о. Иоанн. Какие житейские драмы проходили тут одна за другой. Вот бедная, плохо одетая женщина, с печалью нужды и горя на истомленном лице с болью стыда и боязни, подходит к батюшке и умоляет его о милосердии. О. Иоанн, тотчас же подает ей пакет, присовокупляя при этом благой совет: «не отчаиваться в скорби и надеяться на Бога». Обласканная, ошастливленная женщина с горячими слезами благодарности целует милосердную руку своего благодетеля и в порыве сердечного умиления падает к его ногам. Вслед за нею подводят болящего, и ему было оказано благодеяние в виде участливой, теплой молитвы, обращенной о. Иоанном о здравии болящего. Длинною вереницею еще и ещё подходят люди с различными мольбами, и никто не отошел неутешным, никто не плакал тут слезами скорби, хотя плакали все. С какими мелочами обращаются к о. Иоанну, но для него нет мелочей чужой души, все важны.

Вот к «батюшке» обратилась одна женщина (читаем у Щеглова).

– Батюшка, обижают меня дома, некуда головы мне приклонить!

– Кто обижает? – говорит о. Иоанн.

– Домашние, батюшка!

– Иди домой, помирись. Больше, – даст Бог, не будут обижать.

Женщина с глубокою верой выслушивает эти слова и идет домой совершенно успокоенной. Другая спрашивает:

– Сын пропал у меня, родимый, как молиться мне за него, за здравие или за упокой?

– Домой иди, – сказал о. Иоанн. – Там увидишь.

Третья просит батюшку благословить ее дочь, которую она просватала:

– Бог благословит, – сказал о. Иоанн. – Был бы муж богобоязненный и добрый, любил бы ее, а тебя почитал.

Кто-то спросил, идти ли ему в монастырь. Батюшка подробно справился, кто он, подумал ли прежде, чем решаться

на такой шаг, расспросил о семейных обстоятельствах его, затем благословил идти в ближайшую обитель.

Вопросов подобных предлагалось очень много, и на все о. Иоанн находил, что сказать: плачущих утешал, больным давал советы, всех благословлял, прибавляя: «Бог благословит, буди вам по вере вашей»!

– Батюшка, причитала громко, с низким поклоном хозяйка квартиры, – племянник мой, сапожник, о котором я вам намерен докладывать... Пьет без просыпу, то есть жаднее на водку, чем овца на зелень. И до тех пор, говорит, буду испивать, пока батюшка не благословит снять с него мерку для сапог... Как, говорит, сниму с него мерку, так, говорить, и всю болезнь с меня разом снимет!..

И она вытолкнула вперед племянника.

– Ну, ладно, снимай, сказал батюшка.

Племянник, захлебываясь от волнения, стал снимать мерку.

– Батюшка, дорогой, прими ты мое смиренное приношение! – Запричитала какая-то странница. «Сподобил меня Господь к святым угодникам сходить, о твоём здоровье в каждом месте по просфоре подать... Вот эту вынула о твоём здоровье у Тихона Задонского... Вот эту у Тихона Калужского... А вот эти две у Троицы Сергея и в Киевской лавре... Батюшка, прими, Батюшка не оставь!! – со слезами заключила она.

Отец Иоанн принял тарелку с просфорами, поставил ее на стол возле себя и улыбнулся ясной и веселой улыбкой.

– Ну, спасибо, милая, за труды, спасибо! – ласково проговорил он. – Только подумай, благодетельница, зачем мне все это? (Он полуукоризненно кивнул на огромные просфоры). Ведь я иерей, каждый день вкушаю просфоры, – куда мне теперь с ними?!

В эту минуту из толпы вынырнул дюжий, краснощёкий парень, с виду похожий на артельщика и, обливаясь потом, наклонился пред о. Иоанном. В руках у него был увесистый денежный пакет, который он поспешил вручить батюшке.

– Из Рыбинска... на пострадавших от неурожая! – выговорил он, с трудом переводя дыхание.

Видимо он промчался сюда прямо с почты, не переводя духа, чтобы застать батюшку на месте.

– А! – произнес довольно отец Иоанн тем тоном, который показывал, что он отлично знал, от кого исходило пожертвование, и, протянув пакет расторопному псаломщику, проговорил: «Иван Павлович, прими»!

Затем о. Иоанн благословил артельщика, немного подумал и вручил ему одну из просфор, которыми наделила его странница по святым местам.

– А вот это вам, боголюбивые сестрицы! – добавил он, беря две другие и протягивая их купеческим благотворительницам.

Излишне говорить, что стеснившаяся на пороге толпа жадно следила за малейшим словом и движением обожаемого пастыря, и теперь нетерпение ее возросло до последней степени.

– Батюшка... скоро ли к нам? – вырвался из толпы умоляющий женский вопль.

Отец Иоанн встал, решительно встряхнул головой и прошел в другую комнату. Начался молебен. Как мы уже видели, при этих визитах о. Иоанн исцеляет и больных. Вот что рассказывает одна больная.

«Батюшка зашел к нам 15 января. Перед общим молебном я просила его благословить на операцию, он ничего не сказал мне. После молебна я опять прошу его в наш номер отслужить молебен и благословить меня на операцию. Он опять не сказал мне ни слова и как будто не обратил никакого внимания на мою просьбу. Так мне было прискорбно, грустно... Господи, какая я жалкая, несчастная!

Через несколько времени к нам пришел о. Иоанн. Он прямо подошел ко мне и говорит: «Скажи мне, что у тебя за горе, что у тебя болит?» А в глазах его, и в словах, и в самом голосе столько доброты, столько участия ко мне несчастной, что я упала к нему на грудь и сквозь слезы и рыдания стала ему бессвязно говорить, что вот уже четвёртый год я ужасно страдаю, болит нога, и я решилась на операцию, прошу благословить меня...

«Отчего это произошло, не помнишь день, начало болезни»? – «Я хорошо помню этот день 13 сентября, когда я повредила ногу на балу, а только теперь совесть уличает меня, что под такой великий праздник Воздвижения Св. Креста я скакала и бесновалась, как сумасшедшая».

Он стал расспрашивать меня про мою жизнь. Я раскрыла перед ним всю мою скорбную душу, он дал мне выплакать все мои слезы на его груди.

«Надейся на милость Божию, молись, только молись искренно, с полной верою. Господь исцеляет всякие недуги душевные и телесные, имеешь ли ты такую веру?»

«Я верю, что Господу все возможно, но я не достойна такой милости Божией; помолитесь, батюшка, за меня несчастную».

«Молись и сама, только со всею искренностью. Как твое имя?» – Татьяна. Потом, обратясь ко всем, он сказал: «Помолимся все вместе о сестре нашей о Христе болящей Татьяне».

Отслужив молебен, он освятил воду, погрузил крест и всю воду с креста излил мне на голову, дал приложиться к кресту и сказал: «Да поможет тебе Господь Бог и Царица Небесная». Я почувствовала необыкновенную радость, силу, бодрость; прошу батюшку благословить меня иконою Козельщанской Божией Матери. Он благословил и сказал: «Всегда прибегай за сердечной молитвой к Господу и Царице Небесной».

Благословив всех присутствующих, он говорит мне: «Теперь пойдем и еще помолимся вместе». Я пошла за ним в другой номер, там прослушала молебен. Выходя батюшка опять говорит мне: «Пойдем еще помолимся».

Я пошла за ним в третий номер. После молебна он благословил меня и сказал: «Я зайду к вам проститься». Я воротилась в свой номер, все мы были радостные, оживлённые, у всех только и разговоров, что какой батюшка добрый, какой ласковый, внимательный, как входит к нам сам батюшка, посидел с нами, приласкал нас. Уходя он благословил нас всех, потом с улыбкой посмотрел на всех и сказал: «Ну прощайте, сестренки, да благословит вас Бог!»

Это в общей квартире. Тайны отдельных комнат, конечно, недоступны наблюдению. Там беседа происходит при закрытых дверях. У нас есть, однако, интересные сведения и об этих визитах благодаря тому, что сочли нужным сообщить во славу Божию некоторые «гости» о. Иоанна.

«Я ждал о. Иоанна в своем номере, – рассказывает известный И. Щеглов. Часы показывали половину третьего. Я пощупал свое сердце: оно билось усиленно и радостно тревожно... почувствуй я в это мгновение на дне его хоть каплю лжи и неверия, я бы, кажется, не задумываясь, растворил окно и бежал без оглядки. Прошло еще десять томительных минут, показавшихся мне вечностью, – и вдруг в коридоре послышался какой-то глухой шум, чей-то пронзительный вопль, неистовые крики: «Батюшка, спаси, спаси!.. Батюшка, благослови!», и двери в мою каморку распахнулись...

Вошел отец Иоанн. Как сейчас помню, он вошел очень стремительно, молодой и спешной походкой, с горящим пронизывающим взором, с ярким румянцем в нервно вздрагивавших щеках, с разметавшейся по затылку русой прядью... Во всей его фигуре, в его движениях, в первом звуке его голоса, чувствовалась какая-то, непередаваемо-чудесная вдохновенность человека, еще не остывшего от недавнего молитвенного порыва, возвышенно разгоряченного своей властной деятельностью, страстно готового на новые бесчисленные подвиги... Теперь передо мной предстал точно совсем новый отец Иоанн, чем тот, которого я наблюдал всего несколько часов тому назад в думской церкви, – и в этот один неуловимый ошеломляющий миг я вдруг понял его всего, во всем его неотразимом величии, как никогда, быть может, мне не случилось бы его понять в другие, более спокойные минуты...

Я понял глубоко и неопровержимо одно: если бы этому человеку сейчас сказали, что по окончании общего молебна у г-жи Снегирёвой, он осужден врагами веры к сожжению на костре – он бы отслужил молебен, как ни в чем не бывало, и не моргнув глазом, так же смело взошел бы и на костер, как вошел сейчас в мою комнату...

Не знаю отчего, но мне ужасно обидно, что я не помню, какого цвета тогда была на нем ряса и какие кресты украшали грудь... Да, я ничего этого не помню, потому что всецело охвачен был лишь одним; как он вошел, как взглянул, и как вслед затем около меня раздался властный и отчески-проникновенный голос:

– Ну, говорите, что вам нужно?

Разумеется, я сказал, что мне было нужно; разумеется, отец Иоанн прочел молитву и беседовал... и, разумеется, об интимных подробностях всего этого благосклонный читатель позволит мне умолчать. Думаю, будет вполне достаточно, ежели я скажу, что был совершенно подавлен и уничтожен великим сердцеведением кронштадтского пастыря!.. Да, этот человек, только что вошедший и первый раз в жизни меня видевший, через какие-нибудь пять минут говорил со мной так, как будто жил под одной со мною кровлей добрый десяток лет... И, вдобавок, каким голосом говорил! От которого сердце детски раскрывалось и размягчалось, как воск, и невольные слезы сдавливали горло и мешали вырваться в словах накипевшей признательности.

В заключение своего краткого собеседования, отец Иоанн крепко поцеловал меня в лоб и промолвил:

– Спасибо за доверие, голубчик!.. За доверие спасибо!..

Забывать ли мне когда-нибудь несравненную, умиляющую ласковость, с которой были произнесены эти слова? О, никогда, никогда!.. Это тончайшее, неизгладимейшее впечатление всей моей жизни, и оно может умереть только вместе со мною!»

Но вот все квартиры и комнаты обойдены, о. Иоанн уходит. Нечего и говорить, что добраться отцу Иоанну до своего экипажа было почти так же трудно, как выйти из собора. Наскоро благословляя народ, оделяя мелочью протиснувшихся к нему бродяг, отвечая бегло на сыпавшиеся на него со всех сторон просьбы и вопросы, очутился он наконец около дрожек. Молодой псаломщик, сопутствовавший отцу Иоанну, и видимо привычный ко всяким передрягам, ловким движением подхватил его и усадил в дрожки. В одно мгновение ока он очутился на дрожках сам и крикнул кучеру: пошел.

О. Иоанн уехал. Куда? отдыхать? Нет. Посетив кронштадтские квартиры, о. Иоанн переезжает в Петербург, где, конечно, у него еще менее отдыха и покоя.

Уже поздно ночью он отправляется на Балтийский вокзал, где опять толпа народа ожидает его. Теснимый со всех сторон, он с трудом пробирается в вагон, не забывая оделить нуждающихся деньгами. В открытое окно накидывается масса писем; поезд трогается; отец Иоанн стоит у окна и, напутствуемый изъявлениями благодарности и добрыми пожеланиями, благословляет толпу с приветливой улыбкой, посылая слова:

– Прощайте, братья, прощайте, дорогие мои, прощайте друзья!. Господь вас благословит!..

До первой, до второй станции он прочитывает письма, а затем вплоть до Ораниенбаума обыкновенно спит.

В Ораниенбауме обычная встреча и обычные при этом сцены. Летом о. Иоанн, переезжая через Финский залив на пароходе, становится на корму с скрещенными на груди руками и, прося не беспокоить его, произносит вечерние молитвы. Зимой же, сидя в кибитке, также, сложив крестообразно руки, молится всю дорогу.

Наконец время за полночь. О. Иоанн подъезжает к Кронштадту. У петербургских ворот (так называется въезд в Кронштадт) с минуты на минуту его ожидает «армия», и только о. Иоанн успевает ступить на землю, как он окружается «посадскими» и производит опять раздачу милостыни на ночлег.

Если он случайно узнает, что в городе встречается безотлагательная необходимость в требах у какого-нибудь труднобольного, то, несмотря на позднее время, заезжает за псаломщиком и отправляется всюду, где только является такая безотлагательная необходимость.

Нет нужды скрывать, что иногда о. Иоанн устает и минутами ропщет. Эти минуты он, однако, считает минутами падения, измены Богу, и с плачем кается в них и на страницах своего дневника, и пред св. иконами своей «моленной».

По удовлетворении всех, позднею ночью, часу во втором, он, наконец, попадает домой, а часа в четыре – пять утреннюю

молитвою начинает новый, полный труда и лишения день.

У каждого из нас, имеющих свой уголок и домашний очаг, есть определённый час для подкрепления себя пищей. Имеет ли какое время о. Иоанн? – спрашивал я некоторых в Кронштадте. Говорят, завтракать или обедать он попадает домой в году всего, может быть, несколько раз. Где же он обедает? Везде и нигде, всегда и, можно сказать, никогда. По причине множества посетителей он никогда не может назначить часа посещения и никогда почти не может попасть ни на какую вечерю. Поэтому ему приходится терпеливо довольствоваться малым. Там съесть что-либо из фруктов, здесь выпьет стакан чаю, тут скушает кусок булки или несколько штук печений. Нередко случается, что в течении целого дня ему не приходится подкрепиться надлежащим образом. Но он и не ищет этого, довольствуясь вполне тем немногим, что Бог пошлет ему там или здесь во время дня.

О. Иоанн ночью возвращается в Кронштадт

Однажды сказал о. Иоанну один петербургский протоиерей: «вы так утомляетесь, батюшка, совсем не даете себе покоя!» На это о. Иоанн отвечал ему: «На что мне покой, друг мой! Покой наш будет там, (указал он на небо), если только заслужим его здесь. Да и может ли пастырь быть покоен, когда еще не все овцы глас его слышат, а некоторые и слышать не хотят; иные же стонут и сами умоляют о помощи, не должен ли пастырь спешить им на помощь? Сколько слез, нужд, скорбей, немощей, сколько грехов у овец наших!.. Пастырю ли покоиться, дремать, когда их гибель не дремлет».

Удивительно мало спит о. Иоанн. Далеко даже не всегда 3–4 часа глубокой ночи в сутки всецело принадлежать о. Иоанну. Весьма часто он проводит их в вагоне железной дороги, в карете, а иногда и совершенно не спит. Какой гигантский труд! И этот труд приходится нести не в течении какого-либо одного дня или нескольких дней, а в течении целых месяцев, годов, десятилетий. Невольно мне вспомнились в эти минуты наши постоянные жалобы на нервы, недосыпание, недоедание, на пресловутое переутомление. Если бы каждый из нас так трудился, как трудится о. Иоанн, я не знаю, что было бы с нами, и каких бы историй еще не выдумали бы мы в свое оправдание и извинение. Может быть некоторые от одного представления такого труда не выдержали и заболели бы. Говорят немало о чудесах о. Иоанна. Я их не видел своими глазами, но расскажу о них вполне верю. По моему глубокому убеждению, уже одна эта многотрудная жизнь о. Иоанна сама по себе представляет собою величайшее чудо». (Два дня в Кронштадте).

Да спит ли о. Иоанн?.. Право, что-то не верится.

– Спит ли? – с таким вопросом обратился я – рассказывает Щеглов – к Федосье Минаевне, которая живет против дома о. Иоанна и, как хозяйка квартиры для гостей, зорко следит за «днем» батюшки.

Федосья Минаевна на мой вопрос как-то загадочно усмехнулась.

– Ну, вот уж этого никак нельзя определить... Это как когда придется. У него, знаете, совсем особый сон, как говорят промеж народа, – «сытый сон». Другой раз сидит со своими

мыслями на пароходе, вдруг закинет голову и так с полчаса крепко накрепко заснет... Да что вы думаете? И тут-то дорогому батюшке не дадут покою.

– Что поддерживает о. Иоанна? – Конечно, внутреннее горение, дух, который живет в нем. Можно сказать, что в течении почти целого дня о. Иоанн находится в состоянии величайшего психического возбуждения, которое является то в форме молитвы без слов, то в виде возвышеннейшего настроения, граничащего с молитвой, то, наконец, в форме мысленного переживания высших идеалов. Можно сказать, что то возвышенное настроение, которое у обыкновенного человека наступает изредка, в исключительные минуты, у о. Иоанна является обычным и не оставляет его в течение дня. О. Иоанн представляется обыкновенным человеком лишь в минуты крайнего утомления или во время принятия пищи; во все же остальное время дня, он находится в состоянии одушевления и живет самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человеку. (Проф. Сикорский).

А причина самого этого возбуждения, конечно, в благодати Божией и в благодати Святейшей Евхаристии.

О. Иоанн вне Кронштадта

О. Иоанн в Петербурге. Он отслужил обедню и его ждут в одном из домов к больному.

– Едет, едет!!

Экипаж подъезжает. О. Иоанн светлый, улыбающийся выходит из экипажа. Его тотчас обступают почитатели, особенно почитательницы всех сословий и рангов. Батюшку обступают со всех сторон, целуют руки, теснят, толкают... Он улыбается и только иногда укоризненно говорит: «Матери, вы, матери». Он поднимается наверх.

От каждого движения веет христианской радостью. Весь он опровержение ложной теперь мысли, будто церковное христианство – религия «трупов», мертвенно. Подвижничество Кронштадтского целителя – не тоска, не печаль, не уныние, не угрюмость – это цвет жизни, игра утреннего солнца, улыбка ребенка. Аскетизм – радость жизни, освобождение от того, что гнетет душу. Аскетизм – не тоска, не печаль, не уныние, не угрюмость. Аскетизм – цвет жизни, игра утреннего солнца, улыбка младенца. «Радость моя! Христос воскрес!»

Вот он входит в квартиру. Высоко на 3–4 этаж.

– Мир дому сему!

Чистая, светлая комната; посреди большой стол, накрытый белоснежною скатертью, на нем миска и другие принадлежности для водоосвящения. Окна растворены настежь, и в них рвутся потоки золотого, горячего света, видно голубое небо, доносится воркованье приютившихся на карнизе голубей. Сноп яркого солнца легли на полу, на ковре, на скатерти, играют в воде, в миске, на тарелке, на стакане.

– Ах, как хорошо, как весело у вас в квартире, говорит батюшка, благословляя хозяев и случайно заглянул в окно. Там внизу был расположен небольшой цветник; в клумбах виднелись белые астры и пунцовые петунии, желтели бархотки и другие цветы.

О. Иоанн, уже совсем приготовившийся начать служить молебен, взглянул на стол и быстро спросил:

– А где же цветы, цветы где?

Хозяева, ничего не понимая, удивленно глядели на батюшку. А сам он уже спускался в сад, откуда через несколько минут воротился, неся в руках цветы и, бодрый, веселый, начал молебен, уложив на белоснежной скатерти, вокруг сверкающего от солнца креста, пунцовые и голубые петунии, левкои и бархотки.

О. Иоанн начинает молитву коленопреклонённо, тайно помолясь, сначала один, потом он обращается к присутствующим с приглашением помолиться.

– Помолимся вместе, – говорит он: – Господь сказал Своим ученикам: где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их, а нас здесь собралось много, и если мы собрались с верою и любовью, то Он несомненно присутствует среди нас. Итак, друзья, – по вере вашей, да будет вам!

И подавая собою пример прочим, он начинает горячо молиться, с коленопреклонением, иногда со слезами.

– Господи, Иисусе Христе Боже наш, – слышатся среди немой тишины слова молитвы, – Иже нашего ради спасения изволивый плоть носить, да прославиши чудно словесное естество, неизреченным Твоим благоутробием и благостью и иже во истинном покаянии обращающиеся из глубины греховной, простить обещаая... Благий Человеколюбче, Иже тварь единым словом соделавый и из нее человека создавый, последи же сего неизреченным Твоим человеколюбием падшего себе и раба греху бывша восприемый и освятивый, яко да не погибнет до конца дело руку Твоею, давый же сему и Свои спасительные заповеди в память Твоего пришествия и Твоих повелений, и Божественного вочеловечения, исцели раба сего от обдержавшей его немощи, уврачуй, исцели, укрепи и т. д.

Он молит подать ему, по божественному обещанию, силу, исцеляющую немощи и бесов изгоняющую.

«Чрез слабость мою прояви Твою силу!..» – шепчут его губы.

– Он просил, – описывает молитву о. Иоанна очевидец, – с непреодолимой силой любви к ближнему. Он стучал все громче и громче в заветную, обетованную дверь. Он весь

преобразился, черты его лица осветились, глаза таинственно блистали, трепет пробежал по его телу, капли пота струились по лбу его. Наконец мольба его была услышана. Он почувствовал, как влилась в него светлая, дивная, могучая сила. Ему уже давно было знакомо это ощущение.

Он поднялся с колен и направился к кровати. Теперь в нем уже не было волнения, ни странных движений, ни трепета. Он спокойно подошел к неподвижно лежавшему больному и положил ему свою руку на голову.

– Встань и помолимся вместе! – тихо сказал он.

В этих словах не чувствовалось требования, но они были так сказаны, что, очевидно, их нельзя было ослушаться.

– Я не могу шевельнуться! – явственно произнес больной.

Тогда о. Иоанн еще раз возложил на него руку и еще раз повторил:

– Встань и помолимся вместе!

И больной встал с кровати, опустился на колени рядом со священником, начавшим громко читать молитву. Когда молитва была окончена, о. Иоанн благословил больного, глядевшего на него с умилением, а затем помог ему лечь на кровать.

– Для Бога все возможно! – спокойно и с глубоким убеждением сказал он, – только веруйте, только молитесь... «Просите и дастся вам, толцйте и отверзется...» И жизнь, и смерть – все в деснице Господней.

После молитвы о. Иоанн делит с хозяевами трапезу и спускается к экипажу. В экипаж однако он попадает не сразу.

Нередко, когда он по роскошной лестнице спускается из богатых палат, где-нибудь в швейцарской его улавливает бедная работница или «угловая» жилица с заднего двора; и вот он, не колеблясь нимало, спускается к ней в подвал, молится, утешает, даже разделяет скромные куски после только что оконченной роскошной трапезы среди блестящего общества, а затем, оказав материальную помощь, уходит.

Попав в один из многолюдных домов Петербурга, о. Иоанн, по бесконечной доброте своей, не может отказать никому из его обитателей в посещении. И случается, что, пройдя по такому

дому несколько часов, он неумышленно обманывает более важное лицо, просившее его о посещении.

Как прост, ласков и обходителен о. Иоанн с бедняками, таким же он является в богатых домах и в палатах сановников, ненося в себе и тени лицепрятия. Вообще для о. Иоанна все равны и богатый и бедный, и нарядный и богатый, и дающий и просящий, дворянин и мещанин, всем им у о. Иоанна один почет, одно место.

Чем больше человек привязан к земле и земным похотям, тем меньше он найдет отклика в о. Иоанне, и наоборот, чем свободнее сердце человека от привязанностей к тленным сокровищам, тем ближе и роднее оказывается он Кронштадтскому пастырю...

О. Иоанн зимней ночью в кибитке едет из Ораниенбаума в Кронштадт.

Здесь есть какое-то «родство души», непонятное взаимное влечение, не поддающееся определению путем внешних наблюдений. Вы видите, например, двух стариков перед

«батюшкой». Один миллионер, который сует в руку священника пачку ассигнаций и приниженно кланяется, а другой – оборванный нищий, стоит, понутив свою седую голову... Первый рассыпается в комплиментах и любезностях по адресу батюшки, а второй молчит и только слезы одна за другой катятся по морщинистым щекам. Между этими двумя стариками такая разница, что только здесь, у алтаря, они и могли сойтись вместе, стоять рядом... Один вращается в избранном обществе, его визиты принимают, как редкое и ценное внимание, а другой – обитатель ночлежных приютов, который, даже при объяснениях с дворниками или сторожами, почтительно снимает шапку... Тут они рядом. Миллионера смущает это соседство, он ждет, что о. Иоанн сейчас же его попросит в алтарь, предложит ему посетить его, отслужить молебен... Ведь он архиерея принимает в своих хоромах, а тут сделал честь скромному священнику, сам первый к нему приехал, и вдруг изволь стоять рядом с каким-то нищим оборванцем!.. Вот миллионер сделал приятную улыбку, заметив, что батюшка достает из кармана просфору, и приготовился благочестиво перекреститься...

Но батюшка протянул руку с просфорой к нищему, положил левую руку ему на плечо и ласково заговорил:

– На-ка, милый, просфорку. Ты где живешь, как имя твое? Миллионер краснеет, бледнеет... Он готов провалиться сквозь землю, его губы что-то шепчут, а ноги машинально пятятся...

– Благословите, батюшка, – произнес он нерешительно.

Но о. Иоанн увидел такого же оборванца, как первый, с которым он сейчас говорил, и спешит протянуть ему сложенную крестом руку.

Он не хочет обидеть богача. Нет, избави Бог: он умеет понять и простить даже это высокомерие богача, по жалости даже снизойдет к ней; нет здесь он только не выбирает. Не видит никого, кроме просящих рук и молящих глаз. Исключительной любовью его пользуются только дети, больные да грешные.

О. Иоанн среди детей

Трогательно смотреть на о. Иоанна, когда он с детьми. Здесь он добрее и светлее, чем когда-нибудь... «Я среди детей и себя ребенком чувствую». – Детская душа тянется к детской чистоте, и дети тянутся к нему...

«Веди меня к детям» – говорит о. Иоанн к провожавшему его г. Поршину в Ростове. – И это он говорит везде, во всяком городе. К детям, значит, в приюты, в училища, гимназию... И дети его всегда ждут.

Вот интересное письмо из Чернигова, из Черниговского Детского приюта⁹.

Отец Иоанн был у нас в половине сентября 1897 года. Детишки с утра волновались – «духом горя» – как писал после наш батюшка. Они все слышали об отце Иоанне и издали его любили. Помню особенно ко мне приставала одна крошка. Милая, скажи, это святой приедет, святой?..

И он приехал. Дети все сияли от радости и смотрели на о. Иоанна во все глаза. И он – всей душой отозвался на детскую любовь. Им говорил он речь. Жалею, что не записала ее. Говорил он о том, что нужно любить этот дом – в котором они нашли кров, людей, которые их любят, чтобы они хранили детское, чистое, благодарное, чуткое сердце.

Потом о. Иоанн благословлял всех детей. Хорошо было смотреть на его полное привета лицо. Благословляя детей, он иногда порывисто гладил их по голове, прижимал к себе, говорил что-нибудь задумчивое, ласковое.

Дети глядели сияющими и от радости, и от слез глазенками.

О. Иоанн Сергиев

«Как раз, передо мной на молебне, – рассказывает Щеглов, – прикладывался чиновник неведомого ведомства с гимназистом. Приложившись, он представил ему своего подростка с усерднейшей просьбой благословить его перед началом учебного года. Отец Иоанн ласково погладил его по голове: «Верно только что поступил в гимназию – спросил о. Иоанн. – Только что успели сшить мундирчик, подсказал отец, явно растроганный этим знаком внимания.

– В математике, поди, молодец?

– Удивительно быстрый, то есть до чего, вы просто не поверите!

– А в языках верно слабоват?

– Совсем слабоват, именно в языках.

О. Иоанн сделал новоиспеченному гимназисту краткое наставление и троекратно благословил его.

Гимназист тоже все время блаженно улыбался, а когда батюшка стал благословлять его, заплакал радостными

детскими слезами. В глазах чиновника тоже стояли слезы».

Трудно и измерить, как много дают такие святые минуты для всего будущего ребенка; впечатления не исчезают.

В своем дневнике (неизданном) о. Иоанн со страшной болью рассказывает, как он в «минуту» искушения отстранил рукой с запяток саней мальчика. Тот упал и ушибся... Конечно, только нравственная чуткость о. Иоанна создала последнюю подробность (ушиба), «но о. Иоанн долго мучился воспоминаниями об этом деле», «Душа изболелась», пишет он, долго помнит и долго не прощает себе своей жесткости.

— Вы дети мои, ибо я родил и рождаю вас благовествованием о Христе Иисусе; духовная кровь моя — наставления мои текут в жилах ваших; я напоил и пою вас, как бы из сосцов мать, молоком словесным. Вы дети мои, потому что я имею вас всегда в сердце своем и молюсь за вас. Вы дети мои, потому что я, действительно, как священник, отец, и вы называете меня батюшкою. Дети! это слово очень, очень не нравится диаволу, виновнику нелюбви, злобы и лицемерия, но я, Богу помогающе, ни на минуту не повинуюсь ему, и буду не иначе называть вас, как детьми, ибо вы, действительно, дети по вере, по Церкви Божией и по принимаемым от меня наставлениям и отеческому руководству. И заключение в духе — в частной искренности прибавляет — сказать искренно чужим детям: *дети*, можно только Духом Святым, Духом истины и любви. Да сие и аминь.

Батюшка с крестником на загородной даче

Говорить с детьми так искренно, как о. Иоанн, можно только любовью. Мы не можем перепечатывать речей о. Иоанна детям, но вот несколько отрывков:

– Дети! Когда некоторые родители хотели подвести к Господу детей, апостолы препятствовали им. Видя это, Господь запретил им, говоря: «оставьте детей приходить ко мне!».

Вот вам, дорогие, приятное, живое, утешительное слово, не мое, а евангельское. Запомните его все и положите глубоко, глубоко в сердце. Помните, как любил детей, любит их и теперь Сам Господь Иисус Христос; как строго запретил Он Своим ученикам, чтобы не препятствовали им приходить к Нему во всякое время, так как в их простых сердцах почивает Бог; как обнимал их, возлагал на них Свои пречистые руки и благословлял их. Помните, говорю, эти дорогие слова Евангелия, воодушевляйтесь и утешайтесь ими; носите их в сердцах своих и не будьте легкомысленны, невнимательны и неблагонравны, чтобы не оскорбить вас чем-либо горячо

любящего вас Спасителя. Учитесь прилежно закону Божию и всему полезному учению. Не опускайте в воскресенья и другие праздники ходить в храм Божий, и никто и ничто пусть не препятствует вам в этом. В храме особенно Бог принимает наши молитвы. Молитесь с сердечным вниманием дома и в классе. Молитва есть беседа детей с Отцом небесным. Уважайте и любите начальников и наставников ваших, которые после родителей – ваши первые доброжелатели и благодетели, руководящие вас ко всему доброму и полезному. Уважайте и сами себя и не доводите себя до поступков, унижающих и бесчестящих вас. Помните, что Господь Иисус Христос и теперь с вами всегда, невидимо, Сам учит вас невидимо, внутренне, если только вы внимательны. Всякою наукой дорожите, всякую науку любите, потому что всякую науку открыл Господь Бог, Источник разума и премудрости. Учитесь охотно и прилежно. Когда будет вам трудно или скучно, обращайтесь смело с верою к Господу Иисусу Христу, любящему вас, и Он тотчас поможет вам. Он особенно любит слушать детские усердные молитвы, как наилучший Отец. Любите и берегите друг друга.

– Любезные дети. Растите и зрейте во благодати Божией и яко новорождённые младенцы словесное и нелестное молоко возлюбите Божие слово, Божий закон. Рядом с науками внешними старайтесь преуспевать во внутренней сердечной науке любви, веры, молитвы, кротости, сострадательности.

Вы учитесь языкам, французскому, немецкому, но смотрите больше всего учитесь языку любви. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, я медь звенящая и кимвал бряцающий».

Ласковый вообще к детям, о. Иоанн еще любовнее относится к детям больным. О. Иоанн в больнице Левашевского пансиона в Киеве. В числе больных о. Иоанну указали девочку, которая страдала тяжелым тифом, и у которой незадолго пред этим вскрыт был обширный гнойник позади уха. Едва о. Иоанн взглянул на больную, вся его фигура внезапно озарилась огнем чувства. Он быстро подошел к больной, пал к кровати и, стоя на коленях, приник к лицу страдальцы, осыпая ее искреннейшими ласками и поцелуями. Тут сказала вся богато-одаренная душа

о. Иоанна. Как самая любящая мать, ласкал и утешал он болящую:

– Милое дитя, тебе не больно,.. страданица ты моя, – говорил он.

Воцарилось совершенное безмолвие, и вся сцена произвела глубочайшее впечатление. Возможно было вспомнить сказанные слова, но нет средств передать тон, оттенки голоса и все переливы несравненной мелодии чувств, которые вылились из души любвеобильного пастыря. Мы присутствовали при самых глубоких проявлениях, на которые способна человеческая душа. Тут все сказалось: и пыл беззаветного святого чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость, и скорбь у постели больного человека, и наконец несравненная симпатия, со всеми оттенками и модуляциями могучего чувства».

Такой же ласковый, о. Иоанн и всегда к больным детям: о них и молится он горячее и усерднее.

«В квартире Ергомышева, пишет Ростовский корреспондент, до прихода о. Иоанна, собралось немало также тяжело больных. Тут же лежал больной ребенок.

– Идет, идет!..– раздались голоса. Появление о. Иоанна вызвало всеобщую радость; больной ребенок, уложенный тут же в кроватку, немного приподнялся и устремил свой пытливый детский взор на вошедшего пастыря.

– Как зовут больного? – спросил о. Иоанн у матери; та назвала имя ребенка.

– Помолимся Господу Богу, обратился пастырь к ребенку и с отеческой любовью поцеловал его. Ребенок припал к руке пастыря и сотворил крестное знамение.

– Молитесь Господу Богу и по вере вашей воздаст вам – снова промолвил пастырь и стал сам молиться с горячей верой, со страстным и сильным убеждением. Снова раздались в комнате рыдания. О. Иоанн ласкал детей, брал их к себе на руки, целовал их, дети точно взрослые понимали, кто возле них и заглядывали ему в добрые ласковые глаза».

Ласковая улыбка не сходит с лица о. Иоанна, когда он с детьми. Только иногда эта улыбка сменяется грустной скорбью.

«Поздно вечером мы остановились в небольшой деревеньке Гора, пишет Нарцизова, в одной крестьянской избе о. Иоанн несколько минут отдыхал и чай пил. Тут одна крестьянка привела к отцу Иоанну своего сына лет 7 или 8, совершенно безумного, так что данный ему сладкий сухарь он не умел в рот положить, и со слезами на коленях умоляла помолиться и помочь ее сыну. О. Иоанн, держа ребенка в коленях, обеими руками его обняв, и видимо всем сердцем горячо молился, прикинув своей головой к его голове, потом вдруг выпустил ребенка, и только сказал: матери, вы матери! Нужно было видеть, с каким глубоким состраданием и нежной любовью к несчастному мальчику были произнесены эти слова; мать еще больше стала просить, но он опять только и повторил слова, покачивая головой: матери вы, матери!

Если где еще можно видеть у о. Иоанна ту же сострадательно-скорбную нежность, то разве в больницах среди коек «страдающих и телесно озлобленных».

В 1901 году о. Иоанн навещал прокажённых в колонии Общества борьбы с проказой (25 верст от ст. Молосковицы Балтийской ж. д.).

Нужно было видеть это выражение напряженно скорбной жалости, с какой он беседовал с прокаженными, утешал их. А с какой трогательной любовью беседовал он с о. Феодором П., находившимся тут же на излечении.

Недаром плакали прокаженные, когда после горячего слова «о прокаже духовной», он призвал к молитве. Колония рыдала: больные впервые может быть нашли настоящую бесконечную жалость к их страданиям, и плакали и от радости, и от пробудившейся жалости к себе.

«Если бы о. Иоанн не был полон веры в милосердие Божие, он истек бы кровью: так сильна в нем чуткость к чужой боли!» – говорил нам один глубоко-почитающий о. Иоанна человек, и это правда.

Путешествия О. Иоанна

С тех пор, как слава о жизни и делах пастырства и милосердия Кронштадтского священника разнеслась по России, со всех концов нашего отечества и даже из-за границы, стали стекаться к отцу Иоанну письма и телеграммы с просьбами о посещении. Последний, как приходской священник, обременённый трудами и обязанностями по приходу, весьма естественно не может совершать разъезды по всей России. Кроме того, почти ежедневно, как мы уже описывали выше, ему приходится посещать Петербург, что зачастую сопряжено с опасностью жизни во время распутицы весной и осенью, по дороге между Ораниенбаумом и Кронштадтом по льду. Так, нередко случалось, что, проезжая по льду, отец Иоанн проваливался, но любовь к страждущим у него настолько велика, что никакие опасности не могут удержать его от посещения тех, кто в нем нуждается. Несмотря на недостаток времени, почтенный пастырь находит возможность посещать дня на два ежемесячно первопрестольную столицу. Отец Иоанн обыкновенно уезжает с вечерним поездом, проводит один день в Москве и в редких случаях ночует и остается на другой день.

Как известно, курьерский поезд идет ночью, но невзирая на неурочное время, все главные станции, как например, Любань, Бологое, бывают переполнены народом, если только весть о проезде отца Иоанна разносится по окрестностям. На тех станциях, где поезд стоит более или менее продолжительное время, повторяются те же сцены, какие известны читателю из нашего описания поездок отца Иоанна по Балтийской железной дороге.

Особенную картину в эти дни представляют промежуточные станции Николаевской железной дороги. Кругом царит непроглядная тьма. Второй, третий час ночи. На станции, кроме обычных пассажиров, ожидающих прихода поезда, толпа народа. Необыкновенное возбуждение написано на всех лицах, освещенных скудно мерцающим светом станционных фонарей. Вот вдали слышится грохот и свист приближающегося поезда.

Еще минута – и локомотив, тяжело пыхтя и гремя цепями, подкатывает к платформе. Толпа инстинктивно подается вперед, отыскивая глазами вагон, в котором едет отец Иоанн. Вот в одном из окон показывается его фигура, стекло опускается и почтенный пастырь начинает благословлять толпу. Тут со всех сторон устремляются к его вагону нуждающиеся: кто с просьбой о помощи, о благословении, о молитве, кто с письмом, кто с деньгами. То и дело слышатся возгласы:

– Дорогой батюшка, помолитесь об умирающем...

– Батюшка, примите от трудов моих на ваших бедных и т. п.

Эта ночная картина, эта ожидающая чего-то необычайного среди темноты и холода толпа производит необыкновенное впечатление, которое никогда не изгладится у того, кто хотя раз в жизни наблюдал одну из подобных встреч почтенного пастыря. Подобная встреча по справедливости представляет собою явление не совсем обыкновенное. Бывают ли случаи, чтобы обыкновенный священник привлекал такое внимание окружающих?

К о. Иоанну народ едет со всей России. У входа в Андреевский собор

Нет, к сожалению, он всегда проходит по городу никем незамеченный.

В 1885 году, после многократных приглашений, отец Иоанн посетил Воронеж, где и пробыл около двух недель, проживая у

преосвященного Серафима. В 1850 году о. Иоанн был в Харькове. В 1893 г. в Киеве, Вильне и на Волге, в 1894 г. – снова на Волге и т. д.

Мы, уклоняясь слегка от хронологии, начнем с описания пребывания о. Иоанна в Киеве. Приезд о. Иоанна в Киев в апреле 1893г. и пребывание в нем представляют собою выдающееся событие местной жизни, которое должно быть занесено в летописи.

Около двух месяцев кряду, не прекращаясь, ходили слухи о приезде в Киев о. Иоанна, и люди всех возрастов, классов и состояний жадно прислушивались к вестям о приезде человека, которого Киев еще никогда не видел, но которого он уже хорошо знал, как и вся Россия.

С начала Фоминой недели ко всякому поезду Курско-Киевской дороги собиралась многочисленная публика встречать отца Иоанна. Несмотря на то, что не было известно время приезда о. Иоанна в Киев, и что им был избран путь не на Москву и Курск, а на Белосток, прихода поезда 16-го апреля ждала многочисленная публика. Киев встретил о. Иоанна и приветствовал так, как его встречают и приветствуют везде в России.

Уже в день приезда многочисленная публика наполняла улицу дома, где остановился о. Иоанн. Многие провели на улице ночь в благоговейном ожидании увидеть батюшку.

О. Иоанн прибыл в Киев в 8 часов вечера 16-го апреля, а 17-го апреля уже с трех часов пополудни со всех концов Киева собрались на улице массы народа; весь Киев знал о приезде о. Иоанна. С 4-х часов утра о. Иоанн начал приём труждающихся и обремененных, ищущих утешения. В 8 часов утра 17-го апреля о. Иоанн с великим трудом сквозь густые массы народа достиг генерал-губернаторского дома, где в домовый церкви совершил обедню.

К 10 часам утра население Киева было на ногах; одушевление, которым все были проникнуты, можно назвать беспримерным. Во всех концах города собиралась публика и в благоговейной тишине ожидала его приезда. Никто не знал, где он будет, его везде ждали. Повсюду, где показывался о. Иоанн,

одушевление было необычное и великое, и его нельзя охарактеризовать иными словами, как *мольба*, *молитва*, *благоговение*, жажда видеть его. Таково было всеобщее настроение. Этому настроению поддавались все, даже те, которые пришли, руководясь одним любопытством.

17-го апреля, вслед за окончанием обедни в доме генерал-губернатора, о. Иоанн посетил некоторых лиц и затем проследовал в Андреевскую церковь, видимо горя желанием посетить и узреть собственными глазами священные и исторические местности Киева. Его стремление, его жажда поскорее увидеть этот чудный храм Киева, художественно поставленный на выступе высоких Киевских гор, было необыкновенно велико. Быстро поднялся, почти взбежал о. Иоанн по чугунной лестнице на площадку Андреевской церкви, откуда открывается обширный и весной особенно поразительный вид на Подол, Днепр, Заднепровье и на окрестные горы. Благоговейно, в молчании, о. Иоанн рассматривал ближайшие и отдалённые окрестности и в молитвенном настроении его всепроницающая мысль перенеслась к тому отдаленному времени, когда по христианскому преданию апостол Андрей Первозванный стоял на этом самом месте, предрекая великую историческую судьбу Киеву. Всею силою своего горячего чувства о. Иоанн переживал в своей душе исторические судьбы отечества и христианства, отражая на своем лице всю полноту религиозного и художественного одушевления.

В продолжение немногих минут площадка Андреевской церкви наполнилась массой посетителей, которые со всех сторон устремились к Андреевской церкви, как только стало известно, что здесь находится о. Иоанн. На площадке и в самой церкви о. Иоанна увидели многочисленные пришедшие богомольцы Киева. С этого момента начинается ряд нескончаемых и трогательных оваций, предметом которых сделался о. Иоанн. Единодушие, с которым люди всех званий и состояний приветствовали его и стремились к нему, не поддается описанию. Его душа отражала в себе настроение народной души. Многократно о. Иоанн молился и молитвенно

радовался, отвечая на приветствия. Его радость вытекала из сознания, что люди объединяются, и что религия является могущественной объединяющей силой человечества.

Посетив Михайловский монастырь, о. Иоанн направился к памятнику св. Владимира. Его сопровождали массы народа; тут были и богомольцы, и публика, и учащиеся; все искали видеть его, принять от него благословение. В ответах о. Иоанна на приветствия окружающих сказывалась постоянно та безграничная любовь к людям и та проницательность, которая так свойственна о. Иоанну, и которая отличает его от тысяч и миллионов людей. Давши благословение двум подошедшим к нему взрослым гимназистам и горячо обняв их, он пожелал им *хорошо выдержать экзамены и поступить в студенты*. Подошедшему студенту университета пожелал *трудиться на общую пользу и не переставать трудиться*. Приблизившись к памятнику св. Владимира, о. Иоанн предался воспоминаниям о протекших исторических судьбах России, и с пламенным чувством и благоговением он то подымал взор к монументу Просветителя России, то опускал его долу, где находится место крещения Руси.

Посещение этого первого кладбища христианских мучеников произвело особенное впечатление на о. Иоанна. Здесь впервые для окружающих стали видимы те глубокие черты характера, которые свойственны о. Иоанну и которые составляют источник его необыкновенного влияния на людей. Пробыв почти неотлучно в течение трех дней при о. Иоанне, и имев возможность наблюдать его при различных условиях, можем сказать, что в течение почти целого дня о. Иоанн находится в состоянии величайшего психического возбуждения, которое является то в форме молитвы без слов, то в виде возвышеннейшего поэтического настроения, разрешающегося трогательными экспромтами, то, наконец, в форме мысленного и волевого переживания высших идеалов. Можно сказать, что то возвышенное настроение, которое у обыкновенного человека наступает изредка, посещает людей в исключительные минуты, у о. Иоанна является обычным и не оставляет его почти в течении целого дня. О. Иоанн представляется обыкновенным

человеком лишь в минуты крайнего утомления или во время принятия пищи; во все же остальное время он находится в состоянии поэтического одушевления и живет самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человеку. Внешние впечатления застают его всегда готовым к той удивительной, высокой душевной реакции, которая так поражает наблюдателя и так глубоко и благотворно действует на всех. Основную, видимую черту характера о. Иоанна составляет искренность, кротость и величайшая любовь к человеку; с этими качествами неразлучно связана ласковость в отношениях к людям и обаятельность, превосходящая всякие ожидания. Все это написано на лице о. Иоанна, и всякий, кто даже в первый раз видит этого человека, верит и уповает. Таково впечатление, производимое о. Иоанном на всех людей...

Приближаясь к Аскольдовой Могиле, о. Иоанн умолк, что обозначает у него переход к его обычному благоговейному настроению. Едва экипаж остановился, как о. Иоанн, как бы под влиянием какого-то внутреннего палящего огня, стремительно направился в ворота кладбища. Через две или три минуты его уже окружала многочисленная толпа людей: его всюду узнавали и бежали за ним. Войдя в церковь в сопровождении кладбищенского иеромонаха, о. Иоанн несколько минут пламенно молча молился. Его настроение отразилось на окружающих. И вот, среди царившей общей тишины, к о. Иоанну обратилась старуха крестьянка, и твердо громким голосом сказала: *батюшка, о. Иоанн! благослови меня грешницу, блудницу, воровку; благослови меня в дальний путь дороженьку на тот свет.* О. Иоанн благословил старуху. Вся сцена произвела большое впечатление на окружающих и своей неожиданностью, и той искренностью, с которой старуха, по своему, исполнила нравственный долг гласного признания порочных тайн своей жизни.

Второй день пребывания в Киеве 18-го апреля в воскресенье о. Иоанн начал Божественной службой в Покровском женском монастыре, где имела пребывание Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна. О. Иоанн прибыл в Покровский монастырь к восьми

часам утра, но уже на рассвете, в монастыре и около, стали собираться массы народа, искавшие видеть о. Иоанна. Ко времени его приезда число ждавшей публики доходило до десяти – пятнадцати тысяч. Густые массы народа запрудили буквально весь двор монастыря и смежные улицы. По окончании обедни, о. Иоанн посетил Ея Высочество в Ее собственных покоях и затем посетил монастырскую больницу. Лишь с трудом через густые массы народа, о. Иоанн достиг здания больницы. Поражающая чистота и уютный вид больницы произвели благоприятное впечатление на о. Иоанна. С обычной ласковостью он обошел всех больных, благословлял их и утешал.

Откланявшись Ея Высочеству, о. Иоанн из Покровского монастыря проследовал через Глубочицу, по Вознесенскому спуску, на Старый Город. Вид высоких гор, прорезанных здесь глубокими оврагами, произвел на о. Иоанна большое впечатление, как и вообще вся природа и местность Киева. В этом впечатлении все сливалось: и благоговейное чувство религиозного человека, и наблюдательность мыслителя, углублявшегося в историю геологических переворотов этой местности, и наконец, увлечение красотами природы, которая в Киеве представляет так много эстетических сторон. Эти чувства охватывали его всякий раз, когда взору его представлялись те или другие выдающиеся виды Киева, например: вид с Андреевской церкви на Подол, с Лаврских гор и Аскольдовой Могилы – на Днепр и Заднепровье, и с Подола – на Андреевскую церковь. Созерцая виды природы, о. Иоанн и молится, и восхищается, как любитель, и предается глубоким философским размышлениям о далеком прошедшем мироздании. По свойству своей натуры, он постоянно впадает в истинный поэтический лиризм по поводу всего художественного, будет ли то в природе, в истории или в человеке.

Несмотря на кратковременность пребывания в Киеве и на недостаток времени, о. Иоанн горел желанием посетить строившийся тогда Владимирский Собор. Внутренний вид храма, его живопись и орнаменты произвели необычайно живое и сильное впечатление на отзывчивую, высокоодаренную натуру

о. Иоанна. Лики святых и стенные изображения событий библейской и христианской историй привели о. Иоанна в состояние духовного восхищения. Он переносился мысленным взором к отдаленным временам, к моментам самых событий, и вся его фигура, его лицо и телодвижения озарились тем чудным огнем идеальной жизни, который едва ли доступен изображению и анализу, и который невольно заставляет вас чувствовать, что вы находитесь в обществе великого человека. Всегда живущий мыслью о добре, о людях, об их нравственном усовершенствовании, о. Иоанн предавался размышлениям о том благотворном влиянии, которое будет иметь для Киева и для России Владимирский Собор, этот памятник христианской культурной и художественной жизни России. Возможность видеть Владимирский Собор в законченном виде и молиться в нем представлялась о. Иоанну особенным счастьем, которого он хотел бы достигнуть.

Осмотрев Владимирский Собор, о. Иоанн проехал на Подол в Братский монастырь к Ректору Духовной Академии преосвященному Сильвестру, епископу Каневскому. Массы народа уже наполняли погост монастыря, и о. Иоанн с величайшим трудом проник в квартиру преосвященного. Между о. Иоанном и преосвященным завязался разговор, поводом которому служило одушевление народных масс, стремившихся видеть о. Иоанна. Собеседники заговорили о необходимости и возможности более тесного нравственного объединения людей. В это время в квартиру преосвященного были приглашены студенты духовной Академии. О. Иоанн, всегда умеющий придать теплый характер своему обращению и своей приветливости, быстро поднялся с места и тоном любви, облеченной в формы сотоварищества, с живостью заговорил: *студенты Академии! Христос Воскрес! здравствуйте, друзья мои, здравствуйте, милые однокашники, дети всем нам общей духовной школы...* За речью о. Иоанна последовали со стороны студентов Академии самые горячие, самые непринуждённые проявления радости, признательности, удивления и сыновних чувств в отношении о. Иоанна.

Выход о. Иоанна из покоев преосвященного был сопряжен с едва преодолимыми трудностями в виду общего желания многочисленной публики приблизиться к о. Иоанну, увидеть его, получить благоговение. Среди публики, особенно простой, высказывалось желание обратиться по телеграфу с прошением на Высочайшее Имя, дабы о. Иоанну повелено было оставаться в Киеве целую неделю.

С Подола о. Иоанн отправился в Левашовский пансион. В Левашевском пансионе случилось одно событие, которое произвело особенное влияние на окружающих.

Между лицами, присутствовавшими на молебне, в числе многих оказалась дама, приехавшая нарочно из Харькова с целью увидеть о. Иоанна и получить от него благословение. Обстоятельства ее жизни делали для нее особенно необходимым нравственное утешение, которое так умеет подать о. Иоанн. Дама случайно попала в Левашовский пансион и находилась среди густой толпы. Благословляя всех, о. Иоанн внезапно, как бы по какому-то внутреннему чутью, с особым пылом устремился сквозь густую толпу людей прямо к этой даме, и с горячим участием отнесся к ней, обласкал ее, обнял и отличил особенным вниманием, на которое способно его необыкновенное человеческое сердце. Дама эта, полная радости и счастья, рассказывала всем о случившемся, пораженная пронизательностью о. Иоанна, считая случившееся с нею прямо чудом; так как она еще не имела случая обменяться с о. Иоанном хотя бы одним словом. По ее виду и выражению лица он распознал ее душевное состояние и поспешил к ней на помощь, прежде чем она успела свою просьбу заявить словами.

Преосв. Сильвестр, епископ Каневский.

На третий день своего пребывания в Киеве, около трех часов пополудни о. Иоанн направился в Лавру. Несмотря на утомление, вызванное предшествовавшими посещениями, о. Иоанн находился в особенном нравственном возбуждении; почти весь путь в Лавру он мысленно молился. Экипаж о. Иоанна проследовал мимо Лаврской гостиницы и остановился у входа в галерею, ведущую в Ближние Пещеры. Здесь о. Иоанн был встречен наместником Лавры. О. Иоанн был молчалив и находился в глубоком молитвенном настроении. О. наместник предложил пройти в Ближние Пещеры не через галерею, а через сад. С сада открывался восхитительный вид на горы, на Лаврские храмы и пещеры, на Днепр и Заднепровье. О. Иоанн в величайшем нервном напряжении спросил: *где же, где же пещеры?* Ему указали. Мгновенно все его существо озарилось огнем благоговения. Он остановился и, обратившись в сторону пещер, громко воскликнул: *отцы святые, мира отвергшиеся и Христа возлюбившие, Христос воскрес!* Он обращался к

угодникам Печерским, как к живым людям, и это чувство близости и единения с ними не оставляло о. Иоанна все время, пока он находился в стенах Лавры. Спустившись в Пещеры, о. Иоанн все время громко молился. Молитва его носила характер пламенных импровизаций, в которых выражалось удивление, благоговение и мольба к Печерским угодникам. Они когда-то были обыкновенными людьми, жили и подвизались здесь, на этом самом месте, тут они оставили следы своей жизни, своих трудов, своего благочестия. Они представляют собою образцы тех добродетелей, того нравственного самоусовершенствования, которое составляло и составляет цель и задачу его собственной жизни. Теперь, на 63-м году своей жизни, он впервые присутствует на месте их подвигов, где всюду находятся следы их жизни, их деятельности, их подвигов. Такими словами можно передать настроение о. Иоанна. Он пламенно молился. *О, други Божии, други Божии*, часто повторял он. *Святой Павел, дитя послушания! научи нас послушанию*, молился он у мощей Павла Послушливого. *Святый Иоанн, страсти сожевший! научи нас гореть пламенем любви*, молился он у мощей Иоанна Многострадального. Повсюду молитва его носила характер необычайной простоты и силы. По временам он умолкал, и из груди его вырвались лишь мимолетные тихие вздохи, столь характерные для о. Иоанна и свидетельствующие о глубоком душевном умирении, не требующем слов. Посетив келью и церковь Антония и Феодосия, он был особенно одушевлен. У выхода из Ближних Пещер о. Иоанн обернулся и: *о мудрецы, о философы, мир удивившие!* В Великой церкви, поклонившись мощам Михаила, первого митрополита Киевского, о. Иоанн отступил и громко воскликнул, как к живому человеку: *Первоначальник веры, Святитель Божий, воззри, сколько духовных чад твоих – вся Русь православная!*

Возвышенное настроение не покидало о. Иоанна и во время перехода из Ближних Пещер в Дальние. Шли по галерее, о. Иоанн шел с такою быстротой, что спутники едва поспевали за ним. Он был молчалив и горел огнём внутреннего одушевления. Круто спускались по длинной лестнице,

примыкающей к церкви Дальних Пещер. Вдруг откуда-то с большой высоты послышались молящие вопли тысячи голосов! *Отец Иоанн благослови!* С минуты о. Иоанн искал взором народ... Через железную решётку окна, находившегося на высоте нескольких саженей, откуда прибывался слабый свет – просовывались десятки рук и виднелась масса людей. На огромной высоте, как птицы небесные, люди лепились у окна, ища видеть о. Иоанна и получить его благословение.

В этот день о. Иоанн посетил одну больную образованную женщину, которая очень страдала физически и нравственно. Она была больна раком матки и знала о неизлечимости болезни. Она стремилась видеть о. Иоанна для нравственного успокоения. Он посетил ее, он был прост в своих словах. Он сказал, что не может исцелить ее, так как не обладает ни искусством, ни силой исцеления, но может вместе с нею горячо молиться, и он сделал это.

По этому случаю нам вспоминается небольшой разговор, который мы имели с покойным Ф. М. Достоевским. Говоря о массе своей литературной работы, он добавил: «а вот и еще работа – отвечать на письма. Вот пишет молодая девица из Воронежа, описывая свое душевное состояние, просит ответа, а вот другое письмо, вот третье, иной раз до десяти писем в день... что я им, я их не знаю, но они умоляют дать ответ, надо отвечать. Человек не может жить без человека, прежде с этим обращались к духовным лицам, теперь к нам, литераторам», закончил он.

Очевидно, что необходим такой человек, который брал бы на себя нравственную тяготу, взял бы на себя страдания людей. Таким человеком стал в наши дни о. Иоанн.

Возвращаясь из Лавры. о. Иоанн посетил Женское Духовное Училище. Он явился сюда, озаренный всем, что было испытано в Лавре. Собранные в церкви воспитанницы училища были особенно серьезно настроены, судя по тому, что они сохраняли, не смотря на общее возбуждение, порядок почти столь же полный, как тот, который замечался в Лавре, где при одном напоминании наместника о послушании, как первом долге монаха, братия соблюдала порядок. Дети, несмотря на

видимую сдержанность, чувствовали полным сердцем присутствие в их среде необыкновенного человека. Помолившись у местных икон церкви, о. Иоанн обратился к детям и, окинув их испытующим взглядом, произнес громко, торжественным голосом: *милые дети, цветущие здоровьем и красотой! Христос Воскресе!..* О. Иоанн сказал воспитанницам несколько поучительных слов; изъявление радости и восторга воспитанниц, несмотря на их сдержанность, было глубоко и трогательно. С теми из воспитанниц, которых о. Иоанн лично благословил, он был в высшей степени нежен, прося передать его любовь всем остальным.

В этот день вечером о. Иоанн уехал из Киева в Курск. Публике не был известен день отъезда и, несмотря на то, на вокзале собралась масса народа провожать о. Иоанна. Публика соблюдала образцовый порядок. Когда о. Иоанн появился у выхода, все обнажили головы, прося благословения. Настроение публики, провожавшей о. Иоанна, можно охарактеризовать словом: *благоговение*. По обе стороны поезда стояли густые массы публики, треть которой составляли воспитанники учебных заведений и преимущественно студенты Академии и Университета. О. Иоанн, по просьбе публики, переходил то к одному, то к другому окну, благословляя провожающих. В проводах ничего не было шумного, все было тихо, но во всем было столько сердца, столько задушевности, столько простоты и величия, что несомненно – Киев пережил глубокие душевные минуты.

Но что же это за человек, который способен вызвать такие необыкновенные и единодушные проявления у множества людей? Что ищут люди, чего домогаются, когда, собираясь массами, благоговейно стоят, как в церкви, по целым часам, часто по целым ночам в ожидании увидеть его, услышать его голос, получить благословение?

Не толпа ищет о. Иоанна, но люди всякого звания, всякого образования и всех возрастов. Вы увидите здесь и образованного человека, и чернорабочего, профессора и студента; вы увидите взрослых и детей, господ и их прислугу; увидите скромных тружениц и падших женщин; увидите

больных, истеричных испорченных и преступных людей. Вы встретите здесь различные религии, различные национальности. Всех приводит к о. Иоанну одно и то же чувство и несомненно – хорошее чувство. Оно заставляет людей, приехавших в каретах, выйти из экипажа и стать рядом с обыкновенным серым человеком; оно объединяет господ и их прислугу; оно побуждает истерических и капризных женщин оставить свои капризы и притворство; оно поднимают падшую женщину из грязи и делает ее человеком. Это Божья искра, это стремление к идеалу! Вот что влечет людей к о. Иоанну. В его присутствии у самого дурного, самого одичалого человека пробуждается совесть, а у всех неиспорченных людей освежаются и оживляются лучшие, идеальные стороны их характера. О Иоанн, столь чуткий и отзывчивый ко всем лучшим проявлениям человеческой природы, приходит в умиление от возвышенного настроения народных масс, обнаруживаемого в его присутствии. *О, милые киевляне и киевлянки, о добрые киевляне!* говорил он при виде высоких чувств у тысяч людей. *И здесь то же, что по целой России, тот же дух, то же благочестие,* говорил он. Часто он бывал глубоко тронут проявлениями сердечности и благоговения. *Добрый русский народ, его любовь так и брызжет... есть ли в свете народ искреннее и добрее русского народа?* – говорил он. Приведенные отзывы, высказанные таким тончайшим диагностом душевных движений, каким является о. Иоанн, имеют особое значение. Впрочем, и для обыкновенного человека вполне ясно, что массы, группирующиеся вокруг о. Иоанна, одушевлены лучшими, возвышенными стремлениями.

Поездка в Харьков, хотя и описана менее глубоким наблюдателем, однако очень интересна.

Поездка до Москвы, рассказывает Затонский, представляла обычную картину встреч, но не то стало твориться на ближайших к Харькову станциях, которые битком были набиты народом еще задолго до прихода поезда. Отец Иоанн выслушивал массу просьб, причем многие умоляли о посещении, чего, при всем желании, почтенный пастырь исполнить не мог, так как были взяты билеты прямого сообщения.

Между прочим, отец Иоанн был приглашен к одному из харьковских помещиков, П. Рыжову крестить ожидаемого младенца. Г. Рыжов встретил отца Иоанна еще в Курске и услышал от него замечательное известие. В минувшую ночь почтенный пастырь видел сон, будто у Рыжова родился сын, был крещен и назван Борисом. Сон этот впоследствии сбылся.

В Харькове на вокзале до того было многолюдно, что железнодорожная администрация вынуждена была, в виду охранения отца Иоанна от давки, отцепить его вагон и, переведя на запасный путь, прицепить к поезду, отходящему в Полтаву. На ближайшей от Харькова станции «Рыжово» вагон был отцеплен, и отец Иоанн, сопровождаемый несметной толпой народа, отправился в имение «Рыжовка», где для него был приготовлен в саду домик-особняк на все время его пребывания в Харькове.

В первые дни отцу Иоанну жилось в «Рыжовке» относительно тихо и спокойно, но что началось через два-три дня, описать невозможно. Надобно было самому быть свидетелем пребывания отца Иоанна в «Рыжовке», чтобы составить себе полное понятие о том, что там в эти дни творилось. Первым результатом его пребывания было то, что цветы и клумбы в саду имения были потоптаны и стерты с лица земли, красноречиво указывая на громадное стечение публики.

И вот, вместо отдыха, для отца Иоанна начались те же трудовые дни, какие он проводит, как мы видели, в Кронштадте и Петербурге... За время пребывания отца Иоанна в имении «Рыжовка» перебивало народу примерно до 100 тысяч человек. Бывали дни, когда под благословение его подходило по 7–8 тысяч человек в день. После первых двух дней, как мы говорили выше, «Рыжовка» очутилась буквально в осадном положении. Тысячи народа располагались лагерем около имения. Тут и чай пили, и закусывали, и спали; некоторые ожидали очереди по несколько суток. «Рыжовка» находится в 10 верстах от Харькова. Каждый поезд привозил туда не менее 500 человек, так что, как мы слышали от администрации дороги, на каждый поезд выдавалось билетов столько, сколько в другое время не продается и за два месяца. Благодаря необыкновенному скоплению пассажиров, к поезду прицеплялось по 10–12 добавочных вагонов. Для поддержания порядка был откомандирован усиленный наряд полиции. И такой переполох произошел вследствие приезда обыкновенного, даже не столичного священника...

Еще задолго до приезда отца Иоанна весь город говорил о нем. «Он спас мою жену», можно было услышать от одного. Она уже умерла, все доктора отказались лечить ее. Я послал ему телеграмму. «Молитесь, буду и я молиться», отвечал он. И вдруг в ее болезни произошел неожиданный перелом, поразивший врачей, и она теперь совершенно здорова. «Он спас моего сына», говорил другой.

Таких рассказов сотни ходило по городу. И вот, когда отец Иоанн приехал, он буквально был осажден просьбами посетить тот или другой дом, где в то время находились больные. Много трогательных сцен, по словам «Южного Края», можно было встретить в каждом из домов, посещавшихся почтенным пастырем. Едва успеет он куда-либо приехать, на улице сейчас вырастает толпа. Многие просят у хозяев позволения войти, и если такое позволение получается, – комнаты быстро наполняются народом. Входит отец Иоанн. Присутствующие окружают его, теснятся, целуют его руки, благоговейно подходят под благословение. Родители с трогательным доверием

протягивают к нему своих маленьких детей; многие приводят больных и увечных, чтобы он возложил на них руки. И сколько умиления, сколько ожидания чего-то необычного сквозит во всех этих устремленных на него взорах!

Вот молодая девушка из интеллигентных. С каким нетерпением она ждала отца Иоанна, но, теснимая толпою, она очутилась позади всех и со слезами смотрит на доброго пастыря. Но вот о. Иоанн замечает ее и подходит к ней. В слезах опускается она на колени перед кротким служителем алтаря и прижимает к губам край его одежды. Отец Иоанн поднимает ее, благословляет, целует в лоб, и она удаляется счастливая, умиленная, радостная.

– Батюшка! – раздается возле отца Иоанна возглас какой-то женщины с ребенком на руках: благословите! – Больной.

Отец Иоанн гладит по головке бледное, исхудалое дитя, потом наливает из своего стакана на блюдечко чай.

– На, на, говорит он, поднося блюдце ко рту ребенка: – выпей-ка, выпей!

И ребенок послушно пьет чай из рук незнакомого ему человека.

– Ничего, – благословляя, говорит отец Иоанн, – даст Бог, будет здоров.

В таких приблизительно выражениях корреспондент «Южного Края» описывает пребывание досточтимого пастыря в чьем-либо доме.

«Если бы о. Иоанн решился удовлетворить всех тех харьковских жителей, добавляет он, которые хотели принять его у себя и помолиться с ним в своем доме, пришлось бы прожить ему у нас не полторы-две недели, а несколько месяцев».

15-го июля, по настоянию харьковского архиепископа Амвросия, отец Иоанн служил литургию в городском соборе в первый и единственный раз, вследствие больших затруднений от чрезмерного скопления публики. Совершал он литургию в сослужении всего городского духовенства, и «это была беда, а не служба», как выражается один из очевидцев. Толпа напирала и едва не врывалась, подталкиваемая задними рядами в алтарь. Певчие пели в алтаре, в алтаре же перед царскими

вратами делались все выходы. Железные решетки в соборе оказались поломанными натиском толпы. С трудом отец Иоанн выбрался из собора в одном подряснике и без шляпы.

Стечение народа вокруг собора было необычайное. Вся площадь и прилегающие к ней улицы сплошь переполнены были народом. Никакие полицейские меры не могли водворить порядка. При таких условиях понятно почему, при всем своем желании, отец Иоанн не мог принять приглашений от некоторых настоятелей церквей и старост совершить богослужение в котором-нибудь из городских храмов.

По окончании божественной литургии отец Иоанн посетил редакцию «Южного Края» и оттуда с балкона благословил собравшийся на Николаевской площади народ. Вследствие упомянутой невозможности совершать молебствия в церквях, отец Иоанн, не желая обидеть харьковцев, решился, по предложению преосвященного Амвросия, отслужить 20 июля молебен на соборной площади.

Небывалое зрелище представляла собою в этот день соборная площадь, а также соседние улицы и переулки. Народ теснился так, что, по общепринятому выражению, яблоку некуда было упасть. Все крыши домов усеяны были желающими увидеть всеми обожаемого кронштадтского пастыря. Картина вышла поразительная, напоминающая далекие времена первых веков христианства, когда молитвы нередко совершались под открытым небом. В этот день, по уверению очевидцев, на молебствии присутствовало более 60 тысяч человек. Энтузиазм народа возрос до последней степени, так что, после провозглашения многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, толпа не выдержала и крикнула «ура». Корреспондент «Южного Края» так описывает на другой день скопление народа 20 июля:

«Без преувеличения можно сказать, что стечение народа вчера было такое же, какое обыкновенно бывает во время церемонии перенесения чудотворного образа Озеренской Божией Матери, с тою только разницею, что в церемонии этой участвуют масса пришлых богомольцев, вчера же молящиеся принадлежали почти исключительно к местному населению».

III

Еще более плодоносным и грандиозным было путешествие по Волге в 1894 г. Крайними пунктами этого путешествия были: в верховьях царственной реки г. Углич, а в низовьях – г. Царицын. Таким образом было совершено путешествие почти по всему протяжению Волги.

Не будет преувеличением сказать, что это путешествие о. Иоанна было злобою дня на всем Поволжье и во все время, пока оно продолжалось. Все Поволжье подвиглось одним насущным интересом, ради которого обычная заурядная жизнь отошла на задний план. Много толков во всех слоях населения вызвало это крупное, небывалое событие и оставило после себя всюду глубокий след.

Мы считаем, конечно, излишним перепечатывать подробно описание путешествия. Возьмем только, отчасти из хранилища нашей собственной памяти, отчасти у других несколько картинок этого путешествия.

29 июня о. Иоанн прибыл в Саратов. В день прибытия в Саратов народ с утра уже двинулся к пароходным пристаням и толпился около архиерейского дома. В 5 часов вечера раздался привальный свисток «Отважного». Лишь только пароход подошел к пристани, о. Иоанн, стоя у борта верхней палубы, приветствовал г. губернатора князя Б. Б. Мещерского и всех встречавших: «Здравствуйте, ваше сиятельство! С праздником вас! Я к вам в гости приехал! Здравствуйте, православные! Здравствуйте сестры-монахини!» – «Милости просим» – отвечал на эти приветствия г. начальник губернии, а несколько человек из публики стали махать шляпами и платками. Когда поданы были сходни, на пароход вошли именитые лица города и, поднявшись на рубку, подходили под благословение к о. Иоанну, который целовал встречавших представителей города, и, на приглашение их посетить Саратов, тотчас же отвечал своим полным согласием.

«Толпа зашевелилась, задрожала; более благоразумные люди отошли к стенкам и перилам. Еще минута, две спокойных,

и трудно описать, что произошло. Какой-то стихийный поток, неистовые крики полицейских: «дайте дорогу, пустите!» – смешивающиеся с плачем и истеричными возгласами: «батюшка, благослови», вопли женщин и детей, которых чуть не задавили...

«Чистую» публику, стихийно бросившуюся за ними, тесня и давя друг друга, еле удалось остановить. Внизу, на берегу надежная цепь полицейских предохранила о. Иоанна и его свиту от давки. Он был быстро посажен в карету, которая, с несколькими верховыми впереди, умчалась по направлению к архиерейскому дому».

О степени энтузиазма, с каким встречал народ о. Иоанна, можно судить например, по тому, что одна женщина, не дождавшись ещё совершенной остановки парохода, с берега прямо в одежде бросилась в воду, чтобы обратить на себя внимание и увидеть батюшку.

После радушного и сердечного приёма у преосвященнейшего Николая, епископа Саратовского и Царицынского, о. Иоанн вместе с владыкой выходил на балкон к народу, стоявшему густой толпой во дворе архиерейского дома и томимому ожиданием получить его благословение, а затем отправился в домовую крестовую церковь, где при огромном числе молящихся была совершена вечерня.

Некоторые из народа провели всю ночь во дворе архиерейского дома, потому что о. Иоанн остался ночевать в покоях его преосвященства. Следующий день пребывания о. Иоанна в Саратове «Саратовский Лист» описывает так:

«30 июня, в 6.30 часов раздался благовест к утрени в кафедральном соборе. Вскоре со двора архиерейского дома выехала карета с преосвященным Николаем и о. Иоанном. Народ окружил карету такой толпой, что лошади могли идти только шагом.

Около собора стояла такая плотная масса, что не было никакой возможности пробраться с переднего входа, и преосвященному Николаю вместе с о. Иоанном с трудом удалось пройти в нижнее помещение собора, откуда они внутренним ходом поднялись наверх. В церковь стали пускать

народ только тогда, когда уже началась заутреня. Толпа двигалась все ближе к алтарю, желая увидеть о. Иоанна. Многие влезали даже на перила около клиросов. Снаружи вся площадь была заполнена народом. Нижняя часть колокольни, крыши над боковыми входными дверями, ограда бульвара – все было покрыто людьми.

«Литургию совершал о. Иоанн; после нее начался молебен. Последний, вероятно, предполагали служить на площади, но когда вынесли иконы на паперть, то увидели, что собор окружала такая масса, что нести иконы далее было нельзя. Пришлось молебен служить у входа. Народ стеною двинулся к паперти. Послышались крики... По окончании молебна о. Иоанн благословил всех крестом, и процессия снова двинулась в храм. По окончании обедни, карета с о. Иоанном с трудом проследовала через массы народа, несмотря на то, что впереди ехало 6 конных стражников. Народ снова собрался около архиерейского дома, на балкон которого вышли скоро преосвященный с о. Иоанном; последний благословил народ и благодарил за оказываемый ему приём.

После окончания литургии и молебна, о. Иоанн отбыл в квартиру г. начальника губернии, а затем, по просьбе городского головы, заехал в помещение управы и думы, куда приглашены были гласные с семьями. Кроме гласных сюда прибыла масса народа, так что залы думы были наполнены вплотную. По Московской и Полицейской улицам приостановилось движение. При входе в помещение думы о. Иоанн громким голосом приветствовал гласных: «Мир вам, почтенные гласные! Здравствуйте, добрые люди!» Сюда же прибыл и преосвященный Николай, сейчас же отслужен был молебен при пении певчих Александровского училища. После молебна с водосвятием все присутствующие подходили ко кресту и о. Иоанн благословлял всех, а преосвященный кропил св. водою. Затем о. Иоанн и владыка вышли на балкон и первый окропил всю толпу, стоявшую внизу. Толпа крестилась и просила благословения; многие кричали: «спасибо, родной! живи многие лета!...»

Певчие запели «Многая лета» и под их пение о. Иоанн отбыл в дом г. Деханова, затем к городскому голове и в «Дом Трудолюбия». Везде, конечно, посещение о. Иоанна являлось выдающимся событием, везде массы народа встречали и провожали дорогого гостя. Проводы в Саратове по степени энтузиазма провожавших, по своей грандиозности и при всем этом по замечательному порядку выделяются из ряда других подобных случаев, какие нам приходилось видеть до сих пор.

К назначенному для отъезда о. Иоанна времени к «Самолетской» пристани собраны были в помощь полиции войска, которые образовали по ту и другую сторону проезда на набережной цепь. Вместе с о. Иоанном на пристань прибыли сам преосвященный епископ Николай, г. начальник губернии и прочие власти. Владыка и г. начальник губернии вошли на пароход, и здесь сердечно простились с о. Иоанном, который очень благодарил их за радушный приём. На пристани все стояли с непокрытыми головами, а когда, в 3 часа дня, пароход тронулся, духовенство во главе с архипастырем трижды пропело многолетие в честь отъезжавшего гостя. Впечатление от этих торжественных проводов получилось самое трогательное. Плакали не только прощавшиеся с батюшкой, но и сопровождавшие его не могли удерживать слез.

IV

В воскресенье, 3-го июля, утром, пароход «Отважный» остановился у пристани села Алексеевки, Хвалынского уезда, Саратовской губернии.

Весть о приезде о. Иоанна Кронштадтского быстро пронеслась по селу, наполняя неподдельною радостью сердца обитателей его. Многие плакали и со слезами на глазах громко зывали: «Господи, откуда это нам, за что Ты посылаешь нам грешным такую благодать?» Всюду заговорили про великого гостя, многие пришли к своему батюшке посоветоваться, как бы лучше встретить его. Действительно, было над чем подумать. Церковь по случаю ремонта ее внутри вся была загромождена подмостками в несколько ярусов. Общим мнением было положено подмости разобрать и все привести в должный порядок. Нисколько не мешкая, было приступлено к работе. Все до того усердно работали, что к 10 часам, сверх ожидания, все было убрано и храм как бы обновился, все в нем приняло вид благоприличия и благопристойности..

На следующий день, рано утром, в 4-м часу еще, народ стал собираться к храму и здесь располагался в две линии по тому направлению, откуда должен был проехать о. Иоанн. В массе сошедшегося народа заметно было немало раскольников, пришедших посмотреть того, про кого слышали много, по их мнению, невероятного. Священник с представителями общества с. Алексеевки отправился на пароходную пристань, отстоящую от села почти в двух верстах. В 6-м часу приехал с пароходной пристани нарочный и велел звонить к утрени, сказав, что о. Иоанн Кронштадтский приехал. Когда раздался первый благовест большого колокола, то невольно дрогнули сердца всех присутствующих и, набожно крестясь, все с сияющей на лицах радостью говорили: «Слава Богу, приехал о. Иоанн Кронштадтский». Пошло движение в народе: каждый, толкая и тесня другого, старался занять место повиднее и повыгоднее; каждому хотелось стать поближе к дороге, чтобы лучше рассмотреть о. Иоанна. Но вот по дороге

показался передовой (верховой жандарм), а за ним и тройка... Заколыхалась масса народа, как бы гул прошел по ней с одного края до другого, и пронеслось: «едет, едет»!! Затем наступила мёртвая тишина... Все как бы замерли, опасаясь, как бы не проглядеть дорогого гостя. Стоявшие впереди, встретив о. Иоанна, не хотели оставаться на месте, но устремились за ним. Чем ближе приближался о. Иоанн к церкви, тем более росла толпа сзади него. Никому не хотелось отстать; почтенные старички и старушки позабыли про свою дряхлую старость и тут же в толпе среди своих сынов и внуков бежали, не отставая от них.

Когда поезд остановился, густой толпой окружили крестьяне о. Иоанна и, не сводя с него глаз, с умоляющим видом просили у него благословения. Весело и бодро вышел он из экипажа и благословлял всех подходивших, с сияющим и радостным лицом вошел в храм и, помолившись здесь, ласково приветствовал словами: «Мир всем, дорогие мои братья и сестры!»

Благовест заменился трезвоном во вся. Когда народ, собравшись в церковь, успокоился, началось всенощное, которое совершал иеромонах, сопровождающий о. Иоанна. Пели певчие из прихожан. В начале богослужения отец Иоанн находился в алтаре, когда же запели стихиры на «Господи воззвах», он в епитрахили ярко красного цвета вышел на клирос и вместе с певчими пел. Невыразимо сильное впечатление на молящихся о. Иоанн произвел чтением пред царскими вратами канонов св. Троице и рядовых воскресных. Это было не простое чтение, а живое восторженное прославление Бога, соединенное с плачем о греховности человеческой природы. Во время чтения душа внимательного христианина приходила то в восторг и умиление, то падала под гнетом сознания своей греховности, то снова возбуждалась и восторгалась, то опять поверглась в слезный плач о своих грехах... И такое возбужденное состояние молящихся продолжалось во все богослужение. Вслед за утреней началась литургия, которая была отслужена соборно о. Иоанном в сослужении местного священника А. Феофорова,

иеромонаха Геннадия и диакона В. Казанского, приехавшего из соседнего села Апалихи.

Священный восторг и умиление при совершении литургии незаметно от о. Иоанна переходили и на молящихся, так что все они, горе имея сердца, едиными устами и единым сердцем со дерзновением славили Бога. После литургии о. Иоанн с крестом в руках вышел к народу и, подпуская ко кресту, сказал присутствовавшим краткое, но сильное и убедительное наставление.

«С праздником светлого Христова Воскресения поздравляю вас, братия и сестры, так начал свою речь о. Иоанн. Светлая радость заметно играет на ваших лицах. Я желаю и молю Бога, чтобы радость ваша была чиста и свята. Я радуюсь, что вы радуетесь. Радуюсь и вместе скорблю... Скорблю о нашей братии отпадшей, о так называемых старообрядцах, которых в вашем селе, как я слышал, очень много. К ним мое слово, слово истины и любви»... В дальнейшем наставлении о. Иоанн выяснил, что вне Церкви православной нет спасения, что отчуждение от нее не останется безнаказанным, что противление ее пастырям неминуемо влечет за собою вечную гибель, подобно тому, как в Ветхом завете погибли противники Моисея, Божия посланника. В заключение о. Иоанн обратился к глаголемым старообрядцам со слезным воззванием, чтобы они оставили свое пагубное упорство, не ходили бы, как овцы без пастыря, но смело и безбоязненно следовали голосу законных церковных пастырей, которые приведут их в жизнь вечную.

После этого, передав крест иеромонаху, о. Иоанн вошел в алтарь и здесь, стоя на коленях пред престолом, положив на него руки, долго молча молился. Когда, окончив эту молитву, он вышел из алтаря, ему был представлен местный волостной старшина, руководитель старообрядцев беспоповцев, человек развитой и рассудительный. Батюшка спросил его, почему он пребывает в расколе? Разве потому, что родители благословили на это? На утвердительный ответ старшины о. Иоанн сказал, что в настоящем случае и родительским внушениям нельзя следовать, причем напомнил своему собеседнику, что Спаситель, заповедавший самоотверженную любовь ко всем

людям, не только к родителям, а даже ко врагам, в то же время говорит: *аще кто грядет ко Мне и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестер, еще же и душу свою, не может Мой быть ученик (Лк.14:26)*. На это старшина заметил, что все-таки трудно отстать от того, к чему человек привык с малых лет. «Конечно, нелегко, сказал на это о. Иоанн, потому что всякая привычка, как пьянство, табакокурение и проч. делается для человека второю природою, но при усилиях и при содействии Божиим возможно и необходимо преодолеть всякую душевредную привычку». С отеческою нежностью именем Божиим убеждал о. Иоанн своего собеседника, как родного сына, одуматься, оставить свое губительное заблуждение и перейти в спасительное лоно православной Церкви. Видимо тронутый искренностью и сердечностью этой речи, собеседник тут же выразил свое согласие последовать советам о. Иоанна, сказав: «я очень рад, что вижу вас, батюшка», и по обычаю православных принял от него благословение и просил его молитв.

Вдохновенные слова высокочтимого пастыря, очевидная их плодотворная действенность и вообще необычайность случая не могли не произвести на присутствовавших самого сильного впечатления. Так как в числе слушателей находились раскольники разных толков, то, конечно, нельзя было вдаваться в разбор каких-либо отличительных частных особенностей того или другого толка, чтобы речь была для всех одинаково убедительна. То же, что было предметом краткого собеседования о. Иоанна, т. е. пребывания в расколе по примеру и благословию родительскому, есть довод, разделяемый и обыкновенно приводящей в свою пользу почти всеми раскольниками. Показать ясно и без многословия всю неосновательность этого довода, значит пошатнуть один из коренных устоев раскола. Быстрое же и очевидное признание правоты убеждений о. Иоанна со стороны лица, пользующегося по своему служебному положению и по своим личным достоинствам особым авторитетом и уважением в глазах раскольников, несомненно еще более усилило впечатление от слов высокочтимого пастыря.

Благословляя по пути всех подходивших, о. Иоанн из храма направился в дом местного священника, которому вручил 100 р. для передачи одной бедной многосемейной женщине, а отсюда, в сопровождении причта отбыл на пароходную пристань. Здесь уже многие ожидали его прибытия и на берегу, и на пароходной конторке, украшенной зеленью. Благословляя провожавших, о. Иоанн раздавал и крестики. В 1-м часу дня пароход отплыл, унося с собой о. Иоанна, стоявшего на верхней палубе. Оставшиеся на конторке, сообщает местный корреспондент, смотрели вслед за удаляющимся пароходом дотоле, пока он не скрылся на повороте. Мирно стал расходиться собравшийся народ, говоря: «Вот милость-то Божия! Кого Бог привел видеть-то!»

V

В Казань о. Иоанн приехал 6 июля. Еще накануне ожидаемого приезда «с 8 часов вечера Самолетская пристань на Волге начала переполняться громадной массой народа, которая росла все более и более. Весь путь от Казани до Устья всю ночь до утра был усеян пешеходами, экипажами; вагоны конно-железной дороги, отходя один вслед за другим, не могли вмещать желающих ехать. К рассвету не только Самолетская пристань, но и весь Приволжский берег был сплошь усеян народом, не спавшим всю ночь и с лихорадочным нетерпением направлявшим постоянно свой взор на низовую часть Волги»¹⁰.

«Отважный» причалил к пристани Казани, изображавшей собою одну лишь сплошную массу голов, колыхавшуюся волнами. Только что о. Иоанн сошел на пристань, как буквально был сбит с ног и стиснут громадной толпой. Стоявшие впереди, взявшись за руки, образовали две сплошные цепи со свободным проходом. По мере приближения о. Иоанна к приготовленным экипажам напор толпы однако становился все сильнее, так что уже не было возможности сдержать ее. Сдавленный со всех сторон о. Иоанн медленно двигался вперед, не отказывая однако никому в благословении. Между прочим, он с особенным радостным чувством благословил и расцеловал одного ребенка, родители которого, поднося его к о. Иоанну, заявили ему, что этот ребенок спасен от явной смерти заочными молитвами уважаемого пастыря». С необыкновенными усилиями о. Иоанн был извлечен, наконец, из тысячной толпы и буквально «внесен» в коляску, куда рядом с ним сел городской голова. Лишь только коляска, конвоируемая верховыми полицейскими стражниками, тронулась, за нею кинулась толпа в несколько сот человек. Некоторые, с явным риском бросались к подножке экипажа, схватывали и целовали руку о. Иоанна, прикасались к его одежде и затем подносили прикоснувшуюся руку к своим губам. Многие становились на колена, творя крестное знамение.

Иные бросали в коляску конверты. По всему пути от пристани до города и по всем улицам, по которым следовал экипаж о. Иоанна, народ низкими поклонами приветствовал дорогого гостя. Так как архиепископ Казанский, высокопреосвященнейший Владимир, находился в это время в загородном архиерейском доме, в 5 верстах от города, то о. Иоанн прежде всего и поехал туда, чтобы испросить благословение владыки на церковное служение в Казани. Архипастырь любезно принял о. Иоанна, благословил его служить в Благовещенском кафедральном соборе и после кратковременной беседы также любезно простился с ним, проводив его до экипажа. На обратном пути в собор о. Иоанн заезжал в женский монастырь и здесь прикладывался к чудотворной Казанской иконе Божией матери при пении сестрами обители тропаря. Пред иконой была им поставлена свеча, а нищим, стоявшим на паперти, он давал по 1 р. Быстро храм наполнился народом; собрались и все сестры обители с настоятельницею-игуменьей, которая поднесла о. Иоанну изящно исполненную копию с Казанской иконы Божией Матери.

На всех перекрестках улиц, по которым следовал экипаж о. Иоанна, стояли целые толпы. Тут оказалось такое стечение народа, что экипаж не мог подъехать, и стоило чрезвычайных усилий вырвать и вынести о. Иоанна, поднятого и увлекаемого толпой, которая бросилась вслед за умчавшимся экипажем. После молебна у г-жи Х. о. Иоанн обедал у одного из самых уважаемых граждан Казани Чернойрова. На этом обеде о. Иоанн между прочим сказал, по приблизительной передаче указанной нами брошюры, следующее: «В каждом человеке Богом насаждено религиозное чувство, которое по свойству своему должно выражаться во внешней форме, должно изливаться так или иначе наружу, – это неудержимое свойство каждого человека. Благодаря Господу, он (о. Иоанн) наделён божественным милосердием, выражающимся в особенности вызывать в народе это религиозное чувство, чем он бесконечно счастлив и за что он беспрестанно благодарит Бога». Во все время обеда, который продолжался более часа, не переставали подходить к батюшке для благословения и подводить к нему

больных и детей. О. Иоанн всем преподавал соответствующее успокоение и всех благословлял. Во время обеда же было получено приглашение от преосвященного Анастасия. Поэтому, когда окончился обед, о. Иоанн, распростившись с гостеприимными хозяевами, немедленно отправился опять с городским головой в Спасский монастырь, где имеет местопребывание викарный преосвященный. Внимательно и любезно принятый владыкой, о. Иоанн беседовал с ним наедине около четверти часа. Конечно, и к архиерейскому помещению тотчас же нахлынула толпа народа. Отсюда о. Иоанн решил возвратиться на пароход. В почтовую коляску, запряженную четвериком и окруженную полицейским конвоем, сели рядом с о. Иоанном городской голова, спереди иеромонах и псаломщик, а на подножке с обнаженной головой, стоя, до самого Устья ехал г. полицеймейстер. Вся дорога до Устья и все Устье сплошь были покрыты народом. По спуску пристани, у которой стоял «Отважный», были шпалерами расположены солдаты. Впрочем, несмотря на это, некоторые из публики успели подойти под благословение еще на берегу, а иные проникли даже на пароход. Замечательно, что один татарин был очень доволен, что ему удалось получить благословение о. Иоанна. На пароходе находились городские власти и некоторые представители от духовенства с о. ректором духовной семинарии. «О. Иоанн, несмотря на утомление, остался чрезвычайно доволен своим посещением Казани, горячо благодарил городского голову, благословил его образом, призывая благодать Божию на дальнейшее управление его «просвещённым, столь значительным и благочестивым городом», коему пожелал «истинного счастья и божественного покрова».

После обычного третьего свистка «Отважный», приблизительно часу в 6-м, тронулся вверх по Волге, сопровождаемый казенным пароходом «Свияга» с городским головой и несколькими пассажирами. Тысячи людей, сплошь усеявших берег Устья, пароходные пристани, разные судна и лодки, с обнаженными головами и низкими поклонами, молча, провожали отходящий пароход, на верхней палубе которого,

творя молитву, стоял дорогой путешественник. «Пристань, усеянная народом, уже почти исчезала из вида, а о. Иоанн, ярко озаренный красными лучами заходящего за высокие волжские горы солнца, стоял вдохновенный на палубе, высоко подняв левую руку со своей соломенной шляпой, а правой совершая крестное знамение»...

VI

1894 года, кажется 4 июля, о. Иоанн был в моем родном городе. Слух о том, что о. Иоанн приедет к ночи в Симбирск, распространился в городе, около 4 – 5 часов вечера. Почти тотчас началось паломничество: шли поодиночке, кучками, целыми толпами. К 6 часам подгорье было загружено народом. Часов в 7 получили известие, что о. Иоанн приедет часам к 12, но народ не расходился, а прибывал. В 12 часов показался «Отважный» вместе с Симбирским пароходом «Энергичный», на котором Симбирская знать встречала о. Иоанна. Народ встретил пароход с огромным энтузиазмом. Подгорье напоминало... пасхальную ночь: загорелись костры, народ возбужденный и радостный готов был целоваться с первым встречным. Когда пароход пристал к пристани, толпа странно смолкла: ждали; можно было слышать биение собственного сердца..

Тихо.. тихо. О. Иоанн не захотел выйти с парохода и, приветствовав собравшихся, заявил, что будет служить обедню завтра, благословил народ и ушел в свои каюты. Народ стал расходиться по домам, но многие остались ночевать...

Что эта была за ночь! Мне она памятна и доселе. Народ расположился на ночлег на берегу. Число костров увеличилось. Многие улеглись спать, но многие решились бодрствовать всю ночь. Им казалось, что в канун такого светлого дня нельзя спать. И оригинально-свято было это «всенощное бдение». Кто-то тихонько запел «Святой Боже»... Около певца собрались добровольцы, целый хор. Пели тихо, тихо, точно боясь разогнать очарование молчаливой ночи. После «Трисвятого» запели «Достойно», и начали какие-то тягучие мелодические канты. Одна группа расположилась так, чтобы видеть отъехавший от пристани пароход и без слов смотрела, – если можно так сказать, молитвенно на светлую точку в каюте батюшки.

Огонек погас, но группа смотрела... Темно, но все еще чудилось, что оттуда светит, не верилось, что там, где о. Иоанн, может быть темно. Было около 3-х часов, когда я, утомившийся

за день, забылся. И перед сном все время доносилось до меня тихое пение.

В 6 часов толпа была уже на ногах. О. Иоанн вышел из своей каюты и стал спускаться по мостику. Народ двинулся туда. Плакали, хватались за его рясу. Какая-то мать поднесла ребенка, лет двух. О. Иоанн быстро схватил его на руки, благословил, поцеловал и отдал назад. Меня охватило движение толпы. Я вместе с ней бросился туда же, хотя, как я уже говорил публично, в это время я стоял дальше чем на распутьях веры и неверия: вера была глубоко подорвана, почти вытравлена систематическим чтением в направлении отрицательном.

И вот я увидел его, окружённого народом. Глаза людей смотрели на него, и в них были видны радость, восторг и умиление. Слезы лились у многих. Что это было? Будто нашли они что-то знакомое, родное, но до сих пор затаенное на дне души каждого; не в себе нашли, в другом, но это все равно. Почувствовали они, что может быть человек прекрасен, и есть такой человек, и вот он стоит перед ними. И все, что было в каждом прекрасного, все это поднялось у них, и они облили свой идеал слезами восторга и радости.

О. Иоанн стал говорить. «Утверждают, будто не повторяются в церкви нашей теперь евангельские сцены. Нет, это несомненно была евангельская сцена. Он говорит искренно в просто о том, что рад видеть нас, что желает нам всего лучшего и счастлив, видя, что мы веруем в Бога и Христа Его. Народ замер. Глаза блеснули от слез добрых, блаженных, счастливых. Если бы напряженность веры и святой радости взвесились на весах Божией правды, я думаю – этот момент был бы показателем великой веры нашего города. Если бы в ту минуту о. Иоанн сказал этим людям, чтобы они оставили все и пошли за ним, я убеждён, многие бы пошли за ним. Таких слов не было сказано, но ясно, что прикоснувшись краем, только краем к святому и правдивому, эти люди стали оживать. И вот тогда-то и я ожил. Этот взгляд, эта речь, этот народ слушающий были для меня главным доводом в пользу Бога и христианства, в пользу жизни вообще и жизни в церкви. «Пришел служитель

Христов, обвеянный правдой Божией, и в людях заговорил прекрасный и благой дух Христов и неведующим открылся Бог».

Случайно или нет, сказать не смею, меня коснулись руки о. Иоанна, и я услышал его голос: «бедный». А не ручаюсь даже, ко мне ли относились эти слова, да это и не было важно. Прикосновение о. Иоанна говорило то же. В нем были и жалость, и успокоение.

Толпа оттиснула меня в сторону. В тумане я не видел, что было дальше. А когда я очнулся; о. Иоанна уже не было... Не было «тумана», сияло яркое солнце.

Да «души святые среди шумного мира, как чудные келии, озарены любовью, полны мольбой, тайной и святостью, и светят нам». (Апокриф).

Весть о том, что о. Иоанн будет служить в кафедральном соборе, быстро облетела город. С раннего утра, 5-го июля, народ массами начал собираться на соборную площадь. Описать, что делалось в народе, невозможно! Такие моменты не описывают, а чувствуют, говорит об этом тот же корреспондент.

В 7 часу за о. Иоанном приехал сам г. губернатор. Батюшка уже на пристани был с народом. Утреню и вслед за нею литургию, конечно, при огромном стечении народа, он совершил в соборе в сослужении 10 священников, а по окончании литургии – молебствие на особо устроенном помосте среди площади. Выход на площадь снова напомнил что-то библейское, это было умиленное, чудное зрелище: бедные и больные бросились к ногам отца Иоанна, матери со слезами умиления поднимали на руках своих детей, дети простирали к нему руки, все взывали к избраннику Божию о помощи и утешении. Отец Иоанн, видимо, сильно возбужденный и как бы приподнятый над уровнем обычного состояния духа после высочайших моментов живого, сердечного общения с Богом через умиленную молитву, исполненный Духа Святого от теснейшего общения с Ним, в таинстве искренно совершенной им евхаристии (причащение), предстоял народу в величии бесхитростной прямооты веры, в неотразимой обаятельности небесной чистоты и в могуществе всепобеждающей силы

Божественной любви. Это был момент, наиболее ясно и наглядно показывавший, в чем кроется сущность и сила неотразимого обаяния сего молитвенника церкви Христовой, и почему так естественным является повсеместное, не иначе, как восторженно-умиленное всенародное преклонение пред этой могучей христиански-нравственной силой.

Этот момент достоин того, чтобы на нем остановиться, хотя, надо заметить, слово человеческое здесь является бессильным. Отойдя от алтаря Господня, где отец Иоанн только что пребывал в личном, живом, посредством церковных форм, общении с Верховным Личным Существом, он казался явившимся из страны света и правды, милости, любви и добра. Глядя на истинного Божия служителя в этот момент, всякий беспристрастный человек видел, что это был, по сравнению с обыкновенными людьми, просто «истинный человек, посланный Богом в мир грешных и скорбных людей, весь прозрачный в детской чистоте, доверчивый, благожелательный, любвеобильный, но сильный и твердый в своей чистоте. На нем был отпечаток того Личного Духа, Который с кроткою любовью, но вместе и властным спокойствием свободно взирает через него на мятущуюся в грехах и скорбях, в земных заботах и вожделениях толпу людей. Людей, удрученных бременем самоохотных стремлений, склоняющихся пред обилием духовного света и величием нравственной силы и ищущих, лишь как милости, прощения и освежения, утешения и подкрепления. Пред народом стоял живой, от людей взятый и ограниченный, как и всякий человек, но более других очищенный искренним покаянием, искреннею верою, искренним принятием от церкви таинства и молитвы при чистоте жизни, образ Того, Кто сотворил по Своему образу и всякого человека. Казалось, этот человек указанными очистительными средствами как бы стряхнул с себя пыль земного и плотского мудрования и, поправ гибельное лукавство безрассудных сомнений, выступал пред всеми с расширенным умом, сердцем и волею. Он ввел указанными средствами в свой духовный мир новое положительное и светлое содержание, сделавшее его человеком в лучшем, преимущественном пред многими

другими, смысле этого слова, более отображающем в себе Бога, избранным сосудом Его благодати и силы. И в то же время, сколько в нем было глубокого смирения, доброты и милосердия ко всем! «Здравствуйте, братья и сестры!» говорил он; «Здравствуйте, отцы, матери и дети, здравствуйте, друзья!» Вы, как бы слышалось в этих обращениях, те же образы Того же Общего нашего Отца, Личного, Свободного Бога. Да, эти ласковые слова «отцы, матери, братья, сестры и дети» прозвучали в совести многих и многих людей, как бесподобный по кротости, но могучий глубокий призыв к братству и родству в Боге любви, чистоты и правды, как упрека царствующему в мире внутренне разъединяющему людей греху и рабству страстям, лишившему самые эти слова в устах людей истинного их содержания, оставив лишь форму. Когда отец Иоанн говорил это народу, в его огненных, но отеческих добрых глазах и в каждом его движении сквозил пронизывающий душу свет «сноп лучей», по выражению о. П. из Кронштадта. Этот взор не всякий мог выдерживать, а равнодушным оставаться не мог никто. Слезы и крики народа христианского и не христианского служили тому доказательством. Отец Иоанн торопливо, но отечески-нежно ласкал и как бы принимал к своей чистой душе эти многочисленные образы Божии, своих «братьев и сестер», всем от полноты души благожелал, всех благословлял, бедным отдавал то, что ему приносили на молитву и поминовение. Это была картина истинного христианства, созданная не вновь и, не впервые совершающаяся пред глазами людей, а уже в миллионный раз воспроизводимая воочию мира от начала христианства чистыми душами искренно живших и живущих в Боге людей.

Затем, по приглашению г. губернатора, был совершен молебен в его доме. В это время перед домом собрались тысячи народа, жаждавшего получить благословение о. Иоанна. Выйдя на балкон губернаторского дома, батюшка благодарил Симбирцев за радушный приём и благословил народ теплым, теплым благословением... Все смолкло и как бы застыло...

Здесь я второй раз видел о. Иоанна лицом к лицу. Меня поразило полное отсутствие какой-нибудь приподнятости,

искусственности в о. Иоанне. Это было лицо, полное простоты, отцовской ласковости. Помню, что когда я отходил от балкона со своим товарищем, я сказал ему: «он совершенно прост; даже эти десятки тысяч не могут заставить его хоть на вершок подняться на ходули, а это значит, что он велик». И я ушел, унеся великий образ навсегда.

О. Иоанн был в семинарии, обедал у городского головы. Всюду к нему приводили, а иногда и приносили больных. Я здесь видел веру,двигающую горы... Говорили и о случаях исцелений. Я не справлялся даже об этих исцелениях: для меня наибольшим чудом был о. Иоанн сам по себе; за внутренней работой сознания и совести мне некогда было следить за внешними событиями.

Посетив женский монастырь и о. настоятеля собора, о. Иоанн отбыл на пристань. Провожал его весь «властный и убогий» город. Батюшка раздавал в благословение крестики.

Поднявшись выше города версты на две на три, пароход остановился против лагеря кадетского корпуса. Здесь на берегу выстроились кадеты. О. Иоанн высадился в лодку и подъехал к берегу. Он благословил всех кадетов. Они пропели многолетие и «Спаси Господи». Потом о. Иоанн возвратился на пароход.

Светлый день кончился... И для многих это был первый день после долгой ночи...«Ночь окончилась, начинался день» (Ап. Пав.).

VII

Глубокое впечатление оставляли после себя все посещения о. Иоанном тех или других городов. Лучше всего об этом говорят следующие строки саратовского наблюдателя («Сарат. Листок» 1 июля 1894 г № 138).

«Самое крупное событие текущей недели (да и одной ли только недели?) пишет он, бесспорно, заключается в приезде к нам о. Иоанна Кронштадтского.

В наши дни, когда в суете житейской и в погоне за материальными благами и удовольствиями, нередко забываются высшие потребности души и сердца, отрадно видеть и знать, что эти потребности не исчезли, что они таятся в глубине многих из нас, не говоря уже о нашем простом народе, в котором еще с силою евангельских времен бьется в сердцах вера и надежда.

Приезд к нам высокоуважаемого пастыря, своею христианскою жизнью и деятельностью заслужившего любовь и уважение всей России, воочию показал всем и каждому, как глубока еще в русском народе вера, как богат он живым религиозным чувством и тою отзывчивостью сердца, которая делает его восприимчивым к словам и делам евангельского завета. Стоило только появиться среди нас этому скромному кронштадтскому пастырю, как навстречу ему ринулись тысячи народа, без различия классов и положений.

Почему это? Что же и кого они встретили? Многочисленные портреты и изображения отца Иоанна дают о нем хотя и правдивое, но не совсем точное представление: на портретах не уловлена та бесконечная любовь, какая светится в глазах этого доброго пастыря, то доброе, даже веселое настроение, какое одухотворяет это кроткое лицо, с улыбкой снисхождения и беспредельной терпеливости. Мы видели о. Иоанна подающим благословение бесчисленной массе народа и наблюдали его за все время прохождения этого мятущегося, толпящегося и без всякого порядка лезущего народа. Взрослые, дети, здоровые и больные – все это обступало его, просило, даже требовало

исключительного к себе внимания, и он, уставший и обессиленный (человек ведь он), с одинаковым терпением, ровно, спокойно и ласково относился ко всем и находил время и желание ободрить, шепнуть слово утешения, приласкать детей, потрепать по щеке, погладить по голове и отпустить каждого душевно успокоенным!

Бывши как-то в Кронштадте, я видел изо дня в день повторявшиеся сцены, происходящие всегда при громадных скоплениях народа. Описывать их нечего: все это давно знакомо каждому, кто только знает одно имя Иоанна Кронштадтского. В сущности, он мученик требовательной толпы, не знающей ни снисхождения, ни пощады: в своем экстазе и увлечении, толпа безжалостна и ненасытна. Его рвут на части; ему не дают ни минуты покоя: когда он спит, когда он ест, когда, наконец, остается с самим собою?

Быть принадлежностью толпы, жить для других, думать о них и за них, сострадать им, облегчать их нужды и удовлетворять их потребности, – словом, «положить душу свою за други своя» – это первая евангельская заповедь и большей ее нет и не было.

Когда я увидел эту огромную толпу в Кронштадте, окружавшую о. Иоанна, то спросил одного флотского доктора: чем объяснить эту силу нравственного влияния о. Иоанна? Интеллигентный житель Кронштадта ответил мне: неизреченною его любовью к ближним.

Это поистине так. А вот теперь он на Волге, – обратите внимание хотя бы на эту поездку. Говорят, что он поехал отдохнуть. Да разве это отдых?! Да разве ему дадут отдохнуть?..

Куда-бы он ни заехал, где бы он ни показался, – всюду и везде к нему устремляется толпа и теснит его, и треплет... В какой толпе нет страдальцев, недугующих и обремененных? Это собирается к нему не ликующая толпа, сытая благами душевными и материальными, а жаждущая душевного покоя, утоления печали и смягчения страданий. Среди многих, большинство именно такое, ищущее мира и облегчения, и вот

оно стучится у порога о. Иоанна и, как видите, находит то, что ищет.

Да, надо иметь неистощимый запас доброты душевной, надо обладать, действительно, неизреченною любовью к ближним, чтобы избрать тот путь, каким шествует уважаемый кронштадтский пастырь.

Человек он, и притом простой человек. Не в этом ли и таится секрет его нравственной силы и обаяния? Недаром ведь, нищета духовная, т. е. незлобие, миролюбие, забвение своей личности и ее вожделений, возводится в евангельскую добродетель, какой без сомнения, в избытке и обладает о. Иоанн Ильич Сергиев.

Приезд его в Саратов внес во многие сердца великую радость и большое удовольствие: одно уже это есть большая заслуга. Давать другим успокоение, когда они в нем нуждаются, – разве это не выдающийся дар и не редкая способность?

Итак, многие саратовцы испытали праздник души и надолго он останется у них в памяти.

Путешествие о. Иоанна на родину и обратно

Ежегодно в конце мая или начала июня о. Иоанн ездит на родину в свою Суру. Это не прогулка для отдыха, здесь в Суре он живет сутки, двое, нет, это паломничество, молитвенное шествие на гроб отца, на место первых откровений Божиих. Туда, где впервые говорил Бог, откуда Он призвал на службу всему русскому народу.

Это святое место. Путешествие на Суру мы передадим с дополнениями и сокращениями словами г. Животовского.

25 мая, день Троицы. В Кронштадте оживление. Уезжает о. Иоанн «батюшка». Вся дорога к дамбе усть-канала заполнена народом. Батюшка отслужил литургию и в половине второго взошел на палубу парохода «Любезный».

Пароход был полон народа, но кое-как разместились. Трудно было только отчалить от берега; провожающие не хотели отпускать батюшку, хватались за борт парохода, плакали.

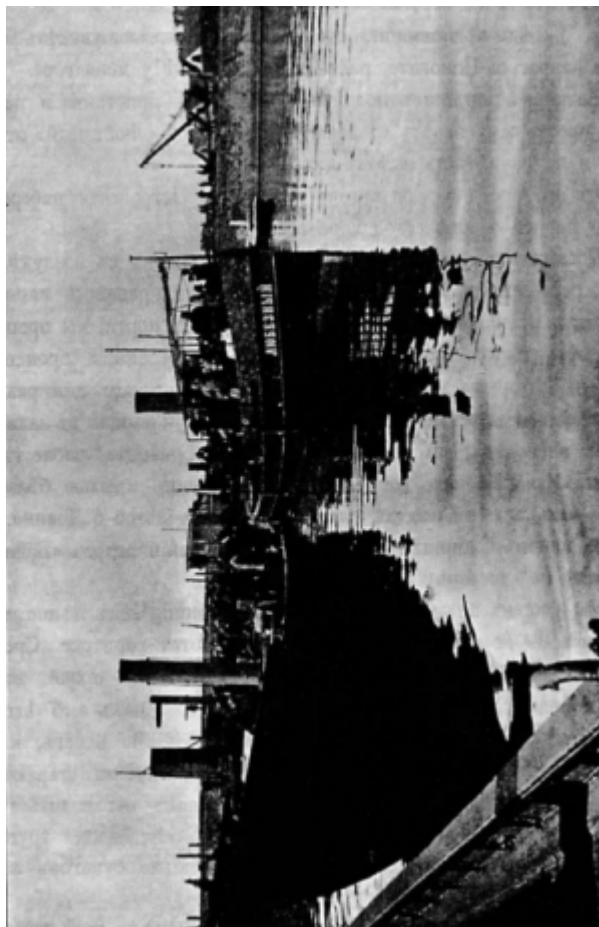
Но вот, наконец, пароход отплыл от берега, но отплыл не надолго. Его остановил батюшка. Дело в том, что появился проситель. «Батюшка родной», кричал кто-то с берега.

– Я бедный чиновник, четыре раза добивался увидеть вас и все напрасно! Помогите, ради Бога! В семье у меня горе.

Батюшка попросил подойти пароход к пристани и передал просившему пакет с деньгами. Наконец «Любезный» отвалил и направился к выходу из гавани. В это время из-за судов показалась Петровская набережная и на ней человеческое море голов.

Послышались крики, плач, замелькали платки в воздухе, а от берега отделилось несколько яликов и направилось наперерез нашему пароходу. Но вот и выход из порта; мы прошли мимо нескольких красавцев, грозных крейсеров и броненосцев, на которых в это время, по случаю царского дня развевались флаги всех стран и гремела музыка, и вышли в залив. Далеко впереди, среди подёрнутого дымкой горизонта,

заблестел купол Исаакиевского собора, а сзади, точно крылья белых чаек, мелькали в воздухе платки духовных детей о. Иоанна.

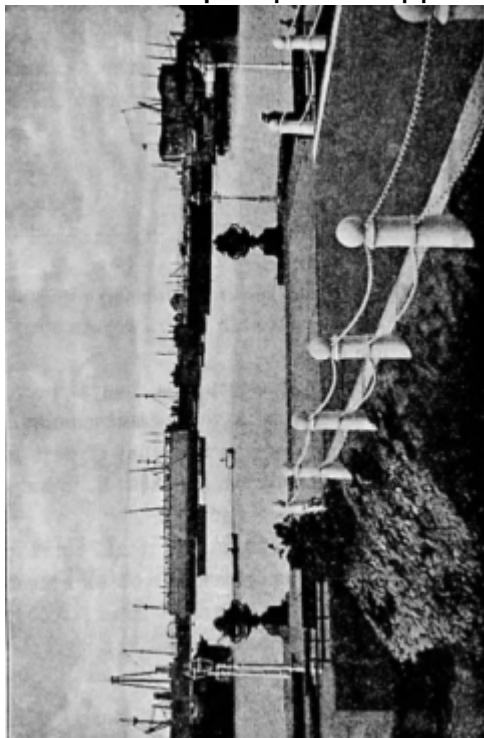
О. Иоанн отъезжает из Кронштадта на родину

26 мая в Свирице мы пересели на большой пароход «Баян» и вошли в красавицу Свирь. Мы уже в пределах Олонецкой губернии. Чем выше поднимаемся мы по реке, тем берега ее делаются гористее. Среди леса, возвышенных лугов и засеянных хлебом полей, то и дело попадаются селения, обитатели которых, узнав кто едет на нашем пароходе, пестрой толпой высыпает на берег, кланяются в землю, бросают кверху шапки и всячески стараются выразить о. Иоанну свои симпатии. Стоило нам остановиться у одной пристани для получения дров, как сейчас же группа молодых девушек поднесла батюшке несколько букетов ландышей.

Сколько радости, сколько счастья было написано на лице каждой старушки, которой удалось получить благословение отца

Иоанна!

О. Иоанн гладит по голове, хлопает по плечам, проводит по глазам больных и последние, ошастливленные, с огромным нравственным подъёмом возвращаются домой.

Петровская пристань.

27 вечером мы пришли в Вознесенье, остановились здесь за дровами и вскоре вышли в Онежское озеро, оставив в Вознесенье разочарованную публику: все надеялись увидеть батюшку, поэтому большой толпой собрались на пристани, где мы грузили дрова, но о. Иоанн в это время отдыхал в каюте и вышел на палубу только тогда, когда пароход плыл уже по гладкому, как зеркало, озеру.

Был мертвый штиль. Мы шли по прямой линии на восток, к устью реки Вытегры. Направо виднеются Олонецкие горы, а с левой стороны водное пространство сливается с небом и кажется одной серой массой, по которой то и дело мелькают белые крылья чаек, с криком летят стаи диких уток, а внизу на расстоянии нескольких саженей от парохода резвятся на просторе тюлени.

На северо-запад от нас осталась полоса далеких скал, известных своими каменоломнями.

– Вот когда я отдыхаю вполне, – говорит подошедший ко мне о. Иоанн, – только на пароходе и есть возможность провести время в полном спокойствии.

– Тяжела мне подчас бывает моя популярность: никуда нельзя показаться, нигде нельзя пройти незамеченным.

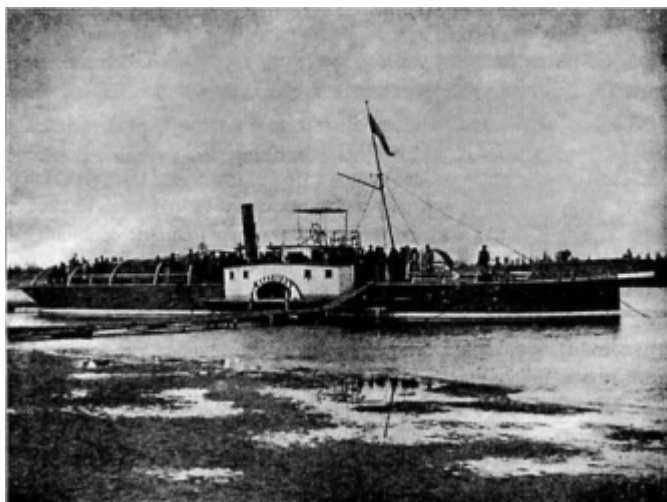
И действительно, стоит только о. Иоанну ступить на берег, как толпа окружает его со всех сторон и нужны большие усилия, чтобы освободиться из ее объятий. Он принадлежит сам себе только тогда, когда окружен со всех сторон водой. На маленькой палубе в несколько квадратных аршин он имеет на короткое время свободу в награду за целый год жизни исключительно для других.

Впрочем, и в это короткое время досуга я редко вижу батюшку без дела. То он читает святое Евангелие, то записывает в дневник свои впечатления, то обдумывает проповедь к следующему дню, так как редкий день мы не останавливаемся где-нибудь, чтобы отслужить обедню. И только изредка ходит он по палубе, созерцая природу и восхищаясь ею. Благодаря хорошей погоде, мы довольно скоро прошли Онежское озеро и вошли в устье р. Вытегры.

Утром 28 мая от. Иоанн служил обедню в г. Вытегре и сказал слово против раскольников, которых здесь много. После обедни в доме Лопаревых был предложен гостеприимный обед, на котором присутствовало около 35 человек приглашенных. Много говорилось в честь о. Иоанна речей, самой сердечной и симпатичной была коротенькая речь, сказанная экспромтом миссионером вытегорского округа священником Н. Георгиевским. Вот приблизительное содержание ее: «Глубокочтимый о. протоиерей! в прошлом году в вытегорском соборе в своем слове вы сказали: «Мне доставляет большую радость ездить по весям и городам дорогой мне России». А для нас вы всегда доставляете истинное наслаждение. В самом деле – лишь только вступаете вы, батюшка, в какую-либо весь или город, несмотря на будний день, слышится радостный, торжественный звон большого колокола, собирается собор служащих с вами, купцы запирают лавки, крестьяне бросают бороны и сохи в поле, матери во множестве несут для

приобщения детей! Замечается религиозный подъем духа, усиливается теплота молитвы. И неудивительно: вы, батюшка, пламень молитвы. Как от обыкновенного огня нагреваются окружающие предметы, часто загораются и горят огромным общим огнем, так и ваш молитвенный пламень охватывает всех, как служащих, так и молящихся, и вся церковь молится с вами и усерднее и теплее!»

Пароход Шестовец с о. Иоанном.

Вечером о. Иоанн долго гулял по небольшому садику, и в саду же прочел вечернее правило. В Вытегре мы распростились с «Баяном», имеющим глубокую осадку. Перегрузив багаж на подоспевшего к этому времени «Шестовец» и новый пароход «Каму», представленный батюшке купцом Неворотиным, мы отправили оба парохода за несколько часов до нашего отъезда вперед.

Сами же решили сделать переезд в 26 верст на лошадях, чтобы избежать скучных стоянок в находящихся здесь 19-ти шлюзах.

Около пяти часов вечера 29-го мая, распростившись с гостеприимной хозяйкой, длинным кортежем двинулись мы на нескольких тройках в путь. Дорога здесь очень разнообразна. То мчимся по гладкому и узкому бичевнику, поминутно заставляя сворачивать в сторону встречных лошадок бурлачков, понуро тянувших свою бечеву, то перескакиваем через плотину, с грохотом несемся по мостику и, взлетев на горку, проезжаем по улице селения. Берега Вытегры здесь холмисты и живописны, хотя сама река по своей форме ничем не отличается от обыкновенного канала: все время одинаково узка и не имеет заливов.

Около одиннадцати часов вечера вошли в широкую красивую Шексну. После тесных рамок канала широко разлившаяся и затопившая луга река производила радостное впечатление. Несмотря на ночь, нам поминутно встречались

большие парходы с зелеными и красными глазами фонарей. Тянутся караваны бирж. Раздаются свистки и крики людей.

Около часу ночи, вдали, на высоком берегу реки Шексны, забелели постройки рощи Горицкого женского монастыря, где ждали батюшку и где он собирался утром служить обедню. Не желая, однако, тревожить обитель ночью, батюшка решил остановиться в пяти верстах от монастыря и переночевать в каюте «Шестовца» с тем, чтобы утром подойти к монастырю.

В 8 час. утра он и прибыл на «Шестовце», и прямо с пристани направился в монастырскую церковь, где отслужил обедню и приобщил монахинь св. Таин. После обедни в первой комнате игуменской квартиры был поставлен стул для отца Иоанна. Здесь, по очереди подымаясь бесконечной вереницей по лестнице, подходили к батюшке сестры монастыря для благословения. Более 600 сестер прошло мимо батюшки. После сестер таким же порядком прошли богомольцы, запрудившие всю площадку перед домом игуменьи. Отобедав при пении монастырского хора у игуменьи, мы все отправились в Кирилло-Белозерский монастырь, отстоящий от Горицкого монастыря в пяти верстах.

Здесь батюшка отслужил краткий молебен у раки преподобного Кирилла и, выпив у настоятеля монастыря архимандрита Феодосия стакан чая, поехал в город Кириллов делать кое-какие визиты.

Весь путь наш от города Кириллова до Кубенского озера был каким-то триумфальным шествием отца Иоанна; то, что происходило здесь, не поддается описанию. Целые села от мала до велика высыпали навстречу нам и бежали по несколько верст, падая на колени, простирая к отцу Иоанну руки и крестясь.

Встречалась по дороге изгородь – и пестрая толпа, не задумываясь, карабкалась на нее, прыгала вниз и снова бежала за пароходом до тех пор, пока канал не кончился и не начиналось озеро, по которому уже бежать нельзя было. На одном шлюзе я обратил внимание на очень хорошенькую девочку лет двенадцати, которая пробежала верст восемь и теперь усердно просила дать ей крестик. Но здесь ей так и не удалось ничего дать, так как брошенные крестики и образки моментально подхватывались другими. Когда пароход, выйдя

из шлюза, пошел по каналу, я опять увидел среди бежавшей толпы неутомимую девочку. Сначала она сняла с головы платочек, потом сняла и кофточку, так как было очень жарко. Под конец я увидел ее уже бегущей с развивающимися длинными волосами в одной рубашонке. Весь гардероб свой она несла в руке.

Я попросил рулевого подойти ближе к берегу и, уловив удобную минуту, очень удачно бросил неутомимой девочке карточку отца Иоанна. Она подхватила ее и, прижав к груди, все-таки продолжала бежать, пока не кончился канал и не началось маленькое озеро.

Наконец, в 7 часов вечера, на 12-м шлюзе мы встретились с собственным большим пароходом отца Иоанна «Св. Николаем Чудотворцем», пришедшим за батюшкой из Суры. Со слезами встретили нас три молодых монашки – пароходные прислужницы. Оказалось, что уже одиннадцать дней они ждали нас, так как батюшка предполагал раньше 15-го Мая выехать из Кронштадта, но потом отложил свой отъезд.

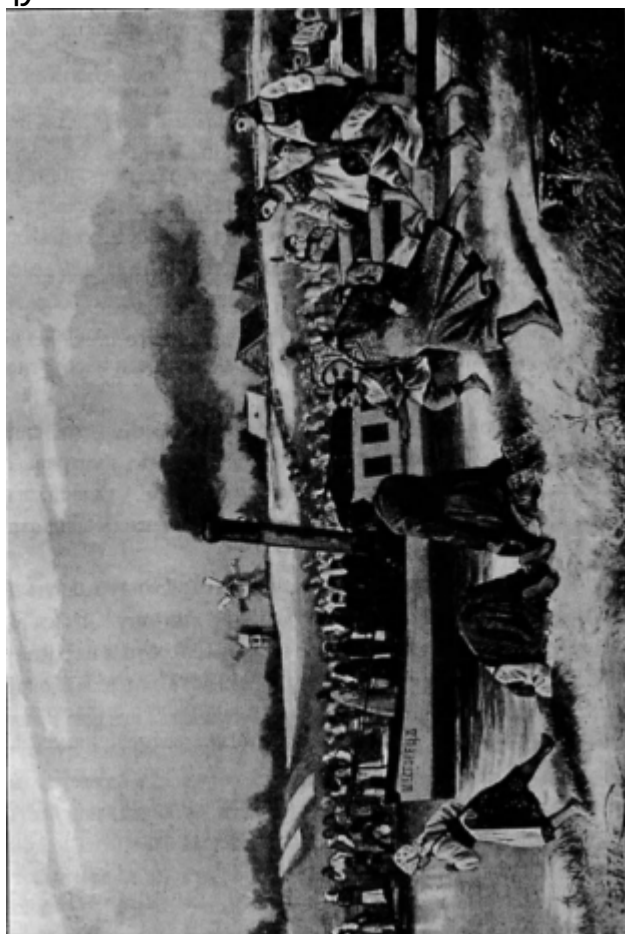

Путешествие по каналу

Ночь нас застала на середине Кубенского озера, где мы, вследствие густого тумана, должны были встать на якорь. Утром мы подошли к Каменскому монастырю. Здесь я был свидетелем одного трогательного факта. Какая-то древняя старушка горячо доказывала иеромонаху Каменского монастыря, что она теперь самый счастливый человек во всем мире.

— Ну нет, батюшка, говорила она, как хочешь, а я счастливее тебя. Ты здешний житель, а он, красное солнышко, каждый год мимо тебя ездит, ну не диковина, что и заехал. Другое дело я. Я вот из Полтавы теперь в Соловки на богомолье пробираюсь, да к вам в Каменский ненароком и попала, и вдруг такое счастье! У самого батюшки отца Иоанна Кронштадтского причастилась! Да этакое счастья мне и не снилось!

Иеромонах Каменского монастыря, к которому были обращены эти слова, в свою очередь старался доказать богомолке, что он и его братия счастливее ее. Как теперь вижу лицо этой старушки. Сколько искреннего счастья, сколько веры в ее потухших, влажных от слез, глазах! Целое событие произошло в ее жизни, Из ее разговора с монахом я узнал, что давно она мечтала увидеть батюшку, но в Кронштадт идти не решалась: боялась, что к нему не допустят. И вдруг такая счастливая встреча. Долго потом стояла она коленопреклонённая на пристани монастыря и смотрела вслед нашему пароходу.

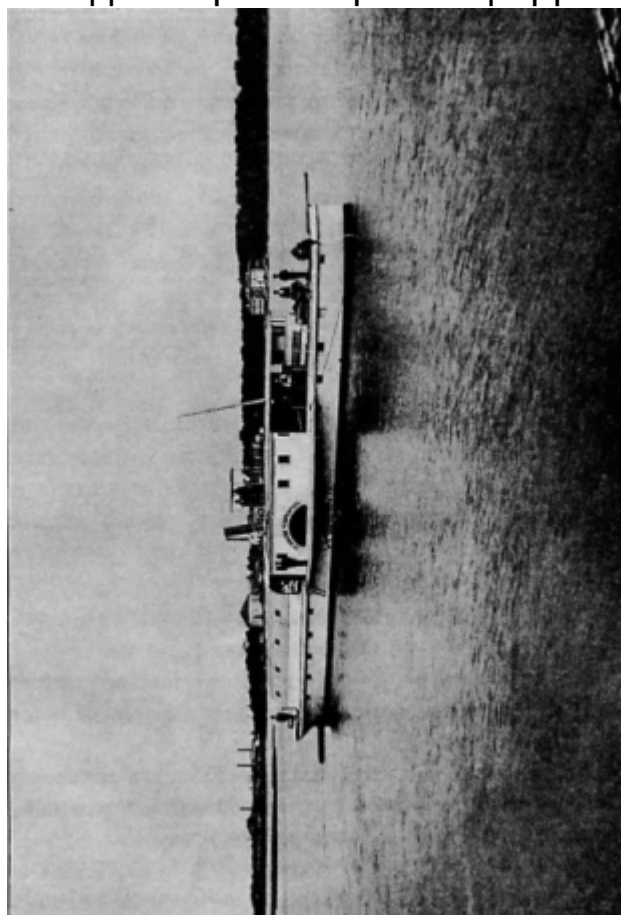

На пути к Кубенскому озеру

Так как накануне отец Иоанн не служил обедни, что для него составляет всегда большое лишение, то решено было остановиться в Устье, да и время было подходящее – 8 часов утра.

Опять та же картина, что и в Кронштадте, и в Петербурге, и во многих других городах: отец Иоанн с палубы кланяется и благословляет провожающих, а с берега тысячи рук машут платками, шапками, и до нас доносятся благопожелания и приветствия.

Вскоре увидели мы устье реки Юга, отстоящее от города в 4 верстах. Здесь уже начинается так называемая Малая Двина. Две родные сестры, Вычегда и Сухона, первая с востока, вторая с запада, несут свои воды друг другу навстречу и, слившись в одно целое, круто поворачивают на север и под именем Северной Двины продолжают свой путь к Белому морю. Но восточная и западная красавицы точно не ладят между собой и нет-нет и разойдутся в разные стороны, образуя отдельные рукава и протоки. Низкие из-за наносного песка острова, поросшие тощим ивняком, то и дело громоздятся среди необъятной шири вод северной кормилицы Двины.

Вот она, моя милая, родная Северная Двина, тихо шепчет отец Иоанн, с восторгом и благоговением всматриваясь в то место, где р. Вычегда, встретившись с р. Сухой, или иначе с Малой Двиной, повернула налево и разлилась широкой могучей Северной Двиной.

Много раз в своей жизни приходилось отцу Иоанну плавать по Северной Двине. Еще юношей, никому неизвестным студентом духовной академии, ездил он этим путем из Петербурга на родину.

Теперь уже много лет подряд проезжает он здесь, окруженный славой и всеобщей любовью и уважением, щедрою рукою помогая нуждающимся. Падет ли скотина у крестьянина, сгорит ли изба, или в храме нужен ремонт, а своих средств не хватает, вся надежда на батюшку. Приедет батюшка, поможет.

Правда, часто и злоупотребляют люди доверием отца Иоанна, и деньги, данные на удовлетворение серьезной нужды, не достигают своего назначения. Но ведь это явление обыкновенное во всякой благотворительности и искоренить это зло невозможно. Впрочем, и тут обаяние имени отца Иоанна делает свое дело. Всем известно, что батюшка, помогая в нужде деньгами, не только не наводит справок о том лице, которое просит помощи, но часто дает деньги, не считая их, так просто, на счастье, сколько попадается в руку. Только в глаза он взглянет тому, кто обращается к нему, своим чистым хорошим взглядом. Нужно, поэтому, быть уже слишком испорченным человеком, чтобы решиться обмануть батюшку. И в этом сила отца Иоанна.

На следующий день, 4-го июня, мы прошли мимо заштатного городка Сольвычегодского уезда Красноборска. В этот день батюшка обедни не служил, так как мы очень торопились, боясь, что вследствие засухи река Пинега обмелеет и нам трудно будет добраться до Суры на пароходе. Остановились лишь за тем, чтобы набрать дров, но мигом собралась толпа.

Всех пустить было нельзя, потому что это замедлило бы укладку дров, вследствие чего командир парохода распорядился пускать только носильщиков дров. Ввиду этого

многие пустились в хитрость: возьмут полена два-три и несут на пароход, а потом прямо к батюшке под благословение... Много книжек и образков пришлось раздать здесь. Детишки получали и гостинца.

Погрузив дрова, мы отправились в дальнейший путь и скоро прошли мимо скита Холмогорского женского монастыря. Наконец, около 9 часов вечера вдали показалась деревня Усть-Пинега, подойдя к которой, мы круто повернули и вошли в реку Пинегу.

В Петербурге перед моей поездкой на север я от многих слышал: «И охота ехать вам туда: ведь ничего интересного из себя наш бедный, скучный север не представляет». И вот тут, на Пинеге, я убедился, что очень многие не имеют определённых и верных сведений о нашем севере.

Мне пришлось проехать от Усть-Пинеги до Суры всего 300 верст и этот путь показался какой-то волшебной панорамой.

Пинега поражает разнообразием своих берегов: местами вы видите копию берегов Валаамских островов; отвесные, спускающиеся в воду скалы, из расщелин которых поднимаются вековые сосны; местами берега напоминают отроги Карпат на реке Тетерева в Житомире; попадаются и характерные кавказские уголки с пропастями и обрывами, какие мне приходилось видеть в дебрях Дагестана. В одном месте у Красногорского монастыря я увидел точную копию Киева в таком виде, как вы видите его, когда подъезжаете с юга по Днепру. На много верст тянется ряд отвесных, испещренных глубокими пещерами, меловых гор, покрытых сверху дремучим лесом.

Ночью, когда уже все спали, я был разбужен шумом на палубе. Оказалось, мы пристали к берегу, чтобы взять дрова. Выхожу на палубу и вижу, что кроме команды, носившей дрова, не спит один только о. Иоанн. Стоит он у своей каюты, устремив взор к небу, и очевидно молится. Чудный лесной аромат действует одуряюще. Желая взглянуть поближе на лес, я вышел на берег и поднялся на гору. Предо мною открылась чудная картина – беспредельное море леса. Весь горизонт покрыт густым нетронутым лесом. Хотелось любоваться без конца чудным пейзажем.

Около 12 часов дня мы прошли мимо красивого Красногорского монастыря, расположенного на правом высоком берегу Пинеги. Внизу, под горой, среди густого леса, виднеется скитская белая церковь. Останавливаться, конечно, мы и не думаем, так как воды в Пинеге становится все меньше и меньше; то и дело появляются отмели, все чаще и чаще раздаются выкрики одного из команды на носу, измеряющего глубину воды.

Около двух часов дня мы подходили уже к городу Пинеге. За Пинегой берега реки стали положительно очаровательны, что ни поворот, то новая панорама, и я просто не знал, что делать; между тем нужно было сидеть в каюте работать и работать, проявлять фотографии и кончать кое-какие уже начатые рисунки, и в то же время не хотелось пропустить что-нибудь интересное, что было видно с палубы парохода.

Впрочем, в этом отношении меня часто выручал сам от. Иоанн. Встретится какой-нибудь особенно красивый вид, а меня на палубе нет, батюшка и шлет кого-нибудь за мной в каюту. Иной раз, оторвавшись от работы, взглянешь в маленькое окошечко своей каюты и глазам своим не веришь. Перед окном огромная, почти отвесная стена спускается в воду; верхней части ее и не видно. А ведь только что был низкий берег и вдали синела лесная даль.

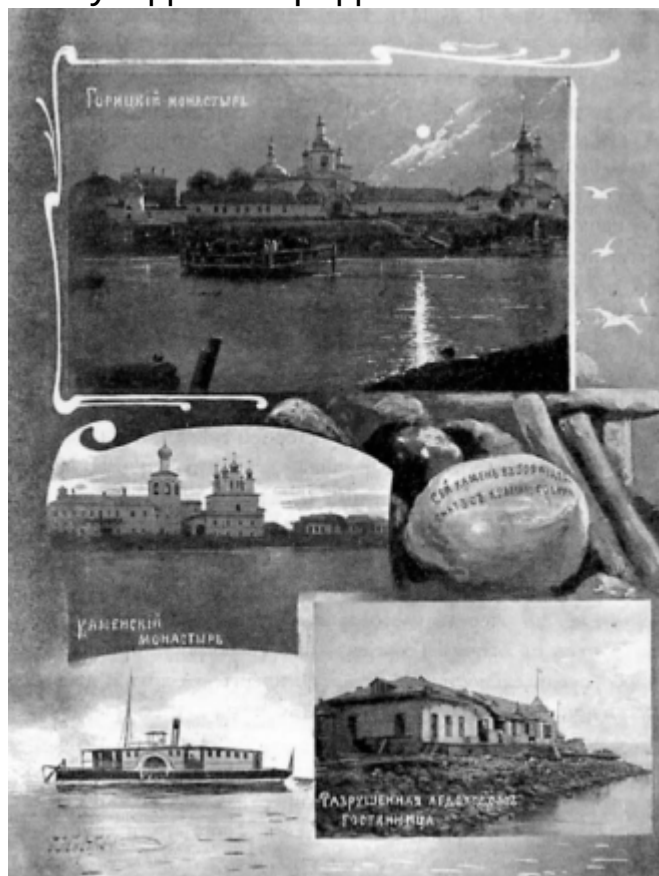
В Пинеге оба берега одного характера и одинаково разнообразны; нет того, что обыкновенно бывает в реках, текущих с севера на юг, или с юга на север, где обыкновенно один берег возвышенный, а другой низменный.

Ночь на 6-е июня мы почти совсем не спали, так трудно было расстаться с очаровательной природой. Я не знал, чему отдать предпочтение: тому ли, что я видел над водою, или тому, что отражалось в гладкой, как зеркало, воде. Хотелось

броситься в эту манящую к себе воду и захлебнуться чарующей прелестью северной ночи.

Около 4 часов пополудни на противоположном от нас берегу Пинеги, мы увидели, наконец, родину от. Иоанна село Суру, совсем небольшое село, но издали вам кажется, что вы видите небольшой уездный город.

Рядом со старой деревянной церковью во имя св. Николая Чудотворца величественно глядит на окрестности большой новый каменный храм во имя того же святого, окруженный красивой каменной оградой с железной решёткой. Тут же по соседству стоят два больших каменных дома; в одном помещается школа, в другом монастырская лавка. Немного дальше из-за храма виднеется красивой архитектуры часовня, построенная над могилой родителя о. Иоанна, дом священника и ряд больших, просторных изб. Все это создание о. Иоанна.

Голое место здесь было, пояснил нам ямщик, кроме старой церквушки на голом леске ничего не было. А теперь вон и

старой церкви не узнать, так ее подновил отец Иван, а уж новую выстроил, так это всем на удивление.

Въехав в обширный монастырский двор, мы круто повернули налево и остановились у крыльца главного корпуса, соединённого с монастырской деревянной церковью.

Все население Суры было здесь. За большим столом, в просторной светлой комнате, сидело человек пятнадцать самой разнообразной публики. Были тут монахини, духовенство, акцизный и лесной чиновники с женами и детьми и несколько человек крестьян. Большинство пило чай.

Отец Иоанн в белом, как снег подряснике, ходил по комнатам, по очереди разговаривая то с тем, то с другим. Увидев нас с отцом Георгием, он с обычной приветливостью и предупредительностью обратился к нам: «А вот и мои дорогие спутники, ну пожалуйста, пожалуйста, подкрепитесь с дороги!»

Так как мы уже покушали, то отец Георгий сел на диван рядом с рослым мужчиною с окладистою светло-русою бородою, с загорелым лицом и мозолистыми руками, очевидно хлебопашцем, а я поместился между отцом Георгием и симпатичной, добродушной старушкой, одетой так, как одеваются здесь все крестьянки.

Вот это моя родная сестра, а это мой племянник, сказал мне отец Иоанн, указывая на мою соседку и на соседа отца Георгия. Сосед о. Георгия оказался родным сыном моей соседки. В отдаленном углу комнаты сидело еще два племянника отца Иоанна, младшие дети его сестры, тоже одетые по-крестьянски и держащие себя в высшей степени скромно. Два старших племянника женаты и занимаются со своими семьями хлебопашеством. Тут вот и сказалось наглядно бескорыстие отца Иоанна.

Другой бы на его месте всех бы родственников своих озолотил, дав им возможность жить легко и богато. Но для отца Иоанна все люди одинаково близки, и он не отдает преимущества своим родственникам, которым он помогает, но не больше, чем и всем другим. И родня его не ропщет, потому что с давних пор привыкла на него смотреть, как на человека особенного, не от мира сего.

Здесь я узнал, что еще в детстве сын псаломщика Ильи Сергиева маленький задумчивый Иванушка пользовался среди своих односельчан особенным уважением.

Пропадет ли лошадь у мужика, идут просить Иванушку помолиться, случится ли горе какое, или заболит кто-нибудь, опять идут к Иванушке. Но вот дивный мальчик вырос и слава его, как солнце, засияла над православной Русью.

А в дикой суровой пустыне, среди дремучих лесов и сыпучих песков, где кроме десятка изб да полуразрушенной деревянной церкви ничего не было, забелели стены величественного каменного храма, засияли золотые кресты над растущей не по дням, а по часам, молодою обителью.

Вся грамотная Россия знала до сих пор на севере родину великого русского учёного Ломоносова. Теперь вся православная Россия будет знать и Суру, родину досточтимого своего пастыря. Всего четыре года тому назад отец Иоанн положил начало Сурской обители. И вот теперь в Суре уже 120 монахинь, большая часть которых приехала сюда в суровую дикую местность из самых далеких концов России. Не на легкую жизнь и не в благоустроенный монастырь собрались сюда молодые монахини. На сыпучем песке трудно создать в короткое время хорошее хозяйство. Здесь нет еще ни сада, ни огородов, ни обработанных полей. Все придется создавать тяжелым трудом, при самых трудных условиях, так как северное лето коротко.

На следующий день утром отец Иоанн торжественно при переполненном храме, служил обедню, во время которой, обратясь к юным монахиням, сказал глубоко-прочувствованную проповедь относительно того, как должны жить инокини, посвятившие себя Богу. Хорошо зная человеческую душу,

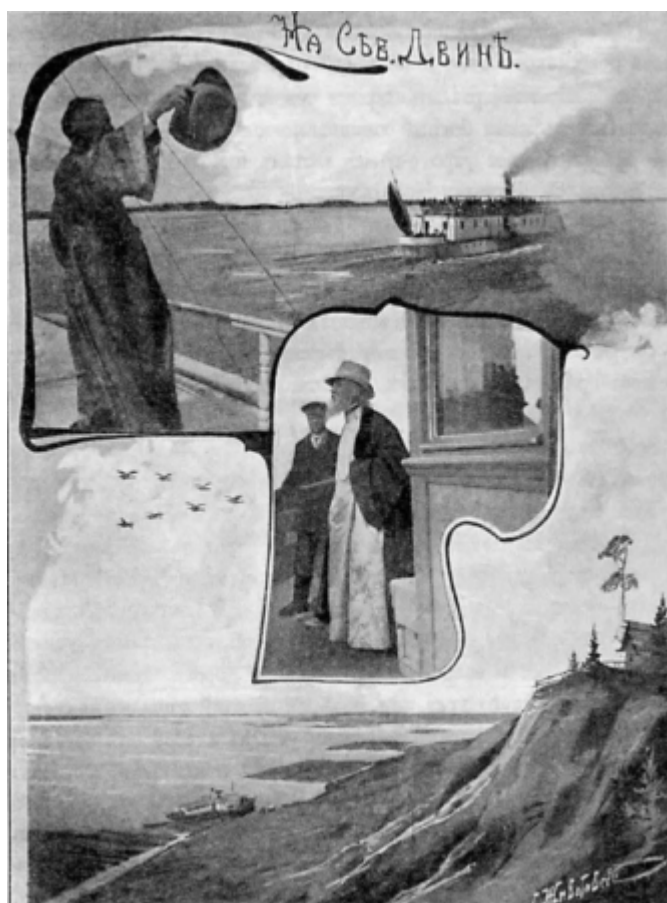
батюшка в своей проповеди коснулся тех вопросов, которые представляют собою самые больные места в жизни монахинь. К концу проповеди в храме начали раздаваться сдерживаемые всхлипывания, потом перешедшие в сплошное громкое рыдание. Когда же, окончив проповедь, отец Иоанн произнес: «покайтесь»! в храме все слилось в один общий гул. Чинно, с благоговением, стали подходить одна за другой монахини к причастию, отец Иоанн причастил сам всех бывших в храме.

Пообедав у игуменьи монастыря, отец Иоанн поехал вместе с нею в скит, недавно выстроенный в вековом корабельном лесу. Сделав на лошадях путь в рощу и обратно 36 верст, отец Иоанн возвратился замечательно бодрый и радостный. Батюшка очень был доволен состоянием недавно только отстроенного и отделанного скитского храма во имя Святой Троицы.

За все наше путешествие нам не раз приходилось встречать ровесников отца Иоанна, его однокашников по семинарии. Но какие это все дряхлые старики сравнительно с ним: он кажется перед ними бодрый юноша, полный сил и энергии.

На следующее утро 9-го июня отец Иоанн служил обедню в соборе Св. Николая Чудотворца. После обедни все прошли к часовне над могилою отца батюшки, где последний отслужил панихиду. После этого почти до трех часов дня неутомимый отец Иоанн делал визиты в Суре; посетил всех священников в их квартирах, побывал у сестры своей, зашел в монастырскую лавку, где благословил сестер-приказниц, заехал в школу, где одна из учениц прочла ему стихотворение.

Когда батюшка вышел из школы, дети высыпали на улицу провожать его. Всех учениц около сорока; одеты все по-институтски: в темно-коричневых платьицах и белых пелеринах.

Вообще в течение всего времени своего пребывания в Суре, с утра до самой ночи, он был в хлопотах. Во все он входил сам непосредственно, ничего не ускользнуло от его внимания. Вся Сура для него была как бы одним сплошным домом, в котором всё и все были ему близки и дороги. Как приятно видеть его едущего туда или сюда на простой лошадке в своих родных и милых краях... Только уже к вечеру он вступил в дом, приготовленный для него, куда пригласил и своих спутников.

Много весьма любопытных сцен можно было видеть в это время. В каждый приезд многие из Сурян обращаются к о. Иоанну с различными своими просьбами.

– Вот, Иван Ильич, дом строить хочу, обращается к нему довольно видный крестьянин.

– Да зачем тебе, Григорий, новый дом-то? Ведь и старый у тебя хорош.

– Сына старшего к весне собираюсь отделить, Иван Ильич.

- А зачем делить-то?
- Да уж такое дело, пусть его своим хозяйством живет. Опять и бабы не всегда в ладах.

Нагрузка дров

– Словно дело-то и неподходящее, Григорий; не лучше ли бы вместе пожить? Поговорил бы ты с сыном, а с бабами-то справляться можно. А то ведь, посуди сам, не хорошее дело – эти разделы-то.

– Это точно, Иван Ильич. Из одного хозяйства теперь два приходится делать. Известное дело, там и тут всего не хватает.

– Вот видишь. Лучше уж устройтесь по Божески – в мире и согласии.

Крестьянин задумывается, мнется на месте, переступает с ноги на ногу.

– Оно известно... лучше бы, ежели бы все вместе.

– Ну, вот и сделай, ты ведь глава в доме-то.

Благословив мужичка, идет далее по селу о. Иоанн. Там просят у него совета, здесь помощи, тут приглашают посмотреть какую-либо новую покупку, важную в крестьянском обиходе. Никому и ни в чем обыкновенно не отказывает отец Иоанн.

В 4 часа утра, 10-го июня, отец Иоанн был на ногах. Когда я вышел из своей комнаты, батюшка уже выезжал из ворот на дорогу. Сытые монастырские лошадки подхватили лёгкий экипаж о. Иоанна и почти вскачь понеслись по лесной дороге. В Суре все уговаривали отца Иоанна остаться еще несколько дней.

– Глядите, какие тучи на горизонте, говорили суряне, того и гляди вода поднимется и пароход ваш прямо сюда и подойдет.

Но отец Иоанн не создан для праздной жизни. Сидеть на месте без дела для него утомительнее всего. А в Суре уже все было сделано, да кроме того, приезда его с нетерпением ждали на Волге. До Волги же нужно было еще побывать в Архангельске, Холмогорах и Вологде. Поэтому батюшка торопился, и наш отъезд был решён окончательно.

Прощай Сура.

Мы не считаем нужным подробно описывать обратное путешествие о. Иоанна. В записях г. Животовского и игумении Таисии можно отметить только несколько характерных страничек и ярких чисто-библейских картин. Буду продолжать в хронологическом порядке, но стану проходить все малохарактерное.

«Утром 19-го июня, пишет Животовский, мы остановились у первого попавшегося селения, чтобы по обыкновению отслужить обедню. В Ягрышах (так называлось селение) мы почти никого не застали, так как весь народ был занят тушением приближавшегося из тундры пожара. Однако, весть о внезапном прибытии отца Иоанна быстро облетела окрестные села и народ стал сбегаться со всех сторон.

Когда о. Иоанн кончил читать канон, храм был уже переполнен молящимися. Церковный староста рассказал батюшке, что Ягрыши и соседние села сильно страдают в этом году от трёхмесячной засухи. В довершение всех бед начался лесной пожар, который, приближаясь, грозил жилищам крестьян, поэтому он от лица всех крестьян просил батюшку помолиться о ниспослании дождя».

По реке Пинеге
И отец Иоанн помолился.

Я вышел из церкви до окончания обедни, желая поудобнее устроиться на палубе парохода, чтобы снять фотографию с провожавшей о. Иоанна толпы. Пока я возился с фотографическими аппаратами, на солнце набежала тучка и на раскаленную землю пала тень. Я обернулся назад и, к великому своему удивлению, увидел, что весь горизонт покрыт грозowymi тучами.

«Да неужели же будет дождь?» подумал я. Ведь если это случится, то жители Ягрышей будут передавать из поколения в поколение своим детям и внукам о случившемся, как о чуде, совершившемся по молитве отца Иоанна...

Но вот обедня окончилась. Из церкви густой массой повалил народ. Я никогда не забуду этих изумленных и радостных лиц, этих восторженных глаз, в которых светилось столько чистой, простой веры!

Все с радостью смотрели на небо, наполовину уже покрывшееся тучами, и делились друг с другом впечатлением, произведенным молитвою отца Иоанна. Когда батюшка вошел на пароход и команда его начала готовиться к отплытию, начал накрапывать дождик.

К 8-ми часам 20-го июня мы подъехали к Великому Устюгу. На этот раз батюшка служил обедню в соборе св. Прокопия Праведного. Когда о. Иоанн собирался возвратиться на пароход, к нему обратились с просьбою посетить одного больного юношу, который был ушиблен лошадью и теперь лежал дома, не имея возможности двигаться. По словам просивших его навестить, доктора отказались его лечить, так как у больного образовалось нечто вроде гангрены. Когда приехал к больному отец Иоанн, он сказал ему:

– Если можешь с верою помолиться, то молись и надейся. Господь услышит тебя и поможет.

– Верю, батюшка, всем сердцем верю, помолитесь обо мне, – ответил ему юноша.

Отец Иоанн начал молиться. Когда после окончания молитвы, отец Иоанн, простившись с семьёй, направился к выходу, больной сам поднялся со своего места, отбросил костыли в сторону и, пошатываясь, пошел провожать к выходу отца Иоанна.

– Смотри, мама, – проговорил он, – я без костылей уже могу держаться.

Каждый год и, кажется, всегда на обратном пути из Суры о. Иоанн навещает Леушинскую обитель. Эти путешествия описывает ежегодно игуменья Таисия. Так как эта достоуважаемая женщина очень хорошо знает «батюшку», то некоторые наблюдения ее интересны и назидательны.

Церковь в
с. Соулъ.

Нар. Пинегъ

О. Иоанн на пароходе.

Во время плаванія батюшка любит ходить по трапу и предаваться уединенно богомыслию и созерцательной молитве. Так было и ныне. Некоторые из его спутников сидели на трапе, не беспокоя его. В числе их была и игуменья Таисия, тоже сидевшая уединенно. Был сильный ветер, батюшка подошел к игумении и, сев подле нее, сказал: «Посмотри, матушка, видишь муха борется с ветром; она хочет лететь, напрягает силенки, вишь крылышки натягивает, как паруса, а ветер ее так и гнетет назад, вишь борется, а все-таки борется, не уступает ветру, летит понемногу. Так враг борет душу, идущую путем спасения, силясь низложить ее ветром нынешнего безверия и пороков, а благодатью Божьею душа не ослабевает и побеждает его».

На закате солнца, батюшка снова ходил по трапу и молился. Матушка Таисия сидела в отдалении. Он подошел к ней и, указывая на горизонт, сказал: «Смотри, матушка, какое чудное небо, какая чудная заря. Как дивен Бог в своем

творении. Одно светило, одно только солнце, сколько оно разливает для всех добра, сколько красоты, света, тепла, всякого блага. Все для человека сотворил Господь; а как величествен Он Сам, наше солнце мысленное, наш Свет пресветлый. О вера, вера, как ты оживляешь, возвышаешь, умиляешь, просвещаешь, радуешь душу, и как жалки несчастные неверы.

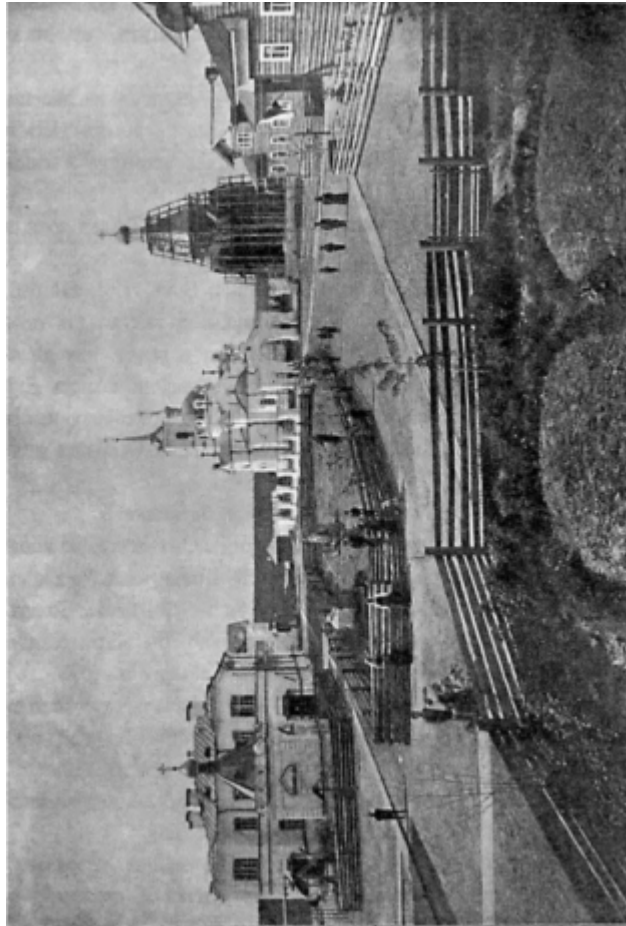
Иногда к о. Иоанну подходит кто-нибудь из близких ему для уединенной беседы. Батюшка всегда идет навстречу доброму желанию и беседует любовно и благостно.

О чем ведутся эти беседы? Как ведутся? Уверены, что читатель не посетует, если мы передадим одну теплую беседу о. Иоанна со случайной его собеседницей.

– Батюшка, научи меня молиться! Не могу я. Плохо умею.

О. Иоанн. – Да, самое простое дело молиться, а вместе и самое трудное. Дитя малое умеет по-своему молиться, просить своего отца, или мать. Мы дети Отца Небесного, неужели детям ухитряться просить Отца? Как чувствуешь, так и говори Ему свои нужды, так и открывай свое сердце. «Близ Господь всех призывающих Его» во истине... и молитвы их слышит, но вместе и будь мудра и осторожна, береги ум.

– Мало я молюсь, батюшка, дела давят, вечером не знаешь как до подушки добраться, так умаешься от дневных дел и забот, а утром прежде чем я встану, дела встанут и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

Село Сура.

О. И. Не в многоглаголании молитва и спасение. Читай хотя и немного молитв, но с сознанием и с теплотой в сердце. А главное, в течении целого дня имей память о Боге, т. е. тайную, внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы, но всегда и везде: иду ли я, сижу, или лежу мысль о Боге не покидает меня. Я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою; мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня. Старайся и ты так поступать.

– А близким к себе вы Его ощущаете, батюшка?

О. И. Да, родная, близким, весьма близким: Он всегда со мною по слову Его «и вселюсь в них и похожду». Иначе, как бы я мог так действовать по целым дням, если бы не благодать Божья.

– Да, батюшка, трудитесь Вы изумительно. Вы всецело приносите себя в жертву на служение людям, забывая о себе.

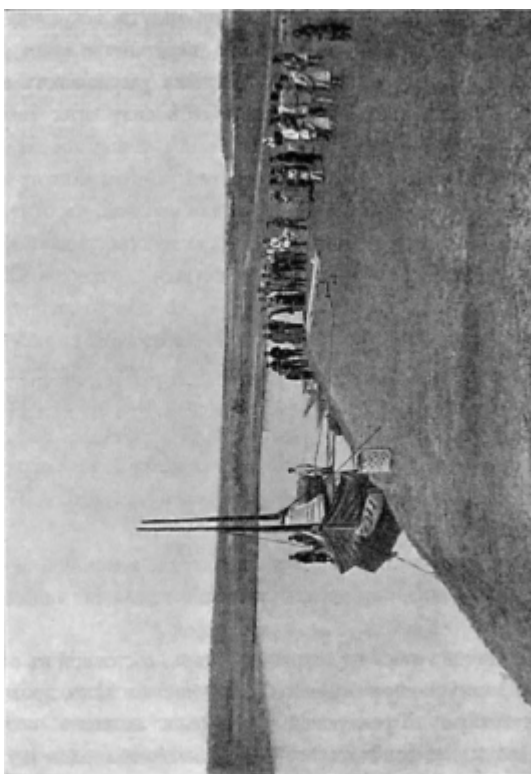
О. И. Пожалуй ты и слишком уже много сказала, но действительно, я стараюсь по мере сил моих, с помощью Божьей, служить спасению душ человеческих. Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования. Пастыри, преемники апостолов, должны жить для паствы своей, а не для себя.

– Не легко Вам, думаю, было батюшка, на первых-то порах. Но зато теперь Вы стоите выше всех искушений и страстей, а что приразилось бы к Вам, сокрушится о камень веры и благодати, присущей к Вам.

О. Иоанн перекрестился и сказал, вздохнув: «много сказать выше искушений и страстей, я не бесстрастен, только Божья благодать и сила всегда подкрепляла и ободряла меня. Наши ведь *одни немощи и грехи*, а способности к служению от Бога».

– Батюшка, доколе человек во плоти, он не может быть свободен от страстей и от соблазнов, которые отовсюду окружают в мире?

О. И. Разумеется не свободен: потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себе. Человек в минуты искушения подобен лежащему на весах, куда его перетянет: враг тянет его в гибель, а ангел и совесть человека удерживают его. В это время самое лучшее представлять себе силу огня геенского,жигающего грешников. Эта мысль сильна угасить огонь всякого искушения, особенно, если прибавить к ней тайную молитву сердца.

Колокол, привезенный на барке для Сурского храма.

Всякий грех, совершенный волею или неволею, тяготить душу и нарушает ее мирное состояние. Говорю из собственного опыта: с потерей мира, рождается тревога, смущение, теснота. О! Как тяжело бывает душе и как трудно ей снова восстановиться. Потребно немедленное, тайное покаяние, «воззовет ко мне и услышу его». Господь знает наши немощи. Он готов простить нам все, если мы каемся и просим прощения. Не надобно коснеть, т. е. останавливаться на мысли о совершенном грехе, а тотчас же каяться, памятуя милосердие Божие, тогда не тревога породится и рассеянность, а сокрушение и смирение сердца, которое и Бог не уничтожает, т. е. не презрит.

– Как сохранить в душе мир с Богом, восстановленный в ней чрез таинство, или чрез таинство покаяния милосердием Божиим?

О. И. Ничем так не сохранишь мир, состоящий в общении с Богом, как вниманием к себе. Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении должен неослабно внимать себе, т. е. замечать все движения своего сердца и ума.

За нами сильно назирает враг и ищет уловить их и когда найдет скважинку, т.е. минуту, не занятую вниманием самого домохозяина, тотчас же вторгается, начинает хозяйничать в его душе и много может навредить ей.

А как тяжело чувствует себя душа, когда очистившись и восстановив свое общение с Богом, опять согрешит! На чистом и балом виднее пятнышко и самомалейшее, так и на душе чистой, а в черном и грязном они и не заметны за общею чернотой. Опять так и выходит, что надобно внимать себе и иметь непрестанное памятование о Боге и внутреннюю молитву.

Встреча о. Иоанна в Суре

– Велика в вас вера, батюшка, а во мне недостаточна, поделитесь со мною.

– Бери сколько хочешь, сколько можешь понести – сказал о. Иоанн полушутя, потом проникновенно и совсем серьезно прибавил: – Господь богат милостью.

Еще чаще, конечно, «батюшка» беседует со всеми окружающими, назидая всех. 1 июля около 2-го часа пополудни о. Иоанн, читаем в записи игуменьи Таисии, вышел на трап (так как обычно предпочитает быть на свежем воздухе, чем в душных каютах); его окружили его спутники, давно ожидавшие его на пароходе.

О. Иоанн, всегда во всем ища пользы и назидания ближних, взял библию и стал вслух читать Пророков и Апостолов и объяснять читаемое; его окружили все, не исключая и служащих, только двое лоцманов, как стражи, стояли у колеса, но и те, кажется, внимали доносившимся до них словам доброго

пастыря и учителя. Так, в таком назидательном и приятном занятии незаметно прошло время до позднего вечера, когда все разошлись по каютам для ночного покоя, а неустанный труженик, благословив и отпустив всех, сам остался совершать свое молитвенное правило, так как на следующий день готовился служить литургию в Леушинском монастыре.

Леушинская обитель для о. Иоанна – место отдыха. Так как ему очень редко приходится отдыхать, то посмотрим, как он отдыхает здесь среди любимой им природы, среди уединения. Будем пользоваться записями игуменьи Таисии за 1896 год, хотя в нашем распоряжении есть и запись 1903 г.

К 8-ми часам утра о. Иоанн прибыл в обитель, где встречен был с колокольным звоном, возвещавшим о времени богослужения, и проследовал прямо в собор, в дверях которого был встречен местным монастырским причтом при пении сестер-певчих. Затем началось богослужение.

Несмотря на сенокосную пору и на непраздничный день, весь обширный поместительный храм обители был переполнен молящимися; кроме ближних были и дальние прибывшие из соседних городов: Рыбинска, Ярославля, Устюжны, Весьегонска и даже из Петербурга.

После литургии батюшка проследовал в келью настоятельницы, которая с искренним усердием и радостью предоставила высокочтимому гостю все свое помещение, с посильными удобствами. Пользуясь благоприятной погодой, батюшка вышел в сад; здесь подошли к нему некоторые из прибывших гостей и рассказали случай исцеления от воды колодца, вырытого в прошлом году по благословению о. Иоанна. Между рассказывающими был и сам исцелившийся, подтвердивший истину, крестьянин Череповецкого уезда, Павел Денисов: «Приехали мы с барином, – начал он, – сюда помолиться и, уже подъезжая к монастырю, я как-то оплошал, недоглядел глубокой канавы и попал передним правым колесом в нее. Тарантас опрокинулся, и я упал под ноги лошади, которая стала меня лягать и дергая тарантас, задевала и мяла мне правую сторону груди, плечо и руку. Почти без сознания я

поднялся на ноги; рука правая не владела и страшно ныла, я с трудом поддерживал ее левой рукой».

«Тут вспомнилось мне о колодце вашем, батюшка, я побрел на него и мне омыли водою из него больную руку. Не успел дойти от колодца до собора, как рука получила владение, и я стал ею креститься, как ни в чем ни бывало, и вот, слава Богу, я здоров. В соборе шла всенощная, после которой мне батюшка отслужил молебен при всем народе, все видели, как вели меня безрукого, и как я получил снова руку».

Интересна история колодца. Он вырыт в 1895 году при следующих обстоятельствах. Леушинский монастырь далек от реки и пользуется водою лишь исключительно из колодцев, которых в нем хотя и несколько, но все они в весеннюю пору пересыхали. Вода накапливалась медленно, с большим осадком песка, и полутысячное население обители (350 сестер, 60 воспитанниц, семейства причта, рабочие и постоянные богомольцы) принуждено было весною оттаивать снег для получения воды, или же терпеть лишение в ней, пережидая накопления ее в том или в другом колодце. В 1895 году настоятельница игуменья Таисия сообщила о сем существенном недостатке посетившему обитель отцу Иоанну и просила его указать место для рытья колодца и молитвою и благословением сделать его неиссякаемым источником воды на потребу живущих.

Крестный ход в Суре при освящении храма

Батюшка отвечал: «об этом надобно помолиться, чтобы указал Сам Господь». На следующий день, 16-го июля, в самый полдень батюшка, быв в саду, пригласил игуменью и подошел к алтарной стене домового храма (против горнего места) на расстоянии аршин 5 от стены, указал место для рытья колодца. Затем он возложил на себя епитрахиль, спросил Евангелие и прочитал 4-ю главу от Иоанна о беседе Спасителя с Самарянкою, благословил указанное место, окропив его св. водою. Тотчас же было приступлено к рытью колодца; вода в нем оказалась обильная, вкусная и, как доказывают примеры, благодатно-целебного свойства. Слава Господу, творящему дивная и преславная чрез близких к Нему и угождающих Ему людей!

Блюдо, поднесённое жителями с. Суры о. Иоанну

Вечером батюшка предложил игумении и более близко знакомым из гостей заняться слушанием его чтения и разъяснения священного Писания, и на этот раз избрал книгу Апокалипсис св. Иоанна Богослова.

В одной из аллей сада, близ пруда, все разместились вокруг стола, за которым дорогой батюшка начал свое чтение, прерывая его разъяснением и толкованием. Очевидно, что это доставило большое утешение всем слышавшим, и время незаметно пролетело до позднего вечера. Все, приняв благословение, разошлись на покой, один неусыпный молитвенник о. Иоанн долго еще оставался в саду для уединённого богомыслия и созерцательной молитвы.

На следующий день батюшка служил утреню и литургию, за которой все сестры обители сподобились причаститься Св. Таин, равно как и многие из посетителей, которые успели подготовиться к сему.

Далее день прошел также, как и предшествовавший; только вечером батюшка служил молебен с водоосвящением на своем колодце и тут же освятил вновь написанный для одной церкви большой крест с распятием и множество малых иконочек, коими при отъезде благословлял каждую из сестер обители.

Вечером батюшка снова читал в саду и объяснял читаемое. Наступил и 3-й, последний день пребывания в Леушинской

обители бесценного гостя. Батюшка по обыкновению совершал литургию и оставшиеся не причастившимися сестры сподобились Св. Причащения, а также и многие из посетителей.

Дни пребывания в Леушинской обители о. Иоанна были поистине днями общего праздника и торжества, днями общей радости, общего счастья и довольства. Любвеобильный батюшка сам как бы искал всех утешить, ободрить в подвигах нелегкой монашеской жизни, всех ласкал, и чувство благодатной, безграничной любви его как бы переливалось в сердца присутствующих и объединяло их тою искреннею детскою любовью, которая сообщает счастье и спокойствие душам, давая возможность хотя на время позабыть все житейское, суетное попечение. В день отъезда своего о. Иоанн кушал в общей трапезе с сестрами; он сидел на месте настоятельницы, которая между тем, говорила поучения сестрам о монашеской жизни.

Затем, посетив всех членов монастырского причта, батюшка прибыл в домовую церковь, где собрались все сестры в ожидании последнего прощального благословения; на всех лицах был отпечаток скорби о разлуке с безгранично любимым отцом-пастырем. Когда вошёл батюшка на солею, он, обратясь лицом к сестрам, сказал им такую речь:

О. Иоанн благословляет Сурскую обитель

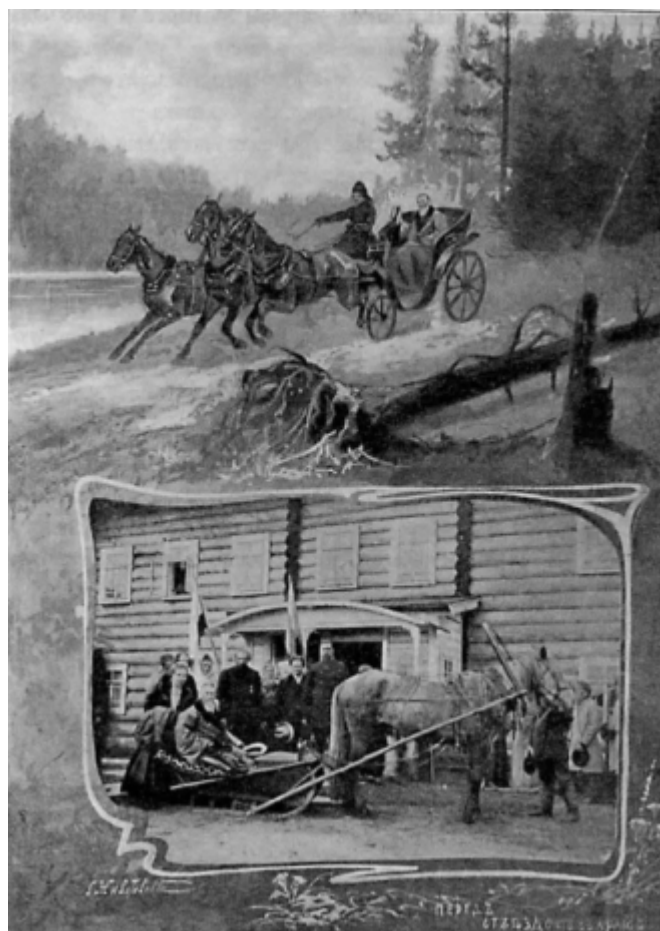
«Овцы гласа моего слышат и по мне грядут. И Аз живот вечный дам им» (Ин.10:27,28), сказал Господь. Слова эти относятся к вам, возлюбленные сестры; это вы овечки Христовы, послушавшие гласа доброго пастыря Христа, призвавшего вас к своему служению, исключительному от общего служения всех христиан, живущих в мире среди сетей и соблазнов. Услышали вы сладчайший глас Его в сердцах своих и пошли вслед Его, как выразился св. апостол Петр: *«се мы оставихом вся и в след Тебе идехом»* (Мф.19:27). Далее батюшка выяснил, при каких условиях это отчуждение от мира может быть приятно Господу, напомнил основные правила монашеской жизни, выполнение каковых требует mnogой и долговременной борьбы с помыслами и искушениями от плоти и мира и диавола бываемы, особенно от диавола, этого исконного врага спасения нашего, который непрестанно *«ходит, яко лев рыкающий, иский кого бы поглотить»* (1.Пет.5:8), т. е. кого бы

отвратить от пути спасительного. Он поощрял сестер в их духовном делании, ободрял упованием на помощь Божию, утешал обещанием от Господа награды в царствии небесном блаженства бесконечного, *«его же око человеческое не виде, ухо не слыша и на сердце человека не взыде»* (1Кор.2:9). «Итак, спасайтесь сестры, чада Христовы возлюбленные» заключил батюшка.

Общие слезы и всхлипывания заглушали последние слова его; все 300 сестер, как одна, восклицали в ответ ему: «Помолитесь за нас, дорогой батюшка, не оставляйте нас»! «Не оставляю, не перестану поминать вас, сестры, – ответил батюшка, – я всегдашний ваш молитвенник»! Затем он начал благословлять каждую из сестер, вручая ей иконочку или Св. Троицы, или Нечаянной Радости. Высокое, святое чувство наполняло души присутствующих в храме. Все плакали, расставаясь с бесценным благодатным отцом; у всех, казалось, одно слово просилось из уст: когда-то мы вновь увидим тебя, отче, и снова утешимся твоей сладкой беседой! Наконец, при пении «многолетия» батюшка стал садиться в экипаж; с ним села провожавшая его игуменья Таисия; в другие экипажи разместились спутники о. Иоанна и провожавшие его гости обители, и все направились к пристани «Борки», где ожидал их пароход.

Инокнии-певчие, оставшиеся на пристани, пели «многолетие» отплывавшему от них дорогому посетителю, и долго провожало это пение удалявшийся пароход. Добрый батюшка все время стоял на трапе, благословляя оставшихся на берегу, пока пароход совсем скрылся из вида.

А там впереди Петербург, Кронштадт и трудовые дни.

О. Иоанн, отец бедняков, сирых и убогих

О. Иоанн отпраздновал уже юбилей 25, 35, 40 и 45-летия. Каждый из них был торжеством всероссийским. Впрочем, в последнее время такой характер носят даже именины о. Иоанна.

Все, что касается «батюшки», касается всего русского народа. О. Иоанн бодр и здоров. Он отзывался своим словом на каждое общественное явление. Известно, что будучи сам по себе огромным «общественным» явлением, он не бегаёт деятельности общественной и в общепринятом смысле слова. Так, он создает в Кронштадте целую систему благотворительных учреждений, сконцентрированных около дома трудолюбия. Поучительна история происхождения этого дома. В Крон. Вест. за 1872 г. появляется такое воззвание:

«Кому не известны, – пишет батюшка, – рои кронштадтских нищих мещан-женщин и детей разного возраста? Кто не видал и того, что между нищими-мещанами есть много людей молодых и здоровых, представляющих из себя весьма жалкую фигуру по своей крайне грязной и изорванной одежде, трясущихся у преддверия храмов или лавок и заборов в ожидании подаяния от какого-либо благодетеля? Но всякий ли додумывается до настоящей причины такого множества бедных в Кронштадте?

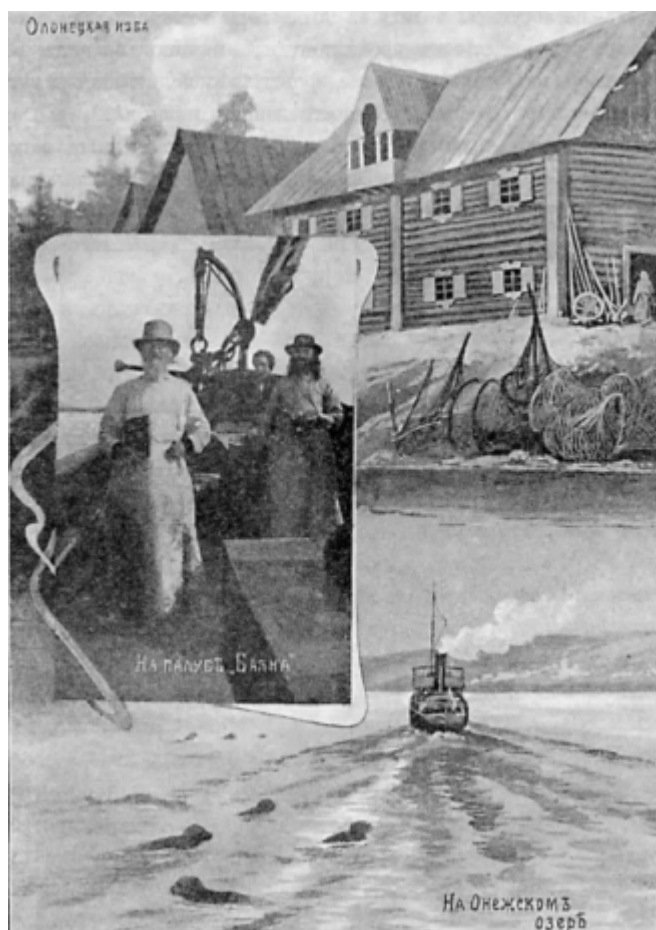
Вероятно, многим или некогда было вникнуть в истинную причину этого зла, потому что всякий преследует свои житейские цели, свои удовольствия, или многие останавливались на той мысли, что нищета – неизбежное зло всех городов, не исключая, конечно, и сел.

Многим гражданам, вероятно, и не приходилось видеть полную картину Кронштадтской нищеты, картину далеко неотрадную. Так позвольте же, достопочтенные граждане, остановить ваше высокое внимание и на действительных причинах нищеты и на этой картине нищеты. Это нужно для всех нас. Как не знать того, что так близко к нам, с чем мы живем, что составляет, так сказать, ежедневный фазис нашей жизни, хотя часто и не совсем-то приятный.

Причин кронштадтской нищеты и бедности множество, вот главные: бедность от рождения, бедность от сиротства, бедность от разных бедственных случаев, например от пожара, от кражи, бедность от неспособности к труду по причине старости или болезни, или калечества, или по маловозрастности, бедность от потери места, бедность от лени, бедность от пристрастий к хмельным напиткам. И в наибольшей части случаев, от недостатка труда и от недостатков средств, с которыми бы можно было взяться за труд: нет порядочной одежды, обуви, насущного хлеба, инструмента или орудия. Но от чего особенно много нищих именно в Кронштадте? В это тоже стоит вникнуть. Хотите удостовериться во множестве нищих в Кронштадте? Выйдите поутру, часов в 9 или 10 в субботу, и вы во множестве увидите их в гостином дворе и по всем улицам. В этот день они собирают милостыню, бывает им подача по 0,25 коп., редко по грошу, и вы уверитесь в справедливости сказанного.

Путешествие о. Иоанна на Север России.

О. Иоанн на Онежском озере.

Да это еще далеко не все: сколько есть больных, старых и малых, не могущих ходить за подаянием! Хорошо бы для ознакомления с количеством кронштадтских нищих привести в известность число их! А угодно кронштадтской публике видеть непривлекательную картину бедности наших нищих?

Вы заранее отказываетесь ее видеть, вы отворачиваете лицо! Не гнушайтесь, ведь это члены наши, ведь это братья наши, хоть и непривлекательные по наружному виду. Вот эта картина: представьте сырые, далеко ушедшие в землю подвалы домов некоторых улиц, в которых по преимуществу помещаются наши нищие; тут помещаются по 30, 40 и 50 человек в жилье, иногда положительно как сельди в бочке; тут и старые, и взрослые, и малые дети. Тут и младенцы, сосущие сосцы, в сырости, в грязи, в духоте, в наготе, а часто и в голоде. Интересующийся сам может проверить истину этих слов. Но к чему же я утомляю такой картиной воображения читателей,

привыкших к изящной обстановке? Не для того, конечно, чтобы читатель только сказал: слава Богу, что я не родился в бедности или не живу в бедности; слава Богу, что у меня есть капиталец и я беспечен; слава Богу, что я живу с комфортом и во всяком довольстве; или: я свою лепту вношу в богадельню, на приют, до этих нищих мне дела нет. Нет, господа, это дело касается до всех жителей города, как живущих на жалованье, так и купцов, мещан и прочих, имеющих какое-либо состояние.

В чем же дело? – спрашиваете вы. В том дело, чтобы всему Кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому образовать из себя попечительство или братство при разных церквях, по примеру существующих попечительств в С.-Петербурге, и соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища. Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемого дела: доброму делу поможет Бог, а где Бог, там скоро явится все как бы из ничего. Начальство города, конечно, будет этому содействовать и, если можно, уступить братству одно или два из ненужных казенных зданий, например, соляной пустой магазин против дома Касаткина, или одно из пустых зданий за канавой близ летнего сада, так как братство будет содействовать предначертаниям самого правительства о водворении между нищими труда и довольства. Ум хорошо, а два лучше; с миру по нитке – бедному рубашка; кто чем может, тем и поможет. Если городу угодно было принять к себе такое множество нищих – мещан, то он, конечно, должен взять на себя и обязанность занять чем-нибудь этих праздных людей, сделать их оседлыми. Иначе выйдет и возрастет неизбежное зло, воровство и грабительство, и мирные граждане не будут безопасны везде и всегда. Пора сделать что-либо решительное относительно Кронштадтских мещан – или устроить для них рабочий дом и для детей ремесленную школу, или же, как крайнюю меру, выпроводить часть их куда-нибудь в другое место. Итак, братья, все, кого интересует благо человечества, пусть соберутся и сплотятся в дружное общество и будем посвящать свои досуги и собирать нравственные и материальные силы сограждан на

приготовление дома трудящихся и на снабжение его потребными вещами, также и на устройство ремесленного училища».

Леушинский монастырь с северной стороны.

О. Иоанн среди инокинь Леушинского монастыря.

О. Иоанн читает Евангелие в саду обители.

Колодезь Леушинского монастыря. Пустынька «Крестик, основанная о. Иоанном

Через несколько времени появилось и второе воззвание глубокоуважаемого пастыря по тому же поводу. Он писал: «Муравьи делают муравейники, в которых им бывает и зимою тепло и сытно; звери логовища; пчелы – ульи; птицы – гнезда, пауки – паутины, а люди – дома, церкви, театры, мосты, железные дороги, броненосные суда, пароходы, крепости и проч. Всякому животному дано от Бога, вложено в природу его умение довольствоваться собой, защищать себя от вредного действия стихий, или от живых неприятелей.

А человека, существо Богоподобное в нравственном идеале, царя видимой твари, Бог наделил разумом, с помощью которого он изобрёл разные полезные науки и искусства, и так как человек создан для общежития, и все множество людей должно, по намерению Божию, составлять одно тело, а порознь члены, то для благоденствия и довольства, для удовлетворения многочисленных нужд человечества или обществ человеческих, премудрость Божия и наука, от Бога данная, сообщила каждому человеку, кроме общих, особенные таланты или способности и умение: иному власть, искусство, силу управлять людьми. Другому искусство и власть учить и назидать других; иному сочинять, составлять планы и проекты, а другим приводить их в исполнение. Иному искусство нападать на неприятеля или защищаться от него; тому умение вести торговлю, этому производить заводство или фабричное мастерство; иному дан

талант ковать или отливать; другому владеть долотом, топором и пилою; иному шить сапоги, а другому умение шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, иному варить и печь. Что касается Кронштадтского общества, то оно так населено и разнообразно, что в нем, по милости Божией, есть люди всякого рода, всякого дела, всякого умения, или искусства. Есть люди власти, капитала, по желанию и инициативе которых могут делаться всякие добрые дела; есть у нас и инженеры, и архитекторы, и лесовщики, и плотники, и столяры, и печники, и кровельщики, и кузнецы, и литейщики, и портные, и сапожники, и пекаря и кухмистеры. Но рука руку моет, и палец – палец; сильные должны носить немощи и немощных. При таком богатом разнообразии сил нашего общества, при такой его талантливости, при таком множестве людей и образованных, и дельных, и искусных, и с состоянием хотя и не громадным, было бы и пред Богом грешно и пред людьми стыдно оставлять такое множество наших членов (разумею наших мещан) оторванными от общественного тела, и от его благосостояния.

Отчего не связать их с общественным организмом, соорудив для них помещение и дав каждому из них дело, и тем более, что многие из них способны к разным мастерствам, и с делом, дав им хлеб и все нужное? Опять я обращаюсь к обществу с покорнейшею просьбою, обратить деятельное внимание на Кронштадтских нищих мещан, приписанных палатою к Кронштадту и не имеющих в нем никакой осёдлости, приискать или сделать для них общее помещение и каждому дать соответственно его силам труд, которым они могли бы кормиться или одеваться. Во имя христианства, во имя человеколюбия, гуманности взываю: помогите этим бесприютным беднякам; поддержим их нравственно и материально; не откажемся от солидарности с ними, как с людьми и собратами, и докажем, что чувство человеколюбия в нас еще живуче и себялюбие не заело нас».

О. Иоанн и игуменья Таисия, настоятельница Леушинского монастыря

О. Иоанн в саду Леушинского монастыря

«Так как прежде всего нужно здесь материальная помощь, то я делаю первый почин, вношу ежегодно в кассу общества, которое примет на себя хлопоты по этому делу, семьдесят рублей с тем, чтобы не подавать на улицах и у церкви нищим. Братья, во имя Христа и креста возвышаю мой голос: кто еще? Ужели муравьям и пчелам мы дадим преимущество перед собою? Теперь многим городам России известна Кронштадтская нищета; они ожидают, что мы сделаем что-нибудь к отвращению ее. Посещающие Кронштадт русские и иностранцы видят неопрятности наших нищих; нигде, говорят они мы не видали нищеты в таком жалком виде, как в Кронштадте. Как хорошо было бы по всем этим причинам устроить дом трудолюбия! Тогда бы многие и из них могли обращаться в этот дом с требованием сделать нам за известную плату то или другое

дело, ту или другую вещь, а мещане наши жили бы, да трудились и благодарили Бога, да своих благодетелей. И нравственно многие поднялись бы. А если бы кто, будучи здоров, не хотел работать, того из города долой! Кронштадт не рассадник тунеядцев. Други и братья! примите это заявление к своему сердцу, да поближе, как свое собственное дело. Некоторые не хотят слышать о рабочем доме, потому что, говорят, это есть карательное заведение, а мы не имеем права карать. Какое карательное заведение? *Это прямое добродетельное заведение: разве не доброе, не гуманное дело спасать людей от лености, праздности, апатии, тунеядства?* Если, спор из-за слов, то переименуйте название и назовите его вместо рабочего дома хоть муравейником, или пчельником, все равно, как хотите, только не откладывайте бы доброго дела, направляющегося на скорое исполнение, в долгий ящик».

Кронштадтский Дом Трудолюбия.

Мечты о. Иоанна осуществились. В Кронштадте создано и попечительство о бедных, и возник «Дом Трудолюбия». О деятельности этого учреждения лучше всего говорить речь членам Андреевского попечительства в день именин о. Иоанна. Они говорили:

«Ваше Высокопреподобие, отец протоиерей Иоанн Ильич! Бесконечно милосердный Господь даровал Совету Дома

Трудолюбия и попечителям Вашим сегодня великую радость: опять, как и в прежние года, принести Вам поздравление с днем ангела и видеть Вас в вожделенном здравии, исполненного той же благодатью небесной, привлекающей сердца людей и наполняющей их всеобъемлющей любовью. Здесь с Вами мы в царстве любви и чтобы не быть голословным, укажем на цифры отчета 1902 года добрых дел, совершенных Домом Трудолюбия на средства, даруемые Вами во Имя Господа, во Имя любви к меньшему ближнему брату.

Обучалось бедных детей бесплатно в народном училище 259 детей. В воскресной школе 153 чел. В мастерских 61 чел. Призревалось детей сирот в приюте 86, немощных старых в богадельне – 22. Пользовались трудовой помощью: в пенькощипной – 7281 чел., и в работной комнате 1482 женщины. Выдано из народной столовой бедным пищи бесплатно или за самую ничтожную плату 172.554 порции. В ночлежном приюте ночевало 33.204 чел. Пользовались даровыми и дешёвыми квартирами 90 бедных. Оказана денежная помощь бедным 8.539 руб. 49 коп. Кроме того, к праздникам Рождества и Пасхи оказана помощь бедным провизией, платьем, бельём и обувью.

Вышеприведённые цифры составляют итоги благотворительности Вашей чрез посредство Дома Трудолюбия за один только 1902 год; за все же время существования Дома Трудолюбия за 20 лет, с 1882 г. по 1902 г., передано Вами в кассу его с той же целью 731.216 р. 17 к.

Живи же, наш дорогой Благодатель, Пастырь и Начальник, еще многие годы, здравствуй, отогревай холодные сердца людей XX-го века и побуждай их на все доброе!»

Дом Трудолюбия, созданный о. Иоанном, включает в себе следующие учреждения: 1) пенько-щипная, в которой работает в течение года до двадцати тысяч человек; 2) женская мастерская; 3) сапожная мастерская; 4) бесплатная амбулаторная лечебница; 5) бесплатное народное начальное училище; 6) классы ручного труда; 7) бесплатная детская библиотека; 8) бесплатная народная читальня; 9) убежище для сирот и дневное пристанище; 10) комнаты для приезжающих в доме имени о. Иоанна; 11) народная столовая; 12) Дом

Милосердия имени о. Иоанна, служащий летом дачей для детей убежища (загородный приют); 13) рисовальные классы; 14) Дом Андреевского попечительства; 15) воскресная школа; 16) ночлежный приют.

Учреждена также книжная лавка, устроены огороды для снабжения овощами различных учреждений Дома Трудолюбия. Осмотревши эти учреждения попечительства, некто В. М. говорит: «Я видел «новый город», полный самой кипучей разносторонней и осмысленной деятельности». Деятели попечительства принадлежат ко всем классам общества, начиная от самого высшего, и кончая самым низшим. Между ними нет никаких разделений. Здесь все люди слились в одну семью и дружно работают совместно, не зная никаких разделений на партии, не выставляя на своем знамени не клерикализма, не земщины. Нужда и горе у всех людей одинаковы, и цель у всего человечества одна. Деятели Попечительства совершают великое, святое дело благотворительно-просветительной помощи, не задаваясь никакими партийными счетами. Они благотворят всем: «и образованным, и необразованным, лицам православного и инославного исповедания». Рука дающая не спрашивает того, кто нуждается, о его взглядах и верованиях, а помогает нуждающемуся. И она помогла многим из тех, которые не питали хороших чувств к православию, а теперь относятся к нему иначе. Помимо Дома Трудолюбия, бедные получают помощь и прямо от о. Иоанна. Откуда у него деньги? Их шлет ему Русь, которая считает его своим печальником и молитвенником. Суммы составляются из рублей и копеек. Здесь дар богача и лепты вдов и бедняков.

«Я воскрес сердцем и душой, побеседовав с о. Иоанном», – сказал один русский просвещенный человек, стоящий на важном посту. И немало таких воскресших в городах и селах, и на их-то лепты создаются приюты и школы, призревается дряхлость, просвещается юность, согреваются все те, которые дрогли годы от физического и нравственного холода. Люди, не расположенные и даже прямо враждебные о. Иоанну, часто говорят: «Что вы говорите о материальной помощи, оказываемой о. Иоанном. Ведь он не свои деньги раздает, а чужие, те, которые ему посылают». Что он дает из своих денег и не из своих – это не наше дело. Но вот что можно и надо возразить всем этим недоброжелателям: да почему же о. Иоанну посылают? Не потому ли, что ему доверяют, что уверены в том, что он лучше их самих распорядится деньгами? Ведь надо добиться, заслужить чем-нибудь такое доверие всей страны, всех людей! И не заслуга ли вызвать людей на такие

пожертвования, не заслуга ли в делании добра чрез тех, которые без этого не сделали бы ничего доброго, в употреблении на добро тех денег, которые пошли бы на дела совершенно противоположные? О. Иоанн не богач и лично не располагает такими суммами, какие он раздает. Но он умеет вызвать других на добро. В этом нет ничего такого, чтобы заслуживало укора. Так делали все отцы Церкви. Вспомним хотя бы святого Иоанна Златоуста. Находясь в изгнании и видя гибель христианского дела и торжество язычества, Златоуст посылал ...¹¹

О. Иоанн – друг трезвости

С первых дней своего пастырства о. Иоанн неустанно борется с недугом пьянства.

– Батюшка! – говорил о. Иоанну один писатель, – я всегда, а в настоящее время особенно настойчиво ратую против пьянства и спаивающих народ водкой. Но находятся люди, которые негодуют на это, говорят, что я пристрастен, что я преувеличиваю, что пьянство...

Глаза пастыря засверкали, он взял его за руку и вдохновенно произнес:

– Пишите, дорогой мой, пишите! Больше, больше пишите! Никого не слушайте, ни на кого не смотрите! Я благословляю вас на это! Вы получите заслугу от Господа, чем больше будете писать! Нет зла столь великого и губительного, нет врага сильнейшего, как народное пьянство. Хорошо делает ваш редактор, что восстал против этого врага Церкви, нравственности, семьи и народа от мала до велика. Ах, знаете ли, я видел доброго хорошего семьянина, который спился и с ножом бросался на жену, чуть не зарезал ее, а жена такая кроткая, добрая. Только вино, одно вино превратило этого семьянина в зверя! И сколько примеров! Пьянство не только есть непотребство, оно рождает массу других пороков и преступлений; оно развращает целые деревни, села, города!

Ребенок-идиот оказывается у отца, пившего запоем. Дитя хронически больное, оказывается, было зашиблено в пьяном виде нянькой. Юноша-пьяница оказывается сыном пропойцы отца, жестоко бившего детей во «хмелю»... Чахоточная мать жертва пьяных оргий мужа. Расслабленный «25-летний» старец – герой бесшабашных кутежей. «Нищий-миллионер» часто бывший мот и кутила, спустивший наследство разгулом. Кто не борется теперь с этим недугом? И правительство, и земство, и частные люди. Устраиваются различные больницы...

В своих проповедях о. Иоанн пишет против пьянства с чрезвычайной даже для него энергией.

«Никто еще не родился пьяницей, а сделался им в жизни, — пишет в одном месте о. Иоанн. — Конечно, часто наследственное предрасположение играет здесь роль, но корень и причина зла кроется внутри, в нас самих. Если сила веры властна настолько, чтобы поднять нас со смертного одра, то она имеет достаточно мощи заставить нас пить умеренно, то есть остановиться на той рюмке, после которой мы перестаем носить образ и подобие Божие, приближаемся к животному...

И еще: не бояться, а презирать мы должны врага. Плохой воин, который боится встречи с неприятелем. Если ты будешь бегать от водки, как от властного твоего соблазнителя, то рано или поздно попадешь к нему в лапы»...

По случаю пожара, истребившего девятую часть Кронштадта, о. Иоанн говорил: «Что навлекло на нас это бедствие? Грехи и беззакония наши. Ибо что ни воскресный или праздничный день, то у нас в городе пьянство, распутство, сквернословие, бесчинные драки, крики, разбои, истый Содом и Гоморра. За это после безумного веселья многих встретило великое горе, когда они увидели имущество свое в пламени. За грехи беззаконников пострадали и многие честные люди. Так на нас праведный Господь мгновенно посылает пламень огненный... И все мы не вразумляемся. Все продолжаем воспламенять души адским пламенем страстей. Все продолжаем с крайней неосторожностью играть огнем, этими дымящими трубочками из бумаги и одуряющего растения, и пресерьезно расхаживать с ними по улицам, переулкам, по чердакам и подвалам... А разве огонь игрушка?

Кстати; уже немного остается непчатых огнём мест. К слову, если все питейные дома и трактирные заведения у нас в городах и в воскресные, и в праздничные дни будут открыты с утра до вечера, и русский народ будет кощунственно в дни святые, Богу определённые, пить и напиваться, курить и накуриваться, то не мудрено, что в какое-нибудь столетие русские сами выжгут свои города. И сколько уже и теперь выгорело их?»

О. Иоанн Сергиев.

О силе влияния о. Иоанна на пьяниц лучше всего говорят следующие случаи. Приказчик лесной биржи А. В., пивший запоем, шел по Обводному каналу где-то у Варшавского вокзала. Видит около одного дома народ. Что тут такое – Отец Иоанн. Только ворота закрыты, не пускают.

«Я – говорит приказчик, – был совсем пьян, но захотелось мне увидеть батюшку. Стучу в ворота. «Василий – кричу, – отвори». Кричу так, не то наобум, не то еще как, но вижу отворяют. Впустили меня на двор. Вижу батюшка идет к карете. Я стал у кареты, отворил ему дверцу, сам стараюсь держаться поправее.

Он взошел в карету и смотрит. А я прошу про себя... Батюшка, не говори вслух какой я пьяница... Не оконфузь... И дрожу весь...

Потом взглянул ему в глаза, а глаза-то его смотрят на меня не то гневные, но глубокие без конца, чем дальше смотришь, тем глубже, и горят таким огнем, что мне стало жутко. Я за голову схватился, не в шапке мол я: так страшно стало.

Разгневался батюшка видно. Потом видно смиловался. – «Зачем ты, голубчик, пьешь?». Вот с тех пор я не пью».

Вот посмотрите, говорит г. Животову, автору книжки «Пьяницы у о. Иоанна», один из членов Андреевского попечительства, – на этого оборванца в лохмотьях, с испитым, изнуренным, опухшим и болезненно-бледным лицом. Только 8 лет тому назад он был купцом первой гильдии, имел дома, лошадей, роскошную квартиру. Можно ли этому поверить?

– Но что же с ним приключилось?

– Ничего более, как спился. Спился благодаря той обстановке, в которую попал. Ничего не поделаешь.

– А теперь?

– Теперь он пришел к отцу Иоанну. Батюшка принимает в нем участие, молится с ним; по-видимому, он теперь лучше себя чувствует. Вот вторую неделю не пьет и пришел в сознание. А то ведь что он выделял?!

– Расскажите подробнее его прошлое и познакомьте меня с ним.

– С удовольствием.

Мы подошли к оборванцу. Он испуганно взглянул на меня и сразу как-то съежился, ушел в себя; видимо, он чувствовал себя очень неловко и конфузился.

– Разве вы меня знаете? – спросил он, потупившись.

– Нет, первый раз вижу. А что?

– Я не хочу встретиться с теми, которые знали меня раньше, прежде, когда я...

– Иван Петрович Б–в, представил мне оборванца мой собеседник.

– Какой там «Иван Петрович», просто проходимец Б–в, прошептал он.

– Не вы первый и не вы последний, – сказал ему член попечительства; вы счастливее других, которые не сошли со своего ужасного пути. А вы теперь на дороге к святому будущему.

Б–в горько улыбнулся.

Мы перешли в отдельную комнату «Дома отца Иоанна» и приказали подать чаю.

– Расскажите нам ваше прошлое, обратился я к Б–ву: это назидательно выслушать тем, которые еще только что вступили на ваш путь.

– Хорошо... Тайны у меня нет. Слушайте.

Б–в начал:

«Я получил от отца дом и тысяч полтораста капитала. Кроме того, за женою мне дали триста тысяч. Кажется, состояние крупное, и я мог бы с такими средствами не только безбедно прожить свой век, обеспечить семью, но и принести пользу отечеству, как гражданин, предприниматель, промышленник, производитель, капиталист. Ведь я человек образованный, был на службе.

Б-в задумался. На лбу образовались крупные складки, на глазах выступили слезы.

– Да будут прокляты все эти ликеры, редереры и клико! О, о! С какою радостью согласился бы я теперь вытянуть все жилы, отдать по каплям всю кровь, пожертвовать жизнью, лишь бы вернуть это прошлое, вернуть не столько деньги, сколько пропитую совесть, честь, нравственность, силы, бодрость тела и духа! Те-пе-рь! Почему теперь?! Потому что здесь в Кронштадте, в этой скромной тихой обители Кронштадтского пастыря, открылись мои духовные очи.

Б–в стиснул зубы, и на лице его отразилась нестерпимая мука, та душевная боль, в сравнении с которой страдания физические кажутся пустяшными.

– Так вот я вам расскажу... Донон, Контан, Пивато и «Медведь» свидетели того, что я платил по 3 руб. за штуку сигар и по 2,5 руб. за рюмочку старого вина. Они же свидетели, что я отдавал, иногда подряд несколько дней, по 400–600 рублей за обед или ужин «вдвоем». Но этого мало; я настолько награждал под пьяную руку своих спутников, что приходилось расплачиваться векселями, хотя в кармане меньше 2–3 тысяч никогда не держал. Один ресторатор расскажет вам, как шесть дней подряд я не выходил из его апартаментов, разумеется, в обществе милой компании. А три мои поездки за границу? Лучше не рассказывать подробности! Когда наличные суммы иссякли и пришлось платить по векселям, я заложил дом, но

нисколько не сократил расходов. Мне казалось, что иначе нельзя жить! Все это невозможно, и я заложил дом под вторую закладную, стал закладывать бумаги, брильянты. Так протянул около года, пока кредиторы разом нагрянули, продали квартиру, вещи и перешли мы с женой и детьми в меблированную комнату. Ни средств, ни надежды впереди. Сразу я перешел на сивуху, стал пить запоем и со ступеньки на ступеньку дошел до ночлежного дома; жена ходила стирать поденно.

Б-в зарыдал и откинулся на спинку стула.

– Боже, Боже, как гадко, пошло прожито, но еще гаже и подлее моя кабацкая жизнь.

И этого-то «погибшего» о. Иоанн спас силою своей молитвы и силою пастырского воздействия. Спасение произошло так.

Отец Иоанн заметил Б-ва в толпе в «Доме Трудолюбия» и сам велел ему приблизиться. Трудно, почти невозможно передать впечатление, которое произвел на него Кронштадтский пастырь, и те чувства, которые он испытывал в эту знаменательную минуту.

Еще при входе в Андреевский собор Б-в услышал звонкий отчетливый голос, читавший часы. Этот голос проник в самую душу и действовал, как целебный бальзам на рану. Каждое слово отзывалось в мозгу, и мысленно Б-в его повторял, чувствуя, что этот голос, эти слова производят в нем внутренний переворот. Точно воск около огня, таяли горести, злоба. Мрачное настроение сменялось каким-то тихим, радостным состоянием. Он постепенно забывал все настоящее и уносился куда-то далеко-далеко, в хороший, неведомый мир. Не надо было спрашивать, чей это голос. Читал о. Иоанн, Б-в не спускал глаз с царских врат. Молиться он не мог. Ведь ровно двадцать три года он не был в храме Божиим, и 23 года уста его не произносили молитвы! Б-в никогда не был атеистом и еще меньше врагом религии, а просто относился к вере совершенно равнодушно, и ему не приходилось думать о церкви, молитве, Боге, Спасителе. Не шло все это в голову, некогда было сосредоточиваться, да и желания не являлось задаваться религиозными вопросами. Жил, как живут тысячи других. А в эту минуту в душе у него делалось что-то небывалое. Он

испытывал незнакомое влечение к чему-то неземному. Душа рвалась в какое-то неопределённое пространство, где нет ничего тленного, житейского, обыденного. Пред глазами рисовались образы, которым учили нас в детстве, но которые давно заволокло туманом: Образ распятого Спасителя, кроткий лик Божией Матери, легион ангелов, поющих хвалебные гимны. О, как хорошо было в ту минуту на душе! Он дрожал весь от избытка новых сладостных чувств и упал на колени, перенесясь мыслью на небо, к престолу Царя царствующих, Господа господствующих.

Вот началась литургия. Опять знакомый отчётливый голос. Но Б-в не встал с колен и не хотел отрывать мыслей от неба. Никогда в жизни, в лучшие годы своих кутежей, он не чувствовал себя так легко, радостно, хорошо... Он не смел обратиться к Богу с молитвой, считая себя недостойным вступить в беседу с Отцом небесным. Но и вернуться к земному ни за что не хотел. Ему жаль было потерять это мысленное созерцание небесных величий. Он оставался немым свидетелем у подножия престола небесного. Кончилась литургия, народ заволновался, все двинулись к св. причастию. Пришлось и ему встать. Тут он увидел священника с чашей, – самого обыденного священника, худощавого, небольшого роста, с бородой и синими кроткими глазами. Мог ли он сомневаться, что это был *он*? Да, из тысячи священников он узнал бы его по этим глазам и этому выражению лица!

Образ священника и его взгляд, устремленный на него, были так живы в мозгу, точно наяву... «Иди в Дом Трудолюбия», говорил ему этот образ... Куда? Какой «Дом Трудолюбия»? Он остановился на улице, стал смотреть кругом и увидел большую вывеску: «Дом отца Иоанна»... Народ столпился там... Побежал и Б-в... Их впустили в общую залу, где было уже человек 200 богомольцев... Б-в прижался в самом задку около стенки... Прошло с полчаса. Общее движение и волнение голов возвестило прибытие отца Иоанна... Знакомый голос раздался за решёткой, ограждающей иконы и приспособления для водосвятия. Б-в не решался идти к св. кресту. Ему казалось, что о. Иоанн прогонит, закричит, предаст анафеме. Он все

больше жался к стене, прятался за спины других. И вдруг опять тот же пристальный взгляд, пронизывающий до глубины души. Опять он точно манит, зовет. На этот раз ему не казалось. Он видел, что толпа раздвинулась, давая ему дорогу, а соседи схватили его за руки:

– Что ж ты не идешь, батюшка зовет тебя, иди скорей.

Вся кровь бросилась ему в голову. Он точно горел, перестал видеть, слышать и очнулся только тогда, когда почувствовал на своем плече руку отца Иоанна и услышал его тихий голос:

– Ты ведь ко мне пришел. Хорошо сделал; давай, помолимся вместе. Ты очень несчастен, но пути Господа неисповедимы... Мы не знаем, какою дорогою Он поведет нас к Себе. Но ты идешь к Нему, и это – великое счастье для тебя. Не сойди только с пути своего. Господь да укрепит тебя... Давно ли ты перестал пить?..

– Перестал пить? – переспросил он. – Но откуда же вы, батюшка, знаете, что я пил и перестал пить?

– Нетрудно, сын мой, – ответил батюшка, – узнать в тебе несчастного пьяницу. Ты не злой человек, христианин не умер в тебе, но враг победил тебя, забрал в руки и вот куда привел. Но могло хуже быть. Враг мог погубить душу твою. Ты мог умереть во грехе, без покаяния. Возблагодари Господа за милость Его и проси помощи Его в борьбе с врагом!

Отец Иоанн отвел его в сторону к св. иконам, и Б–в опустился на колени. Первый раз за 23 года Б–в возвел очи к небу, и губы его прошептали слова молитвы. О, что было у него за состояние! Он трепетал от какого-то радостного волнения. На душе сделалось так легко, как не бывало никогда. По лицу катились слезы. Он примирился в эту минуту со всеми в мире, со всеми врагами и недругами. Ему хотелось всех их обнять, чтобы им всем было так же хорошо, как ему в эту минуту.

– Благий Человеколюбче! Иже тварь единым словом соделавый и из нее человека создавый, посети же неизреченным Твоим человеколюбием падшего сего раба, яко да не погибнет до конца дело руки Твоя... Господи! Имя Тебе – Любовь; не отвергни меня, заблуждающегося человека. Имя

Тебе – Сила: подкрепи меня, изнемогающего и падающего. Имя Тебе – Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебе – Мир: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебе – Милость: не переставай миловать меня,

С каждым словом молитвы слезы умиления, раскаяния и радости душили бедного пьяницу все более и более, пока он наконец не зарыдал. С ним сделался истерический припадок. Когда он пришел в себя, о. Иоанна уже не было. Комната была пуста, только член попечительства Х-в оставался около него по просьбе батюшки, которому необходимо было ехать.

– Батюшка сказал, чтобы вы на днях пришли на исповедь и причастились св. Таин у него. Если у вас нет денег, батюшка оставил вам 10 рублей, – сказал г. Х-в.

Эти десять рублей были для Б-ва очень дороги, потому что и он, и семья несколько дней уже голодали. Жена откуда-то добыла 50 к. ему на дорогу в Кронштадт, а сама, верно, осталась с детьми без гроша. Счастливый, радостный вернулся Б-в домой. Давно не видала его семья таким. Сейчас же они перебрались в светлую комнату, купили пищи, сапожки детям. На новоселье все вместе помолились. Раньше у них не было принято читать молитв, в последнее время не было даже иконы. Дети не знали «Отче наш». Теперь решили молиться все вместе каждое утро и вечер. Тихо, мирно и счастливо прошел этот день. На следующее утро Б-в пошел на Никольскую площадь и нанялся поденщиком катать дрова. Это были первые деньги (1 р. 10 к.), которые он *заработал* своим трудом. До сих пор он только проживал, тратил и мотал. Он даже не наживал, не хотел сделать какой-нибудь оборот, располагая значительными средствами, а уже заработать, правду сказать, и не сумел бы: ведь он ровно ничего не знал, не умел и ничему не учился. Теперь он воистину *заработал*, протаскав нагруженные тачки с 7 час. утра до 9 вечера. И странно! Он не ощущал никакой тяжести, не чувствовал утомления и рвался работать, точно хотел наверстать этим потерянное, прожитое, миновавшее, заглушить совесть. Физическая простая работа была для него еще тем приятнее, что он мог мысленно сосредоточиваться на своих новых впечатлениях и

переноситься далеко-далеко в небесную лазурь, где его взору представлялся престол Всевышнего, царство мира и добра. Ах, как хорошо жить душою, как можно больше там, там! Какими пустыми, ничтожными кажутся все наши «злобы», когда перенесешь мысль с неба на землю! Там вечность, слава, мир, служение престолу Творца, а здесь – хлеб плохо сегодня выпечен, водка разбавлена водою, или рюмка пятакком дороже и т. п. И из-за этого люди готовы подымать скандал, шуметь, драться, судиться... А радость духовная? Может ли она сравниться с радостью земною? Он имел постоянную ложу в театре, был знаком со многими «звёздами» балета и оперетки, пил как воду лучшие заморские вина, и в результате – зевал, страдал головными болями, скучал и часто жалел потраченного времени, сил. Всякое удовольствие было дорого и желательно, пока нельзя было его получить, а как только получал, чувствовал пустоту, скуку. Разве это настоящая радость, наслаждение? А теперь, когда он молился, и когда вся душа его трепетала, все фибры его тела немели в тихом, нежном покое, когда сердце переполнялось восторженным порывом, – он воистину был счастлив, счастлив так, как раньше не имел даже представления, понятия. И это счастье ни от кого не зависело, никто не мог его похитить, оно всегда с ним, при нем и в нем. Бывало, считаешь себя «счастливым» в обществе какой-нибудь красавицы, – думал он. Но эта красавица упорхнет, оставит пустой бумажник, и счастье превращается в мираж. Да и какое это «счастье», когда оно несет одни страдания, болезни и разочарования. Новое же счастье, которое он нашел, не только постоянно, прочно, неизменно, но оно и *вечно*. Это счастье самую смерть делает радостной...

Три дня Б-в катал дрова... Сильный, здоровый, бодрый, веселый, он, казалось, был совершенно доволен своею судьбой... Семья повеселела, была сыта и тоже довольна. Рубля с гривенником без пьянства хватало за глаза на все скромные нужды... У них получились даже сбережения, так что на четвертый день Б-в не пошел работать, а с первым пароходом поехал в Кронштадт к о. Иоанну...

– Прежде исправь свою жизнь, а потом приступай к св. Тайнам, – звучали у Б-ва слова батюшки...

Но он, кажется, исправил свою жизнь! Он примирился со всем светом, со всеми друзьями и недругами, с обстановкой, работой... Примирил душу свою с церковью, блудным сыном которой он пробыл 23 года! Но ему предстояла еще нелегкая задача – *загладить прошлое*, загладить добрыми делами. Как я, простой дровокат, хотя и кончивший гимназию, владевший когда-то домами, могу сделать кому-нибудь добро? Какие добрые дела я могу творить? С такими мыслями сел он на первый пароход и поехал в Кронштадт...

Отец Иоанн служил раннюю обедню в церкви городской думы в тот день, когда Б-в с первым пароходом приехал в Кронштадт. Служба уже началась. Б-в с трудом пробрался в храм и стал в отдалении. В церкви была масса причастников. Их не трудно было отличить по праздничному наряду и особо благоговейному настроению. Б-в опустил на колени. Он чувствовал себя совершенно спокойно, как человек, который долго что-нибудь искал и нашел, и, после прилива первой радости, успел освоиться с мыслью о находке. Его спокойствие граничило с состоянием полного счастья и довольства. Если бы его спросить в эту минуту, чего он желал бы больше всего, он ответил бы: остаться здесь.

Он уже не боялся возносить мысли свои к небу, присутствовать духом пред престолом Всевышнего и молиться горячо, сердечно. Напротив, он чувствовал себя *так*, как в родном, близком и дорогом доме, как в нежно любимом отечестве. Ничто не нарушало его спокойствия, не отравляло его самого радужного настроения духа и не расстраивало нервов. Даже со своим прошлым он примирился, как с неизбежным, которого вернуть невозможно!

Как только о. Иоанн вышел со св. чашею, Б-в поспешил покинуть храм.

– Но неужели я не увижу еще дорогого батюшки? Неужели я не получу его благословения? – думал он.

– Куда же вы пошли? – окликнул кто-то Б-ва, назвав его по фамилии.

Он несколько испуганно обернулся на оклик. Перед ним был член попечительства Х.

– Я отстоял обедню, хочу на пароход, – отвечал Б-в, как бы машинально.

– Пойдите. Батюшка хотел вас видеть. Идите в «Дом Трудолюбия». Знаете, вам место нашлось: управлять домом и вести агентуру заграничного асфальта. Хорошее место.

– Помилуйте. Я ничего не знаю и не умею. Я все еще не могу научиться тачку возить! Спасибо товарищи учат и помогают.

– Ведь это батюшка вас рекомендует. Вы постарайтесь оправдать его доверие: он очень к вам расположен...

– О, если бы мне под страхом смертной казни велели выпить теперь рюмку водки, я не согласился бы ни за что! Одно воспоминание о прошлом заставляет меня дрожать от ужаса.

– Это прекрасно, но вы помните, что тело ваше слабо, а враг силен и караулит вас каждую минуту... Соблазна больше, чем мы думаем, и поэтому часто гибнем там, где меньше всего ожидаем... Старайтесь чаще всего видаться с батюшкой, чаще говеть и как можно больше молиться. Помните, батюшка говорил: «Молитва – вода живая, которою душа утоляет жажду свою»...

– Да я счастлив никогда не терять батюшки из виду...

– А вот хотели ехать, не получив благословения... Пойдемте.

Они вошли в отдельный номер «Дома о. Иоанна» и остались ждать. Отец Иоанн пришел только через час, и сейчас же пожелал видеть Б-ва.

– Ну, как ты работаешь? Я молился за тебя. Бог дал тебе покаяние. Ты можешь совсем теперь исправить свою жизнь.

Б-в упал на колени и припал к одежде пастыря. Его душа была переполнена счастьем.

– А когда ты думаешь говеть у меня?

– Батюшка, я еще не могу. Я не достоин.

– Кайся, кайся. Приди ко Христу с верою и покаянием, и Он даст тебе мир. Когда приготовишься, приходи, я исповедаю

тебя. Нет ли врагов у тебя, не обидел ли кого? Припомни и примиришь, раньше, чем приступить к св. Тайнам.

Б-в молчал и тихо плакал.

– Господь сказал: «Где двое или трое собрались во имя Мое, там Я посреди их». Вот нас с тобой двое, и Господь среди нас. В присутствии Господа я желаю тебе навсегда расстаться с порочною жизнью, перестать пить и кутить, начать новую трудовую жизнь и славить имя Его пресвятое!

О. Иоанн положил на голову бедняка руку и троекратно перекрестил его. Нервная дрожь прошла по всему телу Б-ва. Ему казалось, что он получил извне новую силу – мощную, несокрушимую. Когда он поднялся с колен, батюшки уже не было.

Б-в больше теперь не пил. Дела его быстро поправились.

В те времена, когда Б-ва окружала роскошь, богатство, толпа льстецов и прихлебателей, он не чувствовал в себе столько сознания собственного достоинства, как сейчас. Конечно, это достоинство всецело относилось к духовному общению со Спасителем, но, тем не менее, косвенно оно влияло и на него самого. Это «общение» он хранил и почитал, как величайшую драгоценность и залог своего существования.

Жена и дети его воскресли к новой жизни, помолодели, поздоровели. Для детей намечены уже были школы, никто не знал больше никакой нужды ни в чем...

Вот и еще другой подобный пример.

Был в Петербурге довольно крупный серебряник. Он был человек семейный и на 32 году жизни, когда у него было четверо детей, жена и старуха мать, начал пить запоем. В это время дела его шли блестяще. Он имел капитал, много выгодных заказчиков. В мастерской у него работало до 25 подмастерьев, так что производство его можно было назвать почти фабричным.

Петр Ермолаевич человек был тихий, хороший семьянин, и хотя с слабым характером, но добрый и отчасти даже набожный. Пить он начал в компании приятелей, приучаясь ими постепенно просиживать целые вечера в трактирах.

По мере того, как он делался постоянным гостем трактира, увеличивалась его компания собутыльников. Он приучался все больше выпивать, все меньше занимался в мастерской своим делом, скучал в своей семье, дома бывал зол и раздражителен, перестал следить за заказами и т. д. Благодаря этому его фирма потеряла репутацию аккуратной, исполнительной и добросовестной мастерской. Число заказчиков начало быстро уменьшаться. Отказались от службы лучшие подмастерья, словом, все пошло к упадку. Все это еще больше повлияло на П. Е., и вот он начал уже пить запоем. Домой является бесчувственно пьяным, опохмелялся с утра полштофом и уходил в трактир, где просиживал теперь сплошь целые дни. Мало по малу дошло и до закрытия мастерской. П. Е. пропивал вещи свои и чужие, бил без причины жену и детей, крал в семье даже необходимые предметы, продавал их для выпивки. С трактира ему пришлось перейти на кабак, потому что в последнем водка наполовину дешевле.

В 2,5 года от достатка и приволья Петра Ермолаевича осталось одно воспоминание!.. Жене удалось как-то с детьми уехать на родину в деревню, а П. Е. сделался настоящим «золоторотцем» в рублище, ночуя сплошь и рядом под забором или, в лучшем случае, в ночлежном приюте. В берлогах и отвратительных трущобах П. Е. встречал таких же, как и он, голодных, оборванных забулдыг, которые жили когда-то также не хуже его: в достатке, приволье, счастье, почти богатстве...

Лет 5 считался П. Е. горьким пьяницей, пропивая всякий грош, который ему удавалось достать. Он пробовал служить, но после первой же получки жалованья исчезал. Его снова встречали с подбитыми глазами, опухшим лицом, с трясущимися руками и ногами. Несколько раз попадал он в нищенский комитет, в больницы, и раз даже его заподозрили в краже, хотя до преступления он все-таки не доходил. Казалось, П. Е. все потерял. Из прежних собутыльников и знакомых никто его не узнавал, а внешний его вид как бы говорил, что ему не остается ничего другого, как просить у Бога прекращения своей страдальческой жизни.

Еще в хорошие времена своей жизни П. Е. слышал об отце Иоанне Кронштадтском. В одну из минут невольного (за отсутствием «пяточка») отрезвления, он вспомнил о Кронштадтском пастыре.

– И у меня точно упало что-то внутри, – рассказывает Петр Ермолаевич, – так стало весело, радостно на душе. За все время моего пьянства у меня не было более приятного душевного ощущения... Я упал на колени, пробовал молиться – не мог; слова молитвы не шли на память... Я решил сейчас же идти пешком в Ораниенбаум, оттуда как-нибудь пробраться в Кронштадт.

Сказано, сделано. П. Е. направился к Балтийскому вокзалу. Было лето. Начинало смеркаться, и Петр Ермолаевич в ночь тронулся по шпалам в путь... Он шел бодро. На душе было легко, как не бывало с начала трактирного сиденья. Все мысли, все надежды этого получеловека, почти потерявшего «образ и подобие», сосредоточивались на отце Иоанне, которого он никогда еще не видал и о котором никогда прежде не думал... Вот он уже в Ораниенбауме. Не имея у себя ни гроша денег, П. Е. хотел было вернуться обратно. Но какой-то внутренний голос заставил его смешаться с толпой и бежать на пристань...

– Отец Иоанн, отец Иоанн, – слышал он кругом.

Большого труда стоило П. Е. протискаться в толпе так, чтобы взглянуть на своего «избавителя», от которого теперь зависела вся его будущность.

Петр Ермолаевич так сроднился теперь с мыслью о своем возрождении через о. Иоанна, что потерять эту надежду для него значило бы потерять все...

Вот он увидел приближавшегося пастыря, которого, казалось, толпа несла на своих плечах... Он увидел это ясное, с выражением великой любви лицо священника, и весь задрожал от волнения, объятый каким-то благоговейным трепетом... Отец Иоанн в это время поравнялся с ним... Не помня себя от избытка чувств, охвативших его точно морским приливом, и не будучи в состоянии произнести ни слова, П. Е. упал на землю под ноги о. Иоанна. Рыдания сдавили грудь несчастного пьяницы, в глазах его потемнело.

– Батюшка, – простонал П. Е., с трудом догоняя удалявшегося о. Иоанна.

Отец Иоанн остановился и повернулся к бежавшему мелкими шагами оборванцу. Они встретились лицом к лицу... П. Е. почувствовал на себе взгляды «батюшки». Он не мог выдержать прилив чувств и упал в ноги, крепко ухватившись за рясу о. Иоанна.

– Встань, голубчик, – ласково, но твердо, почти повелительно сказал пастырь, – пойдем на пароход.

П. Е. вскочил, как бы от действия электрического тока, и, не смея поднять глаз на священника, пошел сзади. На пути попадались встречные, подходившие под благословение. П. Е. казалось, что они как-то враждебно на него смотрят, точно он провинился перед ними.

Вот и пароход. Отец Иоанн, не оборачиваясь, прошел по трапу на пароход. П. Е. – за ним. Скоро по отходе парохода с пристани, матрос обратился к нему со словами:

– Пожалуйте в рубку, вас батюшка просит.

Батюшка сидел в каюте, когда П. Е. вошел, едва передвигая ноги и низко опустив голову.

– Здравствуй, подойди ближе, – сказал отец Иоанн своим мягким голосом, – как зовут тебя?

– Петром, – прошептал я, не смея двинуться с места.

– Ну, подойди, Петр, сядь вот тут со мной.

Отец Иоанн указал мне место рядом с собой, и я машинально исполнил его приказание, несмотря на то, что сидеть рядом с батюшкой считал чуть ли не святотатством.

– Расскажи же мне свое прошлое. Как дошел ты до этих лохмотьев? пил, верно?

– Пил, батюшка, – рыдая повторил я.

– Ничего, ты успокойся. Помни, что любящим Бога все во благо... Если ты потерял все, но помнишь и любишь Бога, ты еще ничего не потерял. Мало хорошего дойти до этого рубища через кабаки; но кто знает, какими путями ведет нас Господь к Себе. Может быть, иначе ты никогда и не вспомнил бы о Боге, о славе Его, для которой мы должны жить. Всякое дыхание хвалит Господа, травка – и та Его хвалит, а ты человек, отец

семьи, быть может, хозяин многих рабочих, ты сам забыл Бога и другим мешал Его славить...

Чем больше говорил батюшка, тем легче становилось на душе П. Е. Сердце его билось с такою силой, точно хотело разорваться. Все существо было переполнено каким-то радостным трепетом.

– Для человека страшно духовное рубище, а не тленное. В лохмотьях можно быть глубоко счастливым и уготовить себе жизнь вечную, а в нищете духа никакие сокровища земные не дадут человеку ни счастья, ни спасения...

Разговор продолжался в том же направлении. П. Е. становился с каждым словом воодушевленнее. Рыдания стихли, в голосе слышалась твердость, даже некоторая уверенность. Превращение из робкого, приниженного, забитого оборванца в человека с твердой волею, решимостью и почти восторженностью совершилось так быстро, что П. Е. не доставало только костюма, чтобы сделаться совершенно неузнаваемым. Об этом превращении П. Е. до сих пор вспоминает, как о важнейшей минуте в своей жизни. Он вырос в собственных глазах. Он почувствовал в себе то человеческое достоинство, которое он обязан охранять пуще всего в жизни, и в душе своей ощущал наплыв небывалой еще радости. Когда пароход пристал к пристани, П. Е. не прятался уже в темноту и не опускал низко голову. Напротив, он весь выпрямился, слегка откинув назад головы, и каждое движение сопровождалось такою уверенностью, точно его кто сейчас произвел в коммерции советника или наградил большим орденом...

– Ты найди себе ночлег где-нибудь, а завтра приходи к ранней обедне, в собор. Мы помолимся с тобою, потом ты исповедуйся, причастись св. Таин и поезжай обратно в Петербург.

Отец Иоанн протянул руку П. Е., и он почувствовал присутствие бумажек.

– Возьми, это тебе пригодится. Тебе надо одеться и привести себя в порядок.

П. Е. хотел что-то сказать, протестовать, но на пароход хлынула уже толпа. Отец Иоанн в одну минуту оказался

окруженным, и П. Е. не мог более до него пробраться.

Петр Ермолаевич нашел в руке 94 руб. Такой суммы он не имел уже несколько лет, но деньги нисколько не радовали его, и он совершенно равнодушно сунул их в карман своей дырявой куртки. Где-то на башенных часах пробило два. В Кронштадте все было закрыто и тихо, улицы пустынные. Начинало светать, П. Е. пошел бродить, отыскивая Андреевский собор. Ходить пришлось долго, пока на загоравшемся горизонте не обрисовался высокий купол и колокольня белого собора. Обширная площадь, красивая железная решётка, безукоризненная чистота и мощный вид огромного, совсем нового, точно сейчас только выстроенного собора произвели на П. Е. отрадное впечатление.

Он поднялся по ступеням на паперть, стал на колени и принялся молиться... Долго простоял так оборванец в таком положении, но никак не мог сосредоточить свои мысли на Боге, не мог забыть все окружающее и отдаться молитве.

С первым ударом колокола потянулись к собору вереницей богомольцы. По всем улицам, примыкающим к собору, шла целыми партиями самая разнообразная публика. Женщины с детьми, купцы, чиновники, офицеры, старики и молодые. П. Е. диву дался: точно в Светлое Христово Воскресенье народ спешил к заутрени.

Когда кончилось богослужение, народ не «повалил из церкви», как всегда бывает при «шапочном разборе». Напротив, все остались на своих местах и только ближе столпились около амвона. Каждый ждал... Кто благословения, кто исповеди, кто имел просьбу к батюшке, словом, у всех было какое-нибудь «дело».

– Пойдем, я тебя исповедую, а завтра за ранней обедней ты приобщись св. Таин, сказал о Иоанн Петру Ермолаевичу.

Они пошли в сторону к аналою.

Исповедь сопровождалась продолжительным наставлением пастыря, после чего он встал на колени рядом с серебряником и помолился. Благословив затем исповедника, батюшка сказал:

– Иди с миром и старайся не грешить. Не допускай прежде всего мыслей греховных: после мыслей придут дела худые,

тогда труднее бороться. Если почувствуешь тяжесть борьбы и увидишь, что тебе не справиться самому со злом, беги к духовному отцу своему и проси его приобщить тебя св. Таин. Это великое и всесильное оружие в борьбе с пьянством. Не стыдись перед священником назвать свой грех настоящим именем и не скрывай его в душе своей. Иначе нельзя получить прощения и силы в борьбе. Православная церковь никому из сынов своих не отказывает в св. Таинствах, а литургия совершается у нас ежедневно. Ступай...

Впоследствии Петр Ермолаевич много и охотно рассказывал о «сильном душевном потрясении своем» после исповеди. На другой день он причастился Св. Таин, предварительно переменяв свой внешний вид. В Кронштадте же он купил себе бельё, платье и вернулся в Петербург вполне приличным господином. Прежде всего он нанял небольшую квартиру, купил верстак и оставшиеся 13 руб. послал жене, прося ее сейчас же ехать к нему вместе с детьми.

– Я, по милости Божией и молитвам о. Иоанна Кронштадтского, сделался опять человеком, – писал он жене. Возвращаясь ко мне, забудь и прости прошлое. Я твердо уверен, что святая православная церковь не будет иметь больше основания считать меня заблудшим, погибшим сыном. С помощью Божией, я надеюсь вести трудовую жизнь христианина.

Он писал правду. На второй день по возвращении в Петербург, он без труда получил работу для одного магазина. За аккуратное и безукоризненное выполнение, при умеренных ценах, скоро завалили его работой, так что он в первый же месяц нанял себе подмастерьев, а через год имел уже опять собственную мастерскую. Жена тотчас исполнила требование своего мужа и не раскаивалась в этом. Поведение Петра Ермолаевича не только не давало ей повода быть чем-нибудь им недовольной, но, напротив, большей заботливости и предупредительности нельзя было и желать. Каждое воскресенье и праздник семья ходила в церковь, каждый вечер посвящался чтению Св. писания и молитве. Подраставшие дети определены были в учебные заведения. Ни один бедняк не

получил у П. Е. отказа в помощи. Предметом особого его попечения была местная приходская церковь. Он золотил ризы и церковную утварь, ремонтировал паникадила, покупал иконы, словом, делал все зависящее от него для украшения и благолепия храма.

– Церковь дала мне все; пожалею ли я чего-нибудь для нее, говорил часто он.

Года через два Петр Ермолаевич открыл уже свой магазин, а недавно купил каменный дом. Он ясно видел, что каждая его жертва на церковь, каждая помощь бедным возвращается сторицею, в виде хороших заказов, выгодных работ, и поэтому не скупился на добрые дела. Чем больше он раздавал, тем больше приобретал, оправдывая слово Св. писания – рука дающего не оскудеет.

Перед о. Иоанном проходят тысячи таких погибших, он постоянно выслушивает их исповеди о тех ужасных драмах из жизни, которые произошли благодаря только пьянству. И о. Иоанн поэтому всегда бичует пьянство резкими словами.

«Братия, говорит он, пьянство, дьявольская сеть, дьявольская отравка: ибо пьянство губит души человеческие, а вместе с душами и тела. Что такое питейные дома? Западни дьявола. В домах ставят какую-нибудь посуду с мухоморною водою для изведения мух; мухи напьются ее, опьянеют и потом издыхают. Подобны этому и питейные дома. Вино, не в меру принятое, человекоубийственная вещь; а человек жаден; это его природная немощь, наследованная от первых людей. Продавцы вина, простите мне, – не человекоубийцы ли вы? Как так? Очень просто. Человек, особенно простой, необразованный, да и всяк слаб, грешен: его легко втравить во всякий порок. А содержатели питейных домов втравляют бедный народ в пьянство. Но, горе человеку тому, говорить Спаситель, им же соблазн приходит; ибо Сын человеческий Сын Божий придет взыскать и спасти погибшего (Мф.18:7–11). Горе строящим и умножающим питейные дома. Люди гибнут и телесно, и душевно, как мухи от мухоморной жидкости, от умножения питейных домов и винной продажи, а содержатели этих домов виновны в их гибели. А кто эти погибающие? Дети Отца

небесного; дети Господа Животворящего, породившего их в купели крещения, Имеющий уши слышать да слышит!

Если содержатели питейных домов и те, кои попускают им строить во множестве их, хотят заслужить помилование на страшном суде Господа: да очистят немедленно питейные дома от вина, и пусть обратят их в жилые дома или для других настоящих надобностей: время перестать играть вином и губить души и тела бедного народа. А вы, люди Господни, немедленно перестаньте пьянствовать и разорять себя и свои семейства, чтобы не погубить свои души и тела. Именем Господним умоляю вас – бросьте пьянство, и особенно по воскресным и праздничным дням. Дни Господни надо святить воздержанием, молитвою и добродетелью, а не осквернять пьянством, буйством, сквернословием и другими непотребными делами. Не растлевайте же себя пьянством: помните, что ваши тела – нерукотворные храмы Святого Духа; но аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог (1Кор.3:6–17), т. е. и здесь подвергнет болезням и при кончине самому смрадному тлению, а в будущем веке – вечному тлению в вечном огне. Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд: но паче исполняйтесь духом, глаголюще себе во псалмах и пениях и песнях духовных, поюще и воспевающе в сердцах ваших Господеви (Еф.5:18–19). Аминь».

Кронштадтский светильник

«Чесо изыдосте в пустыню видети?»

(Мф.9:7)

«Покайтесь!» раздался когда-то на заре христианства голос проповедника в бесплодной пустыне Иордана. «Покайтесь, ибо приблизилось царствие Божие» (Мф.3:2). Так начал свою проповедь великий проповедник, «денница Солнца» – Предтеча Христов, Иоанн. И многовековая тишина безлюдной пустыни, которая оглашалась лишь ревом зверей, нарушилась. Голос пророка пронесся по градам и весям, и народ, блуждающий во тьме, не имущий пастыря, толпами устремился к Иоанну в пустыню. Гордые фарисеи, богачи саддукеи, презираемый мытарь, воины и другие устремляются в пустыню, исповедуют грехи свои и крестятся в Иордане.

Как многое тут пробудилось!

Все тайны раскрылись сердец:

То мытарь бледнел и молился,

То в латах смирялся боец.

И слезы текли по ланитам,

И вздохи кипели в устах;

И все торопились омыться

В купельных Иорданских волнах.

О. Иоанн Сергиев

Пламенная, жгучая, как зной пустыни, грозная речь проповедника, необыкновенный его вид и одежда, смуглое запаленное солнцем его лицо, пронизательные глаза поражали народ. «Что нам делать?» вопрошали дивного пророка... Не он ли Христос? вопрошали иные... Многие благовествовал Предтеча народу, поучая его (Лк.3:10–18).

Исполнились пророческие слова Исайи: «Радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цветёт яко крин. И процветёт и возвеселится пустыня Иорданова... яко проторжеся вода в пустыни и дебрь в земли жаждущей» (Ис.35:1–6). И в настоящее время просятся на уста приведённые слова Исайи пророка.

И ныне в 30 верстах от славного Петрограда, в прежде неизвестном и как бы пустынном Кронштадте «проторжеся вода», – слышится голос проповедника покаяния и пастыря Христова о. Иоанна. «Кайтесь, кайтесь» и теперь как бы я слышу его резкий, громкий голос в Андреевском соборе перед 5000 толпой, призывающий народ к покаянию. «Кайтесь, царствие Христово и Христос с нами. Он присутствует невидимо

с верующими и видимо в Пречистых и Животворящих Тайнах... Идете к Нему все трудящиеся и обремененные»...

Этот звонкий, ободряющий, как свежий ветерок моря, голос не грозный, а любящий, страждущий за братию, голос пастыря зовет и собирает к нему народ. Кто близко знает о. Иоанна, тому хорошо известны следующие картины.

Серый октябрьский день. Серое небо, с утра задернутое сплошь облаками, серый цвет воды залива, которую бороздит и пенит своими колесами кронштадтский пароход. Пароход переполнен пассажирами. Это – паломники, едущие в Кронштадт к о. Иоанну Кронштадтскому.

Вот смуглое лицо терского казака, вот типичный белорус с вялыми нерешительными движениями, вот умное выразительное лицо жителя средней полосы России, рядом с ним типичный сибиряк и т. д. Разговоры среди паломников сосредоточиваются либо на личности о. Иоанна, или же передаются подробности путешествия к нему.

– На восьмой десяток мне, – рассказывает окружающим маленькая старушка с темным сморщенным лицом. – Седьмой раз Господь приводит к кронштадтскому батюшке побывать. Уж трудно нынче было к нему идти, года-то мои старые, а ничего дошла.

– Неужто, бабушка, пешком все?

– Больше пешком. От самой Перми иду. Случалось, что и подвезут по пути меня, старуху, добрые люди, а больше пешком. Не люблю я чугунов этих нынешних, да и денег-то нет, чтобы на них ездить. Вот пешком и идешь.

– И ничего, в дороге-то не страшно?

– Как ничего, милый человек. Всего боишься: и зверя-лута, и злого человека. Да слава Богу, сохранил Господь. Вот теперь к самым именинам батюшки как раз в Кронштадт попаду...

– ... Выдали это меня замуж, – слышится молодой женский голос из другой группы паломников, – молодую-молодешеньку, глупая я была, ничего в жизни не понимала. И муж-то у меня тихий да ласковый, любил он меня во-как. А противен он мне казался. «Сбегу, думаю, либо еще хуже, убью его, а то сама на себя руки наложу. Что ни день настанет, только об этом и

думаю, просто места не нахожу себе, сохну вся, а думы эти худые с ума нейдут. Немило мне кажется жить на белом свете. Вот и надоумили меня съездить к кронштадтскому батюшке. Не хотела я сначала ехать. Что, думаю, никакого толку не будет.

Однако уговорили – поехала. Три дня в Кронштадте жила, все никак не могла добраться до батюшки, наконец добралась. Страшно мне стало, как увидала его, просто глаз не смею поднять и внутри дрожь какая-то. А он стоит передо мной, лицо ласковое такое, глаза добрые, добрые. «Ну, говорит, рассказывай, что у тебя». Рассказала я ему все, все, что у меня на душе, не знаю просто, как и смелости хватило. Утешал он меня. Долго это со мною говорил. Он говорил, а слова его, словно мне в душу вбиваются, и чувствую я, что мне все легче и легче делается... Вернулась я домой совсем другая, словно переродилась, и пошло у нас с тех пор с мужем мир да согласие. И теперь мы каждый год к о. Иоанну ездим. Муж в прошлом месяце был, а теперь вот я еду.

В стороне от других, прислонившись к борту, стоит высокий худощавый юноша. Его бледное лицо окаймлено темною, только что пробивающейся растительностью, задумчивые глаза устремлены вдаль к еле выделяющемуся в тумане берегу залива. Брызги волн, всплескивающих у носа парохода, летят ему в лицо, но юноша не обращает на это внимания, мысли его, по-видимому, далеко от всего окружающего, и в задумчивых глазах порою блестит какой-то загадочный огонек. Он тоже едет к о. Иоанну, влекомый каким-то особенным желанием. Спутники богомольцы пытались было заговорить с ним, но или отделялся молчанием, или же отвечал нехотя односложными словами.

Ветер усилился, пароход начало слегка покачивать, всплески волн долетали на палубу и обдавали расположившихся на ней пассажиров, кое-где слышались женские взвизгивания... Часть публики поспешила уйти в нижнюю каюту, но кучка богомольцев в носовой части не расходится, окружив какого-то странника в полумонашеском одеянии, рассказывающего о своих странствованиях.

– В Киеве нынче у святых угодников побывал, в Соловки Господь сподобил, на Валааме был, сейчас от Саровского угодника Серафима возвращаюсь. Вот теперь в Кронштадт еду. Хожу, пока ноги несут, да Господь грехам терпит.

Но перейдем в каюту для избранных, кого тут нет. Две монахини... Группа купцов, разговаривавших о каком-то случае во время служения о. Иоанна на Сенной.

Профессор химии горного института, крупный ученый, известный даже за границей. «На чело его усталость» – усталость не физическая, а духовная, та, какая рождается от сомнений в прежних основах жизни – усталость переломила.

Группа студентов академий. Несколько видимо великосветских дам. Английский говор. Недалеко от них купцы.

Недалеко от этой дамы сидел известный богатый купец. И он ехал к о. Иоанну. Богатство сделало его маленьким князьком. Пред ним преклонялись сотни людей, восхваляли его в речах, газетах, исполняли каждое его малейшее желание. Его сила и влияние, кажется, не знали границ. Он был всюду принят. Не было ни одного удовольствия, которое было бы ему недоступно. Он не знает конца своим владениям. Все испытал в своей жизни. Это – новый Соломон, Соломон конца 19 века. И к чему же пришел он своим опытом?

– Много денег у меня, говорил он, много лесов, земли, лугов и всяких владений, ни на что мне не хочется теперь смотреть. Тяжело мне... Днем и ночью гложет меня какая-то тоска. Я не знаю, что сейчас предпринять и куда деваться. Я заблудился и не знаю для себя никакого выхода. Заблудился среди белого дня... Да, среди белого дня, повторил он. И это говорит не сумасшедший, а человек, находящийся в полном разуме и здоровье. Мне сказали, что там помогают многим. Вот и я еду к нему, не поможет ли он и мне»?

Что же влечет народ в пустынный для верующих Кронштадт? «Что значит такое многочисленное торжествующее собрание?» вопрошает сам о. Иоанн в своем поучении. «Что подвигло сердца и стопы ваши в этот город, ничем особенным не отличающийся от других?.. Многим, многим из вас, как простым, смиренным богомольцам, кажется и на ум не

приходило, что вы шли и двигались по волнам в укрепленный, военный город. Что вам до наших грозных крепостей и кораблей с пушками? Все вы простые, добрые христиане и мирные граждане, и пришли не укрепления посмотреть, а именно в этот храм первозванного Апостола – помолиться усердно вместе с нами, да кого-то с днем Ангела поздравить... Знаю, что вы, дорогие отцы, братья и сестры, ради меня недостойного пастыря и сопастыря собрались здесь почтить в лице моем служителя Христова и посильного вашего сомолитвенника, совершителя спасительных Тайн Христовых и споспешника вашему спасению и христианскому богоугодному житию»... (Поуч. 1898 г, стр. 60).

Итак, народ идет в Кронштадт, чтобы повидать батюшку, принять от него благословение, укрепиться его молитвою в немощной и скорбной жизни, спросить совета, указаний. Здесь в некотором смысле более Иордана: там омывались во образ будущего крещения, а здесь, омытые слезами покаяния, крещаются Духом Святым, возрождаются, укрепляются в духовной жизни, соединяются со Христом в Пречистых Тайнах.

Смиренный вид о. Иоанна, открытое его мирное лицо, ласковые, голубые глаза, сильное слово, задевающее струны сердечные и вызывающее слезы сокрушения – благодать Божия, действующая чрез него, влекут к нему народ, умиляют и поражают народ.

На вопрос: «что нам делать», получают здесь ответ из Слова Божия, из опыта подвижника – пастыря, получают в таинствах и его молитве благодатную силу для борьбы с грехом, видят в нем живой пример истинного христианского пастыря.

Иностранцы и инородцы, и те знают о. Иоанна. В его лице осуществляется и торжествует истина всей верующей Православной Церкви: «приди и виждь», можно сказать всякому вопрошающему об истине, посмотри на служение верного Христова последователя, сына Православной Церкви, достойного пастыря и скажи: откуда эти необычные явления силы Божией: «с небес, или от человек», и не осуществляется ли в его необычном служении истины Евангелия?

Приходит как-то в Кронштадт какой-то босоногий, убогий странник; разговаривая с другими, вдруг он среди разговора поднялся и поспешно, как бы на какой зов, пошел прямо навстречу о. Иоанну. Они встретились, как будто лица родные и давно знакомые друг другу, хотя ранее и не встречались. Этому страннику о. Иоанн сказал: *«Господь открыл мне сердца людей и дал мне книгу скорби»*.

Да, воистину Господь открывает о. Иоанну сердца людей, и эти люди, послушные зову пастыря оставляют «пажити греха» и делаются работниками в винограднике Христовом. В Кронштадте всем известна история одного «возрождённого» почитателя о. Иоанна. Фамилии его называть не будем. Имя его – Петр Иванович.

«Лет 10 тому назад Пётр Иванович занимал на службе видный пост, носил блестящий мундир и жил, как подобает жить особе V-го класса, получающей 6000 руб. годового содержания. К религии П. И. относился вполне равнодушно: не то чтобы он был атеистом, а просто обходил вопросы веры молчанием, находя, что и так прожить век можно, а «умирать буду, подумаю»... Для окружающих он был человек сухой и почти злой, помощи и добра он никому не оказывал, а если приходилось покарать – пощады или сострадания – ни-ни!

– Живым в гроб уложу, – говорил он сам.

«Характер» ли такой суровый был у П. И. или воспитание, служба закалили его, но только человек – кремень был, и любовью окружающих он не пользовался.

В 1882 году у П. И. скоропостижно умерла жена – единственное существо, нежно им любимое. Перед смертью, когда доктора отказались уже лечить больную, П. И. послал за о. Иоанном.

– Пусть помолится, все равно умирает, а если выздоровеет – уверую!

Отец Иоанн отвечал досланному:

– Мне у вас делать нечего!

И не поехал... Больная умерла... П. И. пришел в отчаяние... Он сидел уже с револьвером в руке, когда ему точно молния ударила в голову: «А ведь о. Иоанн не поехал: у вас говорит,

мне делать нечего... Отчего не поехал? Что это за о. Иоанн?!.. К Вино-ву поехал, и там ребенок умирающий поправился».

Петр Иванович погрузился в думы и просидел более часа неподвижно. Когда он очнулся, в его мозгу созрел ясный и определённый план действий...

На другой же день он отправился к о. Иоанну и просил исповеди. Здесь вылилась, так сказать, вся наболевшая душа его.

«Со смертью жены, – рассказывал после Петр Иванович, – предо мною открылась какая-то пропасть, бездна, мрачная пустота... Я почувствовал холод смерти и бессилие всех наших знаний, которыми человечество гордится, суетность всех забот, хлопот... Если человек со всей наукой так бессилен и ничтожен перед природой, если все существование, вся цель жизни только ограничивается смертным часом, только для того мы живем, чтобы при первой случайности обратиться в гниющий прах, то стоит ли жить Чего ради мы живем? Нет, этого не может быть! Тайна и отрицание не синонимы. Если мы не знаем природы, даже зародышных клеток и не можем уяснить себе своего существования, как выражается профессор Тарханов, то из этого не следует, что все таинственное духовное невидимое не существует».

«Отец Иоанн не дал П. И. отпущения грехов и ограничился только молитвою. В первый раз в жизни П. И. испытал какое-то непонятное чувство, неизвестное ему раньше, но хорошее благотворное чувство. С первых слов молитвы он забыл все земное, что раньше исключительно занимало его мысли; перед его духовными глазами раскрылся новый прекрасный мир. И странно, в этом мире он не чужой и ему там есть место!

– Хотелось бы мне остаться там навсегда, никогда не разлучаться с этим миром, но молитва была кончена, и батюшка пригласил меня помолиться... Почти с ужасом спросил я: неужели мне нельзя больше никогда придти еще? Но батюшка кротко так смотрел на меня и ласково произнес: «можешь каждый день приходить».

Петр Иванович действительно стал ходить каждый день и, случалось ловил батюшку с утра до вечера, чтобы помолиться

вместе несколько минут. Через неделю или полторы он получил святое причащение. Первым результатом его «новой» жизни было совершенно другое отношение ко всем людям, начиная с прислуги, солдат и др. простолюдинов. У него было страстное желание помочь, услужить каждому, вызывать удовольствие на лице, улыбку, доставить всякому что-нибудь приятное. «Так бы вот всех обнял и расцеловал всех без исключения и изъятия»...

Суровый характер П. И. преобразился до такой степени, что он потерял всякую способность сердиться; напротив, какую бы неприятность ему ни причинили, он жалел только провинившегося и старался всеми силами убедить его, что так поступать не следовало. Когда ему приходилось слышать о враждующих или о ком-нибудь обиженном, он страшно волновался и принимал все меры, чтобы как-нибудь ослабить неприятные последствия. Само собою разумеется, что все свободное время он проводил в чтении библии и молитве.

В домашней жизни П. И. также многое изменилось. Он бросил курить, совершенно перестал пить, упростил стол до минимума, удалил все предметы роскоши, и выйдя в отставку, посвятил себя всецело воспитанию детей: сына и двух дочерей. Главным врагом П. И. за его «перерождение» сделался его родной брат, называвший его «юродивым».

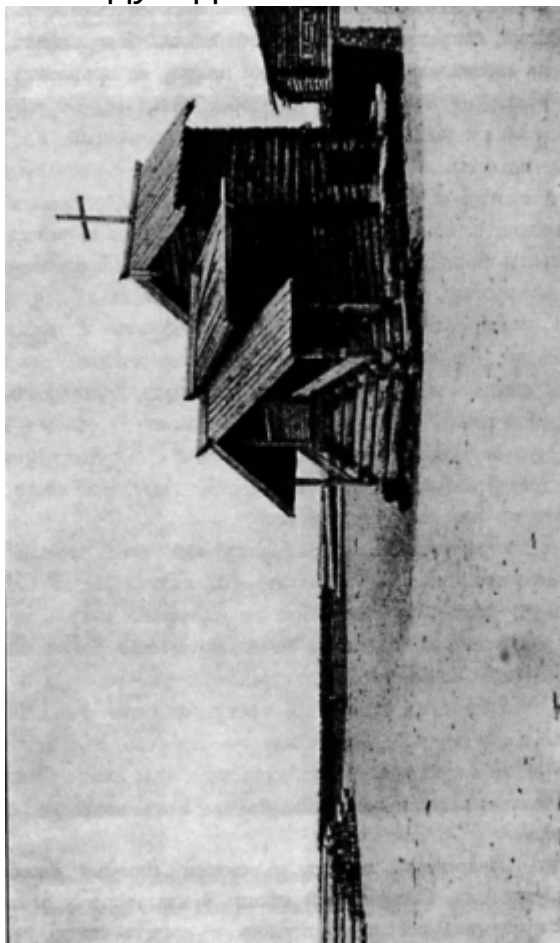
– Похоронил жену и бросился в ханжество. Это показывает только твое малодушие или, еще хуже, слабоумие... Ты малость рехнулся, – говорил П. И. его брат.

– Скажи кому же я причинил вред своим «юродством»? Я совершенно счастлив: дети, полагаю, не проиграют от того, что я больше посвящаю им времени и внимания... Окружающим, ты сам знаешь, я многим принес существенную пользу, а не вред.

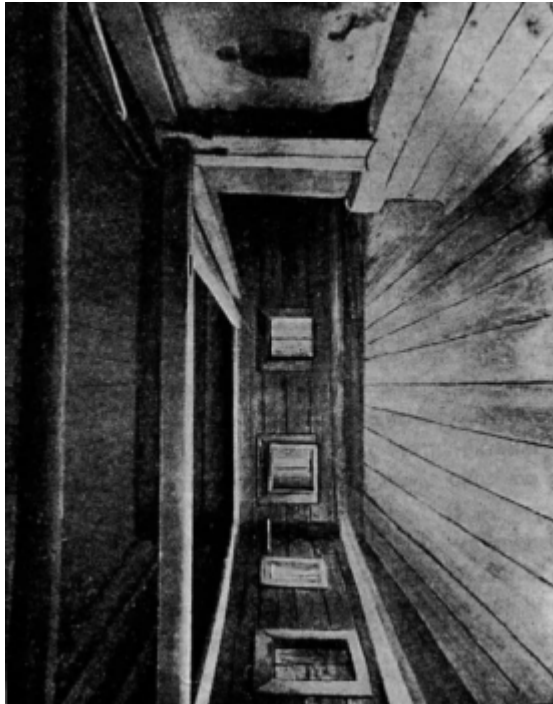
– Да ты ведь сделался нетерпим в приличном обществе; ты потерял карьеру, ведешь такой образ жизни, что у тебя никого не бывает...

– Постой. Я потерял карьеру – это верно, но скажи по совести – потеряла ли служба от того, что я вышел в отставку? Ведь, нет? Ты сам это хорошо знаешь. Служба была мне нужна, а не я службе! Затем относительно того, что нашим знакомым нельзя у меня пьянствовать или повинтить, то согласись, не

обязан же я ради такой глупости отказываться от своих взглядов, убеждений и ломать собственную жизнь. И без меня все наши приятели найдут где напиться.

Изба, в которой родился о. Иоанн.

Внутренний вид избы, где родился о. Иоанн.

– Да с чего же ты себя-то изводишь?

– Клянусь тебе памятью моей жены, что я никогда не был так счастлив, как теперь. Ничто не может мне доставить такого удовольствия, как глава прочитанной библии... Я счастлив совершенно в своем «юродстве», и оно никому не приносит вреда, скорее пользу; почему же мне не «юродствовать»?.. Ты говоришь, что застрелился бы, если бы потерял свое положение, а я легко могу все потерять, потому что то, без чего я не мог бы теперь жить, т. е. вера и молитва, у меня никто не в состоянии отнять. Ты, значить, зависишь от тысяч случайностей, а я ни от кого. Ты должен бояться всего: болезни, падения курса, нерасположения своего «общества», смерти близких людей и т. д., а я ничего, потому что мое «юродство» заменяет и поглощает для меня все. Ты не можешь жить без теперешнего положения, значит, сколько же людей и случаев могут приговорить тебя к смертной казни?! Ты дрожишь при мысли о гробовой доске, потому что не уверен в последующем, а я с радостным трепетом жду этого момента, хотя и жизнь дает мне много радостей. Кто же из нас счастливее?»

– Эти рассуждения напоминают мне бред больных в доме умалишенных. Ты замечал, что идиоты всегда смеются?

Вероятно, у них такое же радостное настроение, как и твое.

– Софизм и парадокс – не доказательства. Ты знаешь, что умалишенные и идиоты страшно страдают физически, а я так здоров, что ты сам завидуешь моему здоровью. Умалишенные теряют рассудок и не могут мыслить логично, а я еще вчера сделал за тебя три докладных записки, и ведь никто не нашел их бредом умалишённого. Зачем ты меня напрасно оскорбляешь?

Петр Иванович живет со своими «новыми взглядами» седьмой уже год. Он каждый месяц причащается у о. Иоанна, каждый праздник посещает церковь и живет тихой, счастливою жизнью. Все те, которые считают его за «юродивого», не брезгают обращаться к нему за помощью и пользуются, как его занятиями, опытностью, так и деньгами. Отказа нет никому: у П. И. нет удовольствия выше, как помочь *врагу* своему.

И это не единственный случай. Крестьянин-писатель В. И. Савихин передавал другому писателю о тех чудесах, которые творил о. Иоанн над *душами* проходящих к нему. Трудно передать словами (говорил он) ту перемену, которая происходит в деревенских жителях, побывавших у о. Иоанна. Там, где прежде стоял гвалт от брани и ссор, он заменялся дружественными, торжественными отношениями: женщины сходятся вместе, вспоминают высокие настроения, пережитые ими в Кронштадте, читают или слушают книжки, данные им, собирают между собой яйца, полотна и деньги, чтобы раздать бедным.

Обаятельное и благотворное влияние доброго пастыря заметно и не на одном простом народе... Десятки интеллигентных лиц изменились под влиянием слова о. Иоанна. Сотни развитых, образованных людей передают с восторгом о своих впечатлениях, о своих беседах с о. Сергиевым. «Труждающиеся и обремененные» идут к этому духовному светочу, к этому представителю правды небесной на земле, – идут к нему со своим горем и нуждой, со своей неумолкаемой злобой и с безумным сомнением. И речь доброго пастыря, полная христианской любви, утешает печальных, дает силы для

борьбы, окрыляет терпением, смягчает злобу, несет покой мятущейся душе.

О. Иоанн – ангел хранитель земли Русской. Он ей нужен, нужен особенно теперь, нужен своей молитвой, своим пастырским трудом, но больше всего тем, что он есть. Он вносит новую жизнь в мир уже тем, что живет.

О. Иоанн тем силен, что живет со Христом и во Христе.

О. Иоанн может сказать вместе с ап. Павлом, что теперь «не я уже живу, но живет во мне Христос». «Живет Христос», не как отвлеченное начало, не как сумма известных правил, не как простое, историческое воспоминание, а как живая личность, как Богочеловек (Ин.14:21–23; Откр.3:20). О. Иоанн как бы утратил свое индивидуальное бытие, свою душу. Его душа как бы погрузилась в дух Христа и перестала существовать отдельно. Его жизнь стала с этого времени не его жизнью, а жизнью во Христе, как он и сам ее называет. На все он стал смотреть иначе. Весь мир видимых и невидимых явлений для него распался на два мира: мир Христа и мир антихриста, мир добра и зла. В его жизни не стало ни одной минуты, когда бы можно было служить кому-либо другому, кроме Христа. Вся его жизнь проходит пред лицом Бога. Каждое свое желание, каждую мысль, каждое свое движение, о. Иоанн старается осветить небесным светом, Все для Бога и в Боге, ничего без Бога и не для Бога.

«Ходи всегда, говорит о. Иоанн, в живом сознании и чувстве присутствия Божия и Богоматери и как бы в виду всего Неба, всех святых ангелов, святых человеков, которые с неба взирают на нас, на все входы и исходы наши, на все помышления, намерения, предприятия наши и суть свидетели нашей жизни неподкупные».

Для о. Иоанна царство Божие не где-то в недозримой дали от него, а здесь на земле. «Спаситель с нами невидимо и всегда готов спасти нас быстро, по вере нашей и призыванию нами святого чудного и спасительного имени. Ибо сказано: «всяк, иже призовет имя Господне, спасется». И в другом месте он пишет: «разве нет у нас Спасителя? разве не ближе Он к нам, чем грех, разве Он не благопослушлив? Разве он дремлет, спит? Разве не

бодрствует над нами беспрестанно, милуя нас, заступая, просвещая, избавляя нас от всякого греха, от всякой скорби, гнева, нужды, тесноты и злого обстояния, когда мы прибегаем к Нему с верою? Но мы маловерны, неверны, не умеем призывать Его усердно, с верою, с покаянием. От того мы и бедствуем, бедствуем часто и погибаем ужасно, как мухи, как черви, как свиньи в воде». О. Иоанн говорит и большее: «Господь так постоянно близок к нам, что ближе окружающего нас кругом воздуха, ближе нашей одежды, ближе, наконец самого нашего тела. Он в нашей душе».

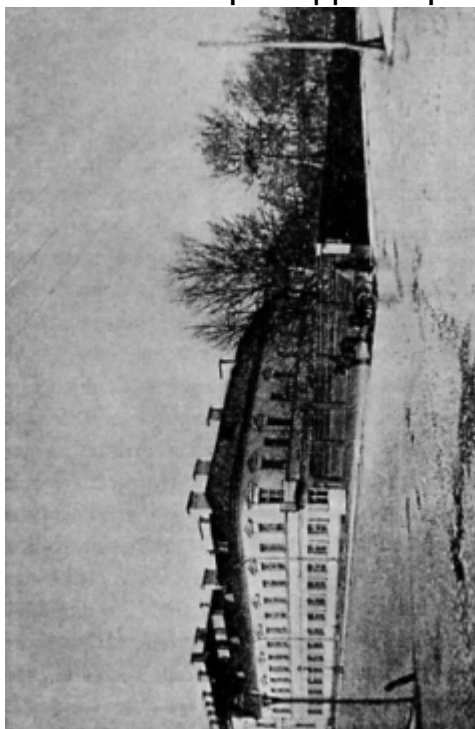
Отсюда и нужен миру о. Иоанн, как человек, отражающий хотя и слабо, по человечески Невечерний Свет – Господа Иисуса.

Один иностранец писатель, описывая наружность о. Иоанна восторгается его выразительными, северно-русскими глазами. Они ясно говорят каждому, что, несмотря на поразительную внешнюю скромность, в лице о. Иоанна мы имеем дело не с заурядною натурой, что его глаза, по выражению Спинозы, «смотрят на людей и на вещи не для того, чтобы осмеять, не для того, чтобы оплакивать, не за тем, что бы презирать, но затем, чтобы понять».

Этот писатель только не умел выразить, что увидел в действительности: это глаза человека, который только что всматривался в Лик Христов и унес в своих глазах воспоминание о том, что открыла ему молитва и богослужение. Слово и воля о. Иоанна сильны именно потому, что заимствованы от Христа. Он живет воздухом Евангелия, Божьей благодатью.

О. Иоанн подъезжает на пароходе к Кронштадту.

Домик, где живёт о. Иоанн.

Рассказывая о больных, о несчастьях людей, передавая события христианской истории, о Иоанн переносит слушателей к тем временам и событиям и заставляет испытывать

впечатление непосредственной близости этих событий. Еще с большею силою действуют на зрителя проявляемые о. Иоанном чувства благоговения и порывы любви к человечеству. В этом случае его влияние на людей велико и благотворно. Ему невольно поддаются даже холодные люди. Являясь живым, увлекательным и обаятельным примером необыкновенной человечности и возвышенных чувств, о. Иоанн тем самым стал величайшей нравственной ценностью для общества.

Значение этой ценности мы яснее можем представить себе, если вспомним слова Карлейля, что благоговению необходимо учиться и что он, Карлейль, обучившись в детстве этому высокому чувству, счастлив, что может всякий раз пред величием нравственных идеалов испытывать это чувство с новой силой. В душе о. Иоанна, наряду с другими чувствами, никогда не меркнет чувство благоговения, оно у него так живо, так напряженно, что в его присутствии диапазон нравственной жизни людей сразу повышается. Все в этом человеке носит особенный отпечаток. Все проявления чувства у него отличаются необыкновенной глубиной и полнотой, превосходящей обыкновенные пределы. Его пронизательность и тонкость, с которыми он распознает психическое состояние человека, совершенно исключительны.

Да, вся жизнь о. Иоанна – есть жизнь во Христе, на знамени его можно начертать слова Псалмопевца, кои были написаны о. Иоанном в письме к одному пастырю: «что ми есть на небеси и от Тебе что восхотев на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во век (Пс.72:25–26); вся ко благоугождению Твоему и мудрствующе и деюще». Все для меня Господь. Он моя вера, мое упование, моя любовь, моя крепость, моя сила, мой мир, моя радость, мое богатство, моя пища, мое одеяние, моя жизнь, словом все мое. Так, человек, все для тебя Господь, и ты будь всем для Господа» (т. 4 стр. 307).

Нет у о. Иоанна своей личной жизни; она всецело отдана на служение Богу и народу. Любовь его до готовности положения души за други своя проявляется во всем его служении. Сколько на самом деле надо самоотверженной любви к братии, чтобы о

них непрестанно вопиять – молиться Богу, посвятить им свою жизнь до самозабвения, болеть их болезнями, нести их немощи, одним словом сколько надо решимости и подвига, чтобы нести на себе подобное великое служение?!

«Ах, какими трудами, потом и слезами достигается приближение сердца нашего к Богу», говорит он в одном месте (4 т. 22). Боже мой, как трудно надлежащим образом исповедовать! Сколько от врага препятствий! Как тяжело согрешаешь пред Богом, исповедуя не надлежащим образом... О спасении других молись так, как о своем собственном» (5 т. стр. 154; т. 4, 45). Не жалея себя для сердечной молитвы даже тогда, когда ты весь день провел в трудах – она дело Божие. Выше Бога плоти своей не ставь, и пренебреги для Него покоем телесным (4 т. 21 стр.).

Пастырь, по взгляду о. Иоанна, – ангел земной, друг человечества, орган Утешителя Духа, носитель любви евангельской, печальник о всем мире, уста всех, утешитель печальных и скорбящих, заступник гонимых, врач духовный и телесный, отец, молитвенник. Но чтобы быть врачом, нужно самому быть свободным от страстей: *«врачу, исцелись сам»* (Лк.4:23). Чтобы быть печальником и носителем любви евангельской, нужно ее взгреть в себе: добра, света и любви столько вносится в жизнь, сколько мы их имеем в себе – только чистый и обильный источник может источать и напаять обильно чистою водою. У о. Иоанна слова тождественны с делом: он учит и говорит и молится с собственного опыта. И легко ли, спрашивается, осуществлять ему в своей жизни высокое Хриstopодражательное звание? легко ли нести многотрудный «до крови» и самоотверженный до самозабвения подвиг доброго Пастыря?

О. Иоанн в ранние годы жизни

Любовь одухотворяет вообще всю деятельность о. Иоанна. Эта любовь отражается и в его внешнем виде, в его светлых глазах, на его лице и во всем обращении. Когда весь человек, говорит И. Лествичник, как бы срастворен Божьею любовью, тогда и наружность его в теле, как бы в зеркале каком, показывает светлость души.

О. Иоанн Сергиев

Так прославлен боговидец оный Моисей (сл. 30). Поэт такими чертами рисует одного избранника:

И вот в толпе, шумящей праздну,
Подходит муж благообразный;
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блеске юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный вид
Неотразимой дышит властью;
К земным утехам нет участия,
И взор в грядущее глядит.
То муж на смертных непохожий,
Печать избранника на нем,
Он светел, как архангел Божий...

«Добродетельный невольно привлекает на себя взоры всех. Отчего? Оттого, что благоухание невольно заставляет остановить на себе внимание и подышать им. Посмотрите на самую наружность добродетельного, на его лицо. Что это за лицо? Это ангельский лик. Кротость и смирение разлиты по

нему и пленяют невольно всех своею красотою. Обратите внимание на речь его; от нее еще больше благоухания; тут вы как бы лицом к лицу с его душою – и таете от его сладкой беседы. Эти слова о. Иоанна (4 т. стр. 32) приложимы к нему самому.

В любви и самоотверженном, истинно пастырском подвиге о. Иоанна находится объяснение всего его великого, властного и славного служения. «*С терновника не собирают винограда и с репейника смокв*». (Мф.8:16).

Силу и утешение в своем трудном пастырском служении о. Иоанн находит в самом своем служении: в благодати Божией, в нем и чрез него действующей. Как книжный свиток, на котором было написано: рыдание и жалость и горе, съеденный, по повелению Божию, пророком, оказался в устах его, как мед, сладок (Иез.2:3), так и для о. Иоанна «книга скорби» служит источником утешения и радости.

Награды нет для добрых дел
Любовь и скорбь одно и то же,
Но этой скорбью кто скорбел,
Тому всех благ она дороже...

Посылая апостолов своих на проповедь, на трудное служение, где ожидают их гонения и бедствия, Христос Спаситель указал им на два источника их силы и утешения. Утешение они должны иметь прежде всего в Нем Самом; имея Его в памяти и представляя Его крест, ученики могут легко переносить бедствия «*блаженны есть, аще творите я*» (Ин.14:17). Самое исполнение заповедей Христовых, соответствие их духовной стороне человека дает сердечную отраду их исполнителю.

Второй род утешения для учеников Христовых, как плод от их трудов, заключается, указан в усердии, любви и услугах тех самых лиц, с коими ученики входят в соприкосновение.

О. Иоанн Сергиев и его родные сестры.

«Приемляй вас, т. е. того, кого я пошлю, говорит Христос, Меня приемлет, а приемляй Мене, приемлет Пославшего Мя». (Мф.10:40).

И что может сравняться с радостью принятия Христа и Его Отца? И разве мало это утешение для учеников Христа, когда их принимают, как посланников Христовых, и оказывают им услуги как Христу? И Св. Апостол Павел, упоминая о своем таком утешении, говорит, что его приняли как Ангела и готовы были ему отдать свои глаза (Гал.4:14–15).

Этих обоего рода утешений не лишен и о. Иоанн. Об утешении Господнем при подвиге о. Иоанн говорит, например, следующее: «иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф.11:30). Сколько сладостно работать Господу искренним сердцем! Какой мир, какая сладость, легкость, простор на душе при сердечной молитве, чтении слова Божия, делании добрых дел! Сколько духовной нетленной сладости, покоя и блаженства находится в исполнении воли Божией, благой, святой, премудрой, нетленной, вечной, блаженной! Столь много, что из-за этого блаженства любомудрые христиане и христианки претерпевали с радостью всякие мучения, изнурения плоти,

денно-ночные молитвенные стояния, всякие насмешки, огорчения и озлобления, и гонения от людей и от бесов, и всякие иные злострадания, и не обманулись в своей надежде – получили вечные блага и вечное блаженство» (Христ. философ. стр. 206, 188).

Не трудно бывает, говорит один писатель, самое многотрудное шествие чрез пустыню жизни в обетованную страну небесную, когда и горькие воды Мерры услаждены погружением целебного древа Креста (Письма о должн. свящ. сана стр. 219).

О. Иоанн в Суре.

Стоя у источника благодати, черпая из этого кладезя живую воду для других, о. Иоанн и сам обильно пьет ее. «Не думайте, говорит он, что вера наша не животворна для нас пастырей, что мы лицемерно служим Богу. Нет: мы первые больше всех пользуемся милостями Божиими и знаем по опыту, что для нас Господь с его таинствами, что Его Мать Пречистая и Его Святые... мы часто, часто испытывали на себе их животворность, небесные дары мира и радости о Духе Святом... Говорим это искренно, с сознанием всей истины и сил своих» (т. 4 стр. 8, 9)

В этом неиссякаемом источнике благодати он и почерпает для себя силу. «Я исполнен немощей, и знаю мои немощи, но сила Божия в немощи совершается (2Кор.12:9). Какой ангельский, многообъемлющий ум изочтет все тайные дары Божии душе моей, благодатные дары милости, очищения, освящения, мира, умиления, свободы и простора душевного,

радости в Духе Святом, дерзновения и силы и многообразной помощи, коих я невидимо сподоблялся во все дни моего священствования». Слава Спасителю нашему Богу! Он видит, что я неложно воссылаю Ему славу. Только Им и о имени Его я славен, а без Него – бесчестен; только Им силен, а без Него немощен; с Ним свят, без Него исполнен грехов; с Ним дерзаю, без Него малодушествую; с Ним кроток и смирен, без Него раздражителен и не благ. Возвеличите же Господа со мною и вознесем имя Его вкупе» (Пс.33:4: Том. 3-й стр. 358).

Без благодати Божией и немислим такой великий многотрудный молитвенный пастырский подвиг, как подвиг о. Иоанна. «По мере того, говорит Апостол, как избыточествуют страдания Христовы в нас, умножается Христом утешение наше» (2Кор.1:5). По мере трудов Господь услаждает горькую чашу пастыря. Господь не оставляет трудящихся для Него и долго предстоящих Ему, в нюже меру они мерят, возмеривает и Он, и, соответственно обилию истинных слов их молитвы, посылает в душу их обилие духовного света, теплоты духовной, мира и радости» (т. 4 стр. 168). Чем более о. Иоанн трудится и изнуряет себя, тем более у него появляется силы и крепости.

О. Иоанн получает уверение в силе своей молитвы. «Мне, призванному Господом на широкое молитвенное служение людям, говорит о. Иоанн, приходилось быть личным свидетелем множества чудесных исцелений верующих от самых разнообразных болезней, скорого или даже мгновенного исцеления хромых, слепых, глухих, одержимых разными долговременными недугами. Свидетельствуюсь в том Богом, не лгу. (Поуч. 1898 г. 95 стр.).

«Сколько раз я ни молился с верою, Бог всегда слушал меня и исполнял молитвы мои» (5 том стр.321.)

«Священнику, дает он совет, нужно самому испытать и силу веры, и сладость молитвы, и оставление грехов и то, когда она бывает безуспешна, и скорби душевные, когда они постигают, и утешения благодатные, чтобы в молитве к Богу о верующих говорит так: даруй им такое же благо, как даруешь Ты его всегда мне, недостойному, чтобы обо всем просить с собственного опыта... Познан буди, молит он сам, и прочими людьми Твоими

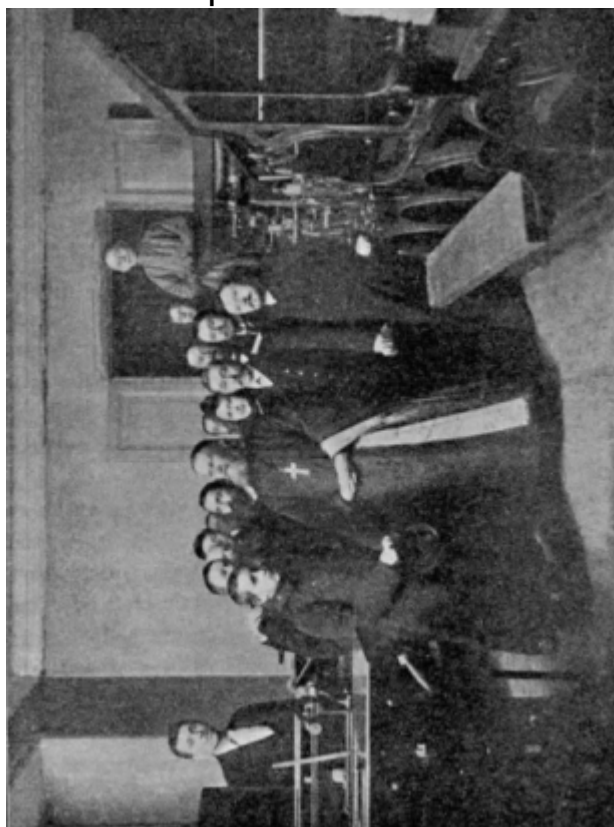
так, яко же мне явился еси, Человеколюбче, да ведают Тебя, Отца всех» (4 т, стр. 76, 234).

О. Иоанн Сергиев в ранние годы жизни.

Обильное утешение получает о. Иоанн от принимающих его, от самого многочисленного народа, который несет к нему свою скорбь, доставляет ему и утешение. Его пастырская любовь и молитва, обнимающая всех, тесно соединяют, роднят его со всеми. «Какая чудная, говорит он, объединяющая сила молитвы церковной за всех, сродняющая все души! Вот я, благодатью Божьею, молюсь во время литургии особенно сердечно за всех, за весь освященный собор братии, за Царя, Царицу и весь царствующий дом, за Палату, все воинство и все сословия – и Господь всех приблизил ко мне духом, всех сроднил со мною – взрослых и детей, все сословие учащегося юношества. Все ко мне, исключая неверующих, душевно расположены, любят, чтут меня, ничтожного грешного человека (Хр. фил. 126 стр.). Боже мой, говорит он в другом месте, как любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего услаждают наше сердце! Кто опишет это блаженство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других и моей любви к другим? Это неописанно... О, какую сладость сокрыл Ты, Владыко, Любовь наша беспредельная, в духовной, согретой любовью, беседе духовного отца со своими духовными чадами, какое блаженство! И как мне не подвизаться на земле всеми силами за такое блаженство?» (5 т. 145 и 146 стр.).

Любовь народная является ответом и наградой за его жизненный подвиг. Вот как он сам говорит о народной любви к нему: «Везде прославило меня Имя Твое, Господи: и у трона царей, и у всех важных и сильных мира сего, и у богатых и небогатых, образованных и простых людей; всюду принесло оно и приносит непрестанно отраду, мир, избавление, спасение, здоровье, утешение, облегчение, победу над кознями вражьими. Сколь чудно Имя Твое, Господи! Как чудно, державно, властно, сильно влечет всех ко мне, убогому, благодать Твоя, во мне живущая и пребывающая чрез частое причащение Св. Таин Твоих, пречистого Тела и Крови Твоей!»

О. Иоанн Сергиев в типографии

«Господи! благодарю Тебя за чудеса Св. Таин, совершающиеся во мне и в народе Русском ежедневно: Ты влечешь меня и его к Тебе чудною, всемогущею, непобедимой силою, вся Россия православная влечется к Тебе! Влеки, влеки, влеки Слове Божий, Творче наш, Избавителю наш, Спасителю наш, влеки к себе всех и вся» (Правда о Бог, мир. и чел. стр. 80).

«Благодарение Богу! я сам вижу плоды своих пастырских трудов. В Андреевском соборе, а он большой, народу бывает тысяч до пяти, и все это множество слушает меня, как один человек, никакого шума, толкотни, глаза всех устремлены на меня. Когда я выхожу из храма, меня с любовью окружает народ, все с сияющими лицами, у всех видно благодатно-радостное настроение.

Все это плоды моей молитвы и проповеди. Извините меня, досточтимые пастыри, что я говорю так о себе, Боже, сохрани меня, чтобы я говорил это для самохваления. Боже, упаси! Нет, не я все это делаю, а благодать Божия, почивающая на мне – священнике. О, братия, нам много дано от Господа Бога благодати, и если мы сохраним этот дар Божий, то мы непобедимы...» (Речь Нижегород. паст.) Что народ любит своего пастыря, это истина у всех на виду. В предсмертные минуты Царь-Миротворец Александр III, 20 октября 1894 года, счел нужным сказать о. Иоанну: «Вас любит народ».

И смиренный пастырь, сознавая всю важность минуты, кротко ответил: «да, Ваше Величество, Ваш народ любит меня».

«Он знает, кто Вы и что Вы», добавил Государь.

Эта любовь влечет неудержимо тысячную толпу в Кронштадт. Дни – 19 октября – день Ангела о. Иоанна, юбилей его священнослужения – двадцатипятилетний, тридцатипятилетний, сорокалетний, сорокапятилетний, отправляются с редкою поразительною торжественностью.

Можно сказать, эти дни – торжество всей православной Руси. Любовь не знает границ и ничего не жалеет для любимого человека: и можно ли исчислить все проявления глубокой любви народа к о. Иоанну? Любовь сделала его как бы мучеником, ему приходится скрываться и бегать от народа. Иногда эта любовь к нему обнаруживается страстно, болезненно: известно, что раза два кусали пальцы о. Иоанну с намерением откусить совершенно на память или как святыню; разрывали части его одежды и тому подобное. К нему сносятся постоянно различные вещественные дары, делают крупные пожертвования, чрез его руки, можно сказать, проходят миллионы рублей. По любви к нему готовы за ним следовать

всюду. Одно воспоминание имени о. Иоанна у людей, не видавших его, вызывает отрадные слезы умиления.

О. Иоанн Сергиев.

А сколько святой радости, восторга, счастливых слез в его присутствии?! «Солнышко ты наше красное, отец ты наш родненький, батюшка – голубчик, батюшка дорогой, золотой» и другие подобные сердечно-нежные восклицания слышатся в народной толпе по адресу любимого пастыря. По любви к нему, истинному пастырю, как живому носителю святости и правды, по его зову, как говорили мы, изменяют многие свою жизнь к лучшему; повидав его, многие дали обет исправиться и исправили свою греховную жизнь. «Больше сия не имам радости, говорит Апостол Иоанн Богослов, да слышу моя чада во истине ходяща» (3Ин.1:4).

Славное имя отца Иоанна
Для скорбных сияет лучом упования...
О, пастырь наш добрый, в скорбях утешитель!
Для родины милой будь Ангел Хранитель
На долгие годы! И нас вдохнови
С грехом и соблазном на трудную битву,
Творя пред престолом святую молитву,
Великий подвижник Христовой любви!

Несмотря на свои 70 лет, о. Иоанн выглядит человеком, имеющим не более 30 лет. Он постоянно добр, свеж, неутомим. Он подкрепляет свои силы сном при возможном притоке свежего воздуха, при открытых в смежной комнате окнах, даже зимой. Крайнее напряжение сил, которого требует его миссия, не только не оказывает вредного влияния на его здоровье, но по-видимому только укрепляет и закаляет его на новые подвиги.

Нет сомнения, что о. Иоанн обладает особенной способностью читать в душах и даже прозревать в области иной жизни. Одна моя добрая знакомая, в присутствии о. Иоанна задумалась о загробной участи своей матери и потом спросила о Иоанна. Как он думает об этом, о. Иоанн не ответил. Он по-видимому молился. Так прошло несколько минут... «Она помилована», – вдруг неожиданно для вопрошавшей, сказал о. Иоанн. Та даже не поняла сразу о ком он говорит, так как решила, что батюшка не слышал вопроса. Полагаю, что об этом он не мог сказать без удостоверения, говорила вопрошавшая. Конечно так.

Были и еще случаи в том же роде, которые мне не позволено опубликовать. Но конечно, при таких условиях он должен оздоравливать людей и мир. В этом стремлении и ищет народ видеть этого исключительного, истинного человека, видеть и научиться.

Не толпа ищет его, говорит проф. Сикорский, но люди всякого образования и всех возрастов. Вы увидите образованного человека и чернорабочего, учителя, профессора и студента, вы увидите взрослых и детей, господ и их прислугу, скромных тружениц и падших женщин; увидите больных, испорченных и преступных людей. Вы встретите здесь различные религии, различные национальности. Всех приводит к о. Иоанну одно и тоже чувство. Оно заставляет людей, приехавших в каретах, выйти из экипажа и стать рядом с обыкновенным, серым человеком; оно поднимает падшую женщину из грязи и делает ее человеком. В присутствии о. Иоанна у самого дурного, одичалого человека пробуждается совесть, и у всех испорченных людей освещаются и

оживляются лучшие идеальные стороны их характера. Он спасает тем, что зовет к другому миру своим обликом.

О. Иоанн Сергиев.

Его труды записаны не в книгах, не на полотне, но в миллионах сердец; записаны и запечатаны так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем.

Он словом, делом, примером, а более всего своею личностью, воспитывает общество. Он преподает науку жизни. По-видимому такой науки нет. Конечно нет! Умение жить – это не наука, но философия. Древние греческие мыслители были правы, утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство и что только мудрец сумеет правильно осуществить эту задачу.

И о. Иоанн умеет. И это больше всякого другого его делания
Не в них его великое значенье.

Он тем велик, что к нам приблизил небеса,
В дни сомненья, лжи и святотатства,
Когда безумный мир купается в крови,
Он проповедует разноплеменным братство,
И речь его полна Евангельской любви.
Не склонный к прениям тщеславным и ненужным,

Идет он – ученик Распятого Христа
Ко всем надломленным, скорбящим и недужным
Ко всем слабеющим под тяжестью Креста,
И проникая вглубь пытливым оком
Скорбит с печальными, спешит больным помочь
И светит, как маяк, в глухую эту ночь!

Живая вода (Чему учит русский народ о. Иоанн)

„Живая вода Духа Святого да наполнит мое сердце и да потекут реки воды живы от сердца моего во славу Божию и во спасение людей Божиих“ (т. II 1).
Человек, говорит о. Иоанн, в слове своем не умирает; он бессмертен в нем, и по смерти будет говорить. Я умру, но и по смерти буду говорить.
Сколько между людьми этого бессмертного слова, которое оставили по себе давно умершие и которое живет иногда в устах народа (т. 1, 3).

Все сочинения отца Иоанна заключаются в 5 томах полного собрания его сочинений и в отдельных годичных (за последние годы) его бесед. Кроме того, его дневники изданы в ряде сборников под различными названиями, которые не повторяют книги «Моя жизнь во Христе», а содержит кое-что новое.

Все его сочинения (если исключить учёные исследования «О Кресте против старообрядцев» и «Житие Св. Евфимии») делятся на две группы: проповеди и дневники или религиозные размышления.

Проповеди о. Иоанна в печати не производят такого впечатления как в устной речи. В церкви его слово сильно, он подчиняет волю, ведет ее к Богу.

«Мы имели возможность лично слышать произнесённые однажды о. Иоанном наставления, говорит прот. Т. Буткевич. Что это была за чудная проповедь! Под открытым небом, окруженный большою толпою слушателей, напрягавших все свое внимание, чтобы не проронить ни одного слова, о. Иоанн говорил о вере, как необходимом условии для получения того, о чем мы просим Бога в своих молитвах. Без риторических прикрас, без ораторских приёмов, без всякого стремления к произведению эффекта, проповедь о. Иоанна отличалась апостольскою простотой и помазанностью; но какое могучее, какое сильное впечатление произвела она тогда на слушателей!.. Поистине, он говорил, «как власть имеющий»; его сердце и его вера делали излишнею и ненужною всякую проповедническую теорию...

Мы уже писали о Евангельской простоте и красоте живого слова о. Иоанна. Доказательность и убедительность его проповедей огромна, но она дана не столько в аргументации, сколько в вере оратора.

Это не значит, впрочем, что в печати проповедь о. Иоанна не сильна и не действенна. Нет, вышедшая из сердца, полного веры, горящего любовью, она не может не быть и здесь побеждающей: дело только в степени.

Сжатость, краткость, точность, основательность, простота, задушевность, и современность – вот характеристические черты проповедничества о. Иоанна. *Вера и жизнь по вере* – вот идея, которая проникает все его слова и поучения. Язык его проповедей прост, народен и в то же время отличается точностью и картинностью. Самое возвышенное содержание проповеди не удерживает о. Иоанна от практического вывода и необходимого для жизни наставления. Раскрыв отношения Лиц пресвятой Троицы, проповедник, например, без всякого искусственного скачка заканчивает свою проповедь обращением к людям: «Дети пусть чаще вспоминают о Сыне Божиим, Который не знает другой воли, кроме воли Отца; пусть и они научатся во всем повиноваться родителям» и т. д. (стр. 16). Мысль о творении земных растений возбуждает у проповедника, а вместе с ним и у его слушателей неподдельное чувство благородного восхищения красотой окружающей нас природы. Проповедник исполняется вдохновением истинного поэта!

Любовь чистая, христианская, дышит повсюду в проповедях о. Иоанна. Невольно чувствуется, что не желание проповеднической славы, а благо слушателей, их спасение, их нравственное преуспевание заставляют говорить проповедника. С распростертыми объятиями он идет навстречу «грешнику-брату», «грешнику-другу» (любимые выражения о. Иоанна). С истинною сердечностью и глубоким психологическим анализом раскрывает о. Иоанн свойства христианских добродетелей; но с особенною любовью, доходящею до высокого и истинно благородного увлечения, говорит он о человеческой нужде, о горе, о страданиях, о христианской благотворительности и делах христианского милосердия. Видно, что этот предмет и эта добродетель особенно близки сердцу проповедника.

Но проповеди о. Иоанна все-таки бледное и бедное слово сравнительно с дневником его, вдохновенным и благоухающим.

«Мне не спится, пишет Щеглов, к счастью я вспоминаю, что со мной несколько № «Паломника» с дневником о. Иоанна, захваченные мною на случай досуга... Я встал, зажег свечу и, отыскав Паломник, углубился в чтение...

О, это удивительный дневник, дневник о. Иоанна! Только, убеждаю вас, остерегитесь просматривать его с тем неряшливым и праздным любопытством, с которым обыкновенно пробегаеете вы газету или последнюю книжку журнала, иначе, пожалуй, он может вам показаться беспорядочным набором слов, складом прописных сентенций и цветистых фраз... К произведениям духовно-тонким, рожденным из глубочайших тайников человеческого сердца, должно приступать с душой открытой и настроением чутким, дабы между автором и читателем сразу образовался неуловимый сочувственный ток, без чего иногда самые возвышенные и пламенные страницы обидно блекнут и опошливаются. Вдобавок язык «Дневника», оригинальный и образный, исполнен зачастую тех полутемных намеков, которые всякий верующий схватывает с жадностью на лету, и которые для неверующего всегда останутся одними ненужными загадками.

Что же такое дневник о. Иоанна? Это нескончаемый ряд отрывков, больших и малых, часто всего в несколько строк, очевидно записанных наскоро и одновременно и отражающих, как в зеркале реки, солнце и тени души Иоанновой. Иногда это целые импровизированные молитвы, иногда это священные громы негодования на людскую нечисть; в одном месте вы нападаете на вдохновенный след религиозного экстаза, в другом вы прямо слышите вопль измученного и скорбящего сердца. В общем, эти беглые, нервные, местами недоговорённые или растянутые строки, сверкающие там и здесь, как драгоценными перлами, проникновенными мыслями, блестящими поэзии и духовными озарениями, производят на вас впечатление огромное и неотразимое.

Когда читаешь дневник о. Иоанна, то чувствуешь, что писавший его много пережил в борьбе с собою, с ветхим человеком и теперь стал сильным, потому что ясно видит впереди себя Кормчего – Христа и идет за ним.

Это запись благодатных мыслей и чувств, рождавшихся в нем вследствие того благодатного озарения души, которого он, по его собственным словам удостоился «от всепросвещающего

Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы».

Это подлинная школа духовной жизни. Это потому, что автор об явлениях духовной жизни говорит не только как человек, которому «через образование науками» Господь открыл все богатство веры и природы, и разума человеческого, обильно открыл истину свою и правду свою, но и более того, как человек, имевший богатый духовный опыт, тонувший, но не погибший верою и помощью Христа.

Живую веру, светлые надежды и отрадные утешения поселяют краткие, но вместе с тем глубоко назидательные истины дневника в душе великого грешника – христианина».

Строки дневника–огненные строки. Их силе нельзя противиться, даже если не хочешь отдаться их обаянию. Это книга необыкновенная. Оно, конечно, и не может иначе быть, тайна обаяния дана в тайне происхождения.

Откуда родился дневник?

Сам о. Иоанн в своей автобиографии о написании дневника говорит так: «С первых же дней своего высокого служения, я поставил себе за правило: сколь возможно искреннее относиться к своему делу пастырства и священнослужения, строго следить за собою, за своею внутреннею жизнью. С этой целью я прежде всего принялся за чтение священного писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него назидательное для себя, как для человека, священника и члена общества. Потом я стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу и свои благодарные чувства за избавления от искушений, скорбей и напастей».

Это, следовательно, «святая святых» его души, а мы видели, что это за душа и, следовательно, легко поймем как должны действовать на душу минуты пребывания в этом «святая святых».

О. Иоанн Сергиев

Какое содержание дневника?

Мы сначала хотели дать только несколько выдержек из этой книги. Но по некотором размышлении мы решили, что будет лучше дать читателю и по дневнику, и по беседам короткий обзор, чему учит о. Иоанн, его словами, но в некоторой системе.

И когда я начинаю присматриваться и вдумываться в жизнь людей, то мне всегда приходит на мысль следующий евангельский рассказ: «В один день Иисус вошел с учениками своими в лодку и сказал: переправимся на ту сторону озера; и отправились. Во время плавания Он заснул. На озере поднялся буйный ветер; находящиеся в лодке заливало волнами, и они были в опасности. Подошедши к Иисусу, они разбудили Его и сказали: Наставник! Наставник! погибаем. Но Он, встав, запретил ветру и волнению воды; и перестали и сделалась тишина. Тогда Он сказал им: где вера ваша? Они же в страхе и удивлении говорили друг другу: кто же это, что и ветрам повелевает и воде, и повинуются Ему?».

Жизнь человечества многим напоминает нам это плавание на лодке во время бури. Присмотримся поближе к самим себе; обратимся беспристрастно к своей деятельности. Что

представляем мы из себя, как не ту же слабую, боязливую, готовую придти в отчаяние группу людей, которая находилась с Иисусом в лодке?

Волны житейского моря, волны страстей неумолимо распоряжаются судьбой людей, готовясь как бы окончательно поглотить и затереть их в пучине. В самом деле, что руководит большинством из нас в жизни? Не страсти ли в самых разнообразных своих проявлениях?! Одним заправляет честолюбие и властолюбие, другим – тщеславие, третьим – корыстолюбие, четвертым – зависть, пятым – похоть плоти, и так далее без конца. Все несутся куда-то, сломя голову, не думая, не рассуждая о том, чем кончатся все эти мирские заботы и волнения. И вот каждый день, каждый час, каждую минуту, каждую секунду вихрь порочных страстей выбрасывает пред взоры людей десятки, сотни, тысячи человеческих жертв. Каждая из этих жертв стихийного мира стонет по-своему. Но в стоне всех есть одна и общая нота. Это – душевное смятение, страх и ужас пред жизнью, сознание бессилия спасти себя.

И среди этой мятущейся, ужасающей и проклинаящей жизнь и все человечество толпы, раздается, через посредство церкви, величественный, спокойный и кроткий голос Господа: «Что вы так боязливы, маловерные! Придите ко мне все трудящиеся и обремененные, и Я успокою Вас!».

Это же самое сравнение всегда приходит мне в голову, когда я читаю дневники о. Иоанна. Его голос в этих дневниках и беседах кажется мне таким же голосом среди бури, успокаивающим, возбуждающим, зовущим к мужеству и вере.

О. Иоанн любит рисовать мир, как опасное море греха и соблазнов. Здешняя суетная, волнуемая дьявольскими кознями, житейскими страстями и напастями жизнь – море. Все мы испытываем в разной степени бурю бед и напастей в жизни, как пловцы в море... Нас потопляют искушения и грехи. Каждый день падаем в глубину греха и тонем. Силою бури греховной еле держится наш жизненный челн. Куда идти, где спасение?

И как нетрудно потонуть в этом море без поддержки божественной, а люди еще более умножили для себя эту опасность несерьезным и ложным пониманием жизни. Они

считают истинными маяками ложные огни, держат путь по явно опасному пути.

О. Иоанн Сергиев.

«Мир – море волнующееся. В этом мире все течет, все меняется. Настоящий мир, как бы какой громадный калейдоскоп, вращающийся с поразительной быстротой. Человеку не на чем сосредоточить свое внимание навсегда. Тут веселье, музыка, здесь заупокойные молитвы, пение, плач об умершем; здесь богатство, роскошь, великолепие – тут голая бедность, недостаток во всем, в приличной и достаточно согревающей одежде, теснота, отвратительная грязь, сырость. Здесь цветущее здоровье, избыток сил – тут болезни, дряхлость, изнеможение; здесь все непрочно, как волны. Все на часы, дни, многое – годы».

Казалось бы на этой пестрой смене картин не стоит долго останавливаться даже зрителю. Человек, однако, не только смотрит на эту текучую смену явлений, как на что-то подлинное, истинное, но в этом текучем он даже полагает сущность жизни.

Забавляясь калейдоскопом, человек понял жизнь, как детскую игру.

«Жизнь наша – детская, неизвинительная игра; мы забавляемся пищей и питием, лакомясь вместо того, чтобы употреблять ее только вместо необходимого питания тела и поддержания телесной жизни. Мы забавляемся одеждами вместо того, чтобы прилично ими прикрывать свое тело для предохранения его от вредного действия стихий. Мы забавляемся серебром и золотом, любуясь ими в сокровищницах или употребляя его на предметы роскоши и удовольствий вместо того, чтобы употреблять его на нужды, а избытки разделять нуждающимся. Мы забавляемся своими жилищами и многообразием в них утварью, богато и изысканно украшая их, вместо того, чтобы иметь прочный и приличный кров, защищающий нас от вредного действия стихий, и необходимые и приличные для домашнего употребления вещи. Мы забавляемся своими душевными дарованиями, умом, воображением, словом, употребляя их только на служение земному и тленному, вместо того, чтобы прежде и более всего употреблять их на служение Богу, на познание Его, Премудрого Творца всякой твари, на молитву, моления, прошения, благодарение, славословие и на оказание взаимной любви и почтения, и только отчасти на служение миру сему, имеющему некогда совершенно прейти. Мы забавляемся своими познаниями о мирской суете и губим на приобретение их драгоценнейшее время, данное для приготовления к вечности. Мы нередко забавляемся своею должностью, своими обязанностями, легкомысленно, нерадиво, несправедливо, исполняя их и употребляя их для своих земных корыстных видов. Мы забавляемся хорошими лицами человеческими или прекрасным и слабым полом, и употребляем их часто для игры страстей своих. Мы забавляемся временем, которым надо пользоваться для искупления им вечности, а не употребляя его на игры и разные удовольствия. Мы забавляемся, наконец, сами собой, делая из себя какие-то кумиры, пред которыми сами преклоняемся и для которых ищем поклонения других».

Жить так, значит во время бури хвататься вместо чего-нибудь устойчивого за гребень самых волн, конечно погибнешь. Нужно искать прочной точки опоры, яркого маяка и твёрдой пристани, «следует, пишет о. Иоанн, постоянно помнить, как превратен этот свет, которым человек увлекается и как гибельна погоня за тенью жизни, вместо подлинной жизни».

«Человек есть венец творения и царь земли, созданный по образу и подобию Божию, с разумною и бессмертною душою. Его последняя цель не здесь, ибо на земле все тленно и временно, и человек здесь только временный пришелец, странник и временный ратник и воин: он должен крестом и терпением очищать себе путь к небу, для которого он сотворен».

Жизнь человека в Боге.

«Человек, говорят, точно свечка: горит, горит и погаснет. Хорошо это сравнение. А мне при этом сравнении вот что приходит в голову: смотря на бесчисленное множество зажженных свечей в храме пред иконами или в руках предстоящих и молящихся, я представляю огненную, постоянно существующую стихию, распространенную везде на земном шаре, и в воздухе, и на земле, и по местам от действия известных причин, видимую, но большею частью невидимую: эта стихия есть источница тех видимых огоньков, которые зажжены в церкви или где бы то ни было. Беру в сравнение людей. Что люди, как не отдельные огоньки? (только назовем эти огоньки духовными). Все эти огоньки горят, одни сильнее и ярче, другие – слабее и тусклее. Как у огней где бы то ни было находящихся, есть постоянный неиссякаемый источник огня, разлитый в природе, так у людей, как отдельных огней или духовных светочей – светильников, есть единый, вечный, беспредельный духовный Огонь или Свет – начало всех неделимых, на земле видимых или погасших для этой жизни огоньков. Сам Господь Спаситель сравнивал Предтечу Своего и Апостолов со светильниками, горящими и светящими. Как обыкновенный огонь стремится вверх, так и духовный огонь – душа тоже стремится к Богу – горе».

Без Бога душа не может жить ни минуты.

«Бог не есть для человека постороннее и, сказать, внешнее. Он – Первообраз человеческой души, есть то, чем душа живет, дышит. Бог, – говорит о. Иоанн – мое бытие, мое дыхание, мой свет, моя сила, моя вода, мое питание. Он носит меня, как мать носит на младенца, больше: нося меня, душу и тело мое, он во мне пребывает и растворяется, так сказать, со мною. Тело наше живет теми стихиями, из которых само составляется, постоянно впитывает в себя воздух, воду, органические тела; душа живет Божественным духом, от Которого она имеет свое начало и постоянно впитывает в себя для поддержания своей жизни, жизнь Триипостасного Бога». «Ни одна душа не существует без Бога, без Сына Его, без Духа Его».

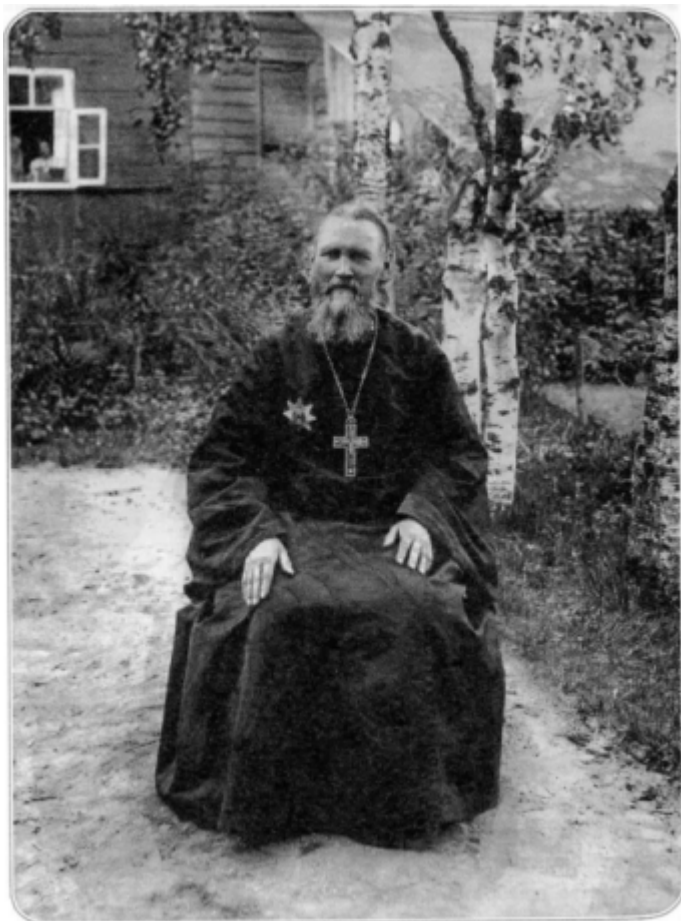
Лишенное воздуха, питья и пищи тело умирает. Точно также умирает душа, как только порывает свою связь с Триипостасным Богом. Но смерть души отличается от смерти тела. Умершее тело разлагается, сгнивает. Душа так умереть не может; ее смерть имеет другие признаки. Человек, у которого душа замерла, приходит в состояние окаменения, одеревенения, нечувствительности ко всему истинному, доброму и святому. «Весь, говорит о. Иоанн, – бываешь как камень, как колода, без веры, без способности молиться, без надежды на милосердие Божие, без любви. На душе бывает такое окамененное нечувствие, что грехов своих не видишь, не чувствуешь; ни смерти, ни Судии, ни страшного суда не боишься; все духовное бывает, как говорится, трын-трава». Если человек потерял Бога, веру, он потерял и душу.

«Ты отвергнул все духовное, священное и небесное? Так ты плоть, земля, в тебе нет души, тебе не знать неба, ад твой вечный удел. Где душа твоя, скажи мне? Всякая душа от Бога и знает Его, и стремится к Нему, а для твоей души нет Бога, она не знает Его; легче же поверить, что нет твоей души, чем Бога, Творца всего существующего. О, я вижу как жалко в тебе то, что ты называешь своею душою. В неведомой дали от отца духов и всякой плоти, она томится бедная, в области плоти, мрака и гибели неотразимую тоской по какой-то потере, по чему-то родному; какую-то пустоту и мрак чувствует она в себе, каким безотрадным находит она свое положение! Быть духом, иметь

духовные потребности и стремления и не находить им удовлетворения – какое мучение ее души! Видеть как другие прибегают в храмы Божии с усердными молитвами к Богу, как получают оттуда дары небесной благодати, и в то же время чувствовать в себе борьбу гордого разума, не покоряющегося святой истине – с природными стремлениями своей души: как это убийственно для души. Воротись домой, блудный сын; куда ты зашел? Зачем ты расточаешь имение Отца Небесного вдали от Него, живя блудно? Твой ум – не твой, он – дар Божий; зачем ты употребляешь во зло? Тебя Бог одарил им с тем, чтобы ты познавал Его и старался уподоблять Ему, а между тем ты делаешь из него пагубное средство подальше уйти от Него, забыть и не знать Его. Воротись к Отцу твоему, несчастный; далеко зашел ты; в этой дали нет ничего, кроме вечной смерти».

«Видя повсюду в мире, во всех тварях великих и малых, красоту неподражаемую, привлекающую и веселящую сердца наши, возведи свой мысленный душевный взор к первообразной, несозданной Красоте, к первому несозданному личному Уму, к первой Доброте и красоте, к ипостасной Премудрости, Благости бесконечной, все создавшей по единой благодати – неподвигнутой к творению никакою необходимостью, никакою нуждою. Ибо она сама в себе вседозвольна и всеблаженна; и не прельщайся красотой видимых тварей, как тленных и преходящих, но прикрепляйся сердцем к верховной, вечной личной Благости, к Богу, Который может совершенно наполнить и облаженствовать твою душу, как край и конец всех наших желаний».

Но что такое жизнь в Боге? Это вера! Бог усвоится верою. Вера дает человеку утешение, счастье. «Вера, – говорит о. Иоанн, величайшее благо земной жизни: она соединяет человека с Богом и в нем делает его сильным и победоносным». Она радует, живит душу; делает душу выше чувственности, выше телесного, мрачного естества; уносит его в мир горний, духовный». «Тут-то ей, – замечает Кронштадтский протоиерей, бывает хорошо, тут-то ее истинная жизнь, ее успокоение и радость».

О. Иоанн Сергиев.

Но вера даром не дается; она приобретается трудом, у ленивых и беспечных христиан веры нет.

Средство приобретения веры – молитва.

Собственно весь дневник о. Иоанна и говорит о молитве. Здесь о. Иоанн в своей сфере, здесь он вдохновенен.

О. Иоанн Сергиев.

Что такое молитва?– «Молитва есть возношение ума и сердца к Богу, созерцание Бога, дерзновенная беседа твари с Творцом, благоговейное состояние души перед Ним, как перед Царем и Само-Животом, дающим всем живот; забвение для Него всего окружающего нас, пища души, воздух и свет, животворная теплота ее, очищение от грехов, благое иго Христова, легкое бремя его».

«Молитва – постоянное чувство, сознание своей немощи или нищеты духовной, освящение души, предвкушение

будущего блаженства, блаженство ангельское, небесный дождь, освежающий, напояющий и оплодотворяющий землю души, сила и крепость души и тела, освежение и очищение мысленного воздуха, просвещение лица, веселье духа, золотая связь, соединяющая тварь с Творцом, бодрость и мужество во всех скорбях и искушениях жизни, светильник жизни, успех в делах, равноангельное достоинство, утверждение веры, надежды и любви».

«Молитва – сообщество с Ангелами и святыми, от века Богу угодившими. Молитва – исправление жизни, мать сердечного сокрушения и слез; сильное побуждение к делам милосердия, безопасность жизни, уничтожение страха смертного, пренебрежение земными сокровищами, желание небесных благ, ожидание всемирного Судии, общего воскресения и жизни будущего века; усиленное старание избавиться от вечных мучений; непрестанное искание милости (помилования) у Владыки; хождение пред очами Божиими, блаженное исчезание пред Всесоздавшим, всеисполняющим Творцом; живая вода души; молитва – вложение в сердце всех людей любовью; низведение неба в душу, вложение в сердце пресвятой Троицы, по сказанному: придем к нему и обитель у него сотворим».

«Если хочешь молиться животворною молитвой, утверди прежде всего сердце твое в Господе, вознеси рог свой в Бозе своем. Господь так близок к каждому, особенно к свято живущему христианину, что сердце его и тело его есть храм Духа Святого. Не весте ли, яко телеса ваши храм живущего в вас Св. Духа суть? Какое удобство для молитвы на всяком месте! Близ тебя глагол молитвы, или Бог, Которому молишься во устах своих, в сердце твоём».

«Молитва вода живая, которою душа утоляет свою жажду. Когда молишься, тогда представляй, что как бы один только Бог и был пред тобою, Бог – троичный в лицах, и кроме Него – ничего иного. Представь себе, что Бог в мире, как душа в теле, хотя и бесконечно выше его, и не ограничивается им. Твое тело мало, и все его проникает малая душа твоя: мир же велик, а Бог бесконечно велик, и по своему творению Бог все наполняет – везде сый и все исполняй».

«Хотя Бог видит наши нужды, но молитва нужна для очищения и просвещения нашей души. Хорошо стоять на солнце: и тепло и светло, так и на молитвах пред Богом – нашим духовным солнцем, и согреваемся и просвещаемся».

«Надо омываться от грязи, а молитва есть омовение от духовной грязи, т. е. от грехов, особенно слезная».

«Все молитвы предполагают великую бедность и нищету нашего падшего естества; они предполагают также, что Господь, приснотекущий источник всякого совершенства, всякого блага, что Он есть наше Сокровище неистощимое».

«Надо и самым делом иметь на молитве и во всякое время нищету духа. Блаженны нищие духом».

«Как каждое слово молитвы: помилуй мя Боже, Владыка слышит и исполняет, только бы от сердца говорили; так и все слова других молитв, даже наши собственные, искренние молитвы слышит и исполняет. О, благослушливый, Владыко! Слава Тебе! Просите и дастся вам, ищите и обрящете, толците и отверзится вам. Всяк бо просяй приемлет... Только в простоте сердца, без сомнения молитесь. На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. От своего разума плотского совсем откажись, и не внимай ему, ибо плотский разум кичит, сомневается, мечтает, хулит».

Для чего нужна продолжительная молитва?

«Для того, чтобы продолжительностью усердной молитвы разогреть наши хладные, в продолжительной суете закалённые сердца. Ибо страшно думать, тем более требовать, чтобы заматеревшее в суете житейской сердце могло вскоре проникнуться теплотой веры и любви к Богу во время молитвы. Нет, для этого нужен труд и труд, время и время. Царствие небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его. Не скоро царствие Божие приходит в сердце, когда от него так усердно люди бегут. Сам Господь изъявляет волю Свою, чтобы мы молились не кратко, когда представляет в пример вдову, долго ходившую к судье и утруждавшую его просьбами своими. Господь-то Отец наш небесный знает прежде прошения

нашего, чего мы требуем, в чем нуждаемся, да мы-то не знаем Его, как бы следовало, суете-то мирской мы очень преданы, а не Отцу небесному. Вот Он по премудрости и милосердию Своему и обращает нужды наши в предлог к обращению нас к Нему, т. е. требует от нас продолжительной молитвы не для себя, а для нас».

«Говорят: нет охоты – так не молись; лукаво мудрствование плотское, не стань только молиться, так и совсем отстанешь от молитвы; плоть того и хочет, царствие небесное нудится; без самопринуждения к добру не спасемся».

«Учитесь молиться, принуждайте себя молиться; сначала будет трудно, а потом, чем более будете принуждать себя, тем легче будет; но сначала нужно всегда принуждать себя».

«Сердце наше ежедневно умирает духовною смертью. Теплая слезная молитва есть оживление его, начинающее дыхание его. Если не молиться ежедневно с теплотой духовною, то легко скоро умереть духовно».

«Некто во время молитвы, когда он делался вял, расслаблен духом и телом, и ему хотелось дремать, возбуждал себя следующим внутренним вопросом: с кем ты беседуешь, душа моя? и живо представляя после этого пред собою Господа, начинал молиться с великим умилением и со слезами: притупленное внимание его изощрялось, ум и сердце просветлялись, и он весь оживотворялся. Вот что значит живо представлять пред собою Господа Бога и ходить в присутствии Его! Если, говорил он дальше, душа моя, ты не смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с людьми, высшими тебя, что бы не оскорбить их, то как ты смеешь вяло и небрежно разглагольствовать с Господом?»

«Во время молитвы бывают иногда минуты убийственного мрака и стеснения сердечного, происходящие от неверия сердца. Не малодушествуй в эти минуты, но вспомни, что если поблек свет Божественный в тебе, то он сияет всегда во всем блеске и величии в Боге, в церкви Божией небесной и земной и в мире вещественном, в котором видимы Его пренасущная сила и Божество. Не думай, что изнемогла истина: она никогда не изнеможет, потому что истина – сам Бог и все существующее в

Нем имеет свое основание и причину. Изнемогает в истине только твое слабое, грешное, темное сердце, которое не всегда может переносить напряжение света ее и не всегда способно вместить чистоту ее, только тогда, когда оно очищается или очищено от греха, как первой причины духовного мрака. Доказательство тому всего ближе взять от тебя самого. Когда свет веры или истины Божией живет в твоём сердце, тогда оно покойно, твердо, сильно, живо; а когда он пресечётся, тогда оно беспокойно, слабо, как трость ветром колеблемая, безжизненно. Не обращай внимания на этот сатанинский мрак. Прогоняй его от сердца знаменiem животворящего креста».

«Когда ты один молишься и унывает дух твой, и станет скучать и тяготиться одиночеством, помяни тогда, как и всегда что на тебя светлейшими паче солнца очами взирает Триипостасный Бог, все святые ангелы, ангел твой хранитель, и святые Божии человеки, истинно, ибо все они едино в Боге и где Бог, там и они. Куда солнце, туда и все лучи его обращены. Разумей, что говорится. Молись всегда горящим сердцем, а для этого никогда не объедайся и не упивайся. Помни, с кем беседуешь. Люди забывают часто, с кем они беседуют на молитве, кто свидетели их молитвы. Они забывают, что беседе их с Богом Всевидящим внимают все силы небесные и св. Божии человеки».

«Во время молитвы иногда чувствуешь какое-то отречение от Бога и отчаяние; не надо увлекаться этим чувством, оно от диавола, а надобно говорить в сердце: не отчаиваюсь в своем спасении, окаянный, на твое же безмерное благоутробие, дерзая прихожу и взываю: аще есть ми спасения упование, аще побеждает человеколюбие Твое множество беззаконий моих, буди ми Спаситель».

«Молясь с людьми, мы иногда должны пробить молитвою свою, как бы твердую стену, души человеческие, окаменевшие житейскими пристрастиями, пройти мрак египетский, мрак страстей и пристрастий. Вот отчего иногда бывает тяжело молиться. Чем чаще с простыми людьми молишься, тем легче. Тяжело – тогда-то и молись, принудь себя. Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве?

Можно тем, которые научились внутренней молитве чистым сердцем. В молитве надобно, чтобы сердце искренно желало того, чего просит; чувствовало истину того, о чем говорит, а чистое сердце имеет это как бы в природе своей. Потому оно может молиться и с поспешностью, и в то же время богоугодно, так как поспешность не вредит истине (искренности) молитвы. Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному созерцанию. Поэтому редкое произношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за неперемнное правило. Ожидай, пока каждое слово отдается в сердце свойственным ему отголоском».

Нечего и говорить, что в данном случае о. Иоанн нисколько не проповедует безусловно насильственного принуждения себя к молитве: принуждение должно иметь меру и быть разумным. «Принужденная молитва, по мнению о. Иоанна, только развивает ханжество, делает человека вялым ко всему, даже к исполнению должностей своих, так и рабом форме, обрядности, потому что это ведет к фарисейству, к лицемерному приношению к Богу заведённого правила». Будучи сам человеком горячего духа и высокого религиозного вдохновения, о. Иоанн желает видеть в каждом христианине только такое благочестие, которое является выражением внутреннего состояния своей веры, и более всего ценит в христианине религиозное творчество в меру одушевления каждого верою Христовою. Молитва христианская, по мысли о. Иоанна, есть свидетельство присутствия религиозной жизни в христианине и показатель степени ее совершенства. Отсюда о. Иоанн находит необходимым требовать от христианина благоразумной «уверенности во всех религиозных делах», «соответственно своим силам, обстоятельствам времени, места, трудам предшествовавшим», предупреждая, что в противном случае молитва «уже будет не добродетель». «Хорошо послушание во всем матери-церкви, но с благоразумием и если возможно, кто может вместить продолжительную молитву, да вместит. Но не все вмещают словесе сего; если же продолжительная молитва

несовместима с горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву». С той силой убеждённости, какую может дать только ежедневный глубокий опыт, о. Иоанн устанавливает, как «правило» при молитве, что «лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком». Но эти пять слов должны быть сказаны «охотно, с энергией», каждое должно «отдаваться в сердце свойственным ему отголоском», так чтобы согретая «каким-нибудь живым представлением», например, своей духовной бедности или великих ежеминутных благодеяний Божиих, молитва наша была «вся дух, вся разум».

«Молитвою часто называют то, что вовсе не есть молитва – сходил в церковь, постоял, посмотрел на иконы или на людей, на их лица или наряды; говорит: помолился Богу, постоял дома пред иконою, покивал головою, проговорил заученные слова без понимания и сочувствия, говорит: помолился Богу, хотя мыслями и сердцем вовсе не молился, а был где-либо в другом месте, с другими людьми и вещами, а вовсе не с Богом».

«Молитва принужденная делает неспособным ни к какому занятию, требующему размышления *к исполнению должностей* своих. Это должно убедить всех таким образом молящихся, исправить свою молитву. Молиться должно охотно, с энергией, от сердца. Ни от скорби, ни от нужды молись Богу – доброхотна бо дателя любит Бог».

«Меру достоинства своей молитвы будем измерять человеческою мерой, качеством отношений наших к людям. Каковы мы бываем с людьми? Иногда мы холодно без участия сердца, по должности или из приличия высказываем им свои просьбы, похвалы, благодарность, или делаем для них что-либо, а иногда с теплотой, с участием сердца, с любовью, или иногда притворно, иногда искренно. Так же неодинаковы мы бываем и с Богом. А не так надо. Надо всегда от всего сердца высказывать Богу и славословие, и благодарение, и прошение; надо всегда делать от всего сердца всякое дело перед Ним; всем сердцем всегда любить Его и надеяться на Него».

«Как в жизни часто бывает, что человек иное имеет на сердце, а иное на устах в одно и то же время, так и в молитве пред лицом Самого Бога, видящего тайные сердца, человек

нередко представляется двуличным: иное говорит, а иное имеет в мыслях и на сердце. Если же, что чаще бывает, хотя и понимает молитву, и мыслит об ней, но не сочувствует сердцем тому, что говорит, будучи мертв, и бросает таким образом слова на воздух, обманывая себя самого и думая, что такую молитвой можно угодить Богу. Странная греховная двойственность! Это горький плод и свидетельство нашего грехопадения, сердцу нашему как-то обычно лгать в молитве и в обращении с людьми. Это столп лжи. Христианину надо употреблять все меры, чтобы вырвать из сердца с корнем всякую ложь и насадить в нем чистую истину. Надобно начинать с молитвы, как с такого дела, в котором прежде всего необходима истина сердца, по слову Господа: духом и истиною достоин кланяться. Глаголи истину в сердце своем».

Должно быть равновесие внутренней и наружной стороны молитвы.

«Наружная молитва нередко исполняется на счет внутренней, а внутренняя на счет наружной, т. е. если я молюсь устами или читаю, то многие слова не ложатся на сердце, я двоюсь лицемерно; устами выговариваю одно, а на сердце – другое; уста говорят истину, а сердечное расположение не согласуется со словами молитвы. А если я молюсь внутренне, сердцем, то, не обращая внимания на выговаривание слов, я сосредоточиваю его на содержании, на силе их, приучая сердце постепенно к истине, и вхожу в то самое расположение духа, в каком написаны молитвенные слова. И таким образом приучаюсь мало-помалу молиться духом и истиною по словам вечной истины: иже кланяться Богу духом и истиною достоин кланяться».

«Когда человек молится наружно вслух, тогда ему можно не всегда уследить за всеми движениями сердечными, которые слишком быстры, так что ему по необходимости нужно заняться выговором, внешнею формою слова. Таким образом у многих причетников, бегло читающих, образуется совершенно ложная молитва: устами они как будто молятся, по всему зришь их аки благочестивых, а сердце спит и не знает, что уста говорят. Это

происходит от того, что они торопятся, и не размышляют сердцем о том, что говорят».

Но почему Бог иногда не слышит молитв? Потому что в них нет веры. Мы сказали, что без молитвы невозможна вера, но и молитва сильная богоугодная невозможна без веры, в смысле твердой надежды, уверенности в помощи Божией и силе Божией.

«Живая видящая вера в Господа главное; в молитве представь его живо пред собою и в себе самом, и тогда еже хочешь, и проси о Христе Иисусе в Духе Св. и будет тебе. Проси просто, ничтоже сумняся, и тогда Бог твой будет все для тебя, во мгновение свершающий великие и чудные дела, подобно тому, как крестное знамение совершает великие силы. Проси не для себя одного, но и для всех верных, для всего тела церкви благ духовных и вещественных, не отделяя себя от прочих верующих, но, находясь в духовном единении с ними, как член единого великого тела церкви Христовой, – и любящий всех, как чада своих во Христе, Отец небесный исполнит тебя великим миром и дерзновением».

«Посему прежде молитвы приготовь себя к несомненной, крепкой вере и прими заблаговременно средства против сомнения и неверия, худо, если во время самой твоей молитвы, сердце твое изнеможет в вере и не устоит в ней, тогда не думай, чтобы ты получил то, о чем просил Бога сумняся, потому что ты оскорбил Бога, а ругателю Бог не дает даров своих! Вся, сказал Господь, елика аще воспросите в молитве верующе, примите, и значит, если воспросите неверующе или с сомнением не примите».

В молитве дышит надежда, и молитва без надежды – греховная молитва.

«Молящиеся! еда мало есть вам труд даяти человеком и как даете Господеву труд. Мало еще разве для вас видеть бессилие в человеках, как вы хотите видеть бессилие в самом Боге, тайно помышляете, что Бог не исполнит вашего прошения? Пусть для людей многое трудно, весьма многое невозможно, но как вы считаете что-либо трудным для Бога?

Есть разве для Него что-либо трудное и невозможное? Все для него возможно и легко. Вся возможна суть у Бога.

О. Иоанн Сергиев.

Итак, молясь, будьте уверены твердо, что для Господа все легко, что Он может все в мгновение сделать. Вашей собственной немощи что-либо сделать, в чем-либо помочь себе или ближнему, не приписывайте Богу. Для вас, как для слабых ничтожных тварей, почти все трудно: вы это сами на себе и на других испытывали тысячу раз; но разве мало вам еще даяти (приписывать) труд человекам, что вы даете еще и Господеву труд – Господу, Который все создал мыслью и словом. Для него, помните, ничто не трудно: все смело просите, все надейтесь получить. Все, елика аще воспросите в молитве, верующе, примете».

«Молясь нужно веровать в силу слов молитвы, чтобы не отделять самых слов от самого дела, выражаемого ими; нужно веровать, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так

как у Господа слово и дело нераздельны: ибо «той рече и быша; той повеле и создашася». И ты так же веруй, что ты сказал на молитве, о чем попросил, то и будет».

«Молитва есть дыхание души, молитва есть духовная пища и питье».

«На молитве необходимо обдуманное, крайнее смирение. Надо помнить кто говорит и что говорит, особенно это нужно во время чтения молитвы Господней: Отче наш. Смирение разрушает все козни вражи. Ах! Как много в нас тайной гордости.

Это – говорим – я знаю, в этом не нуждаюсь; это не для меня; это лишнее; в этом я не грешен. Сколько своего мудрования!»

«Молитва – золотая связь человека христианина, странника и пришельца на землю с миром духовным, коего он член, и паче всего с Богом – Источником жизни; от Бога изошла душа, к Богу и да грядет чрез молитву. От молитвы великая польза для молящегося: она успокаивает душу и тело; она успокаивает душу не только самого молящегося, но и часто души представшихся праотец, отец и братьев наших. Видите как важна молитва!»

Если молитва вообще – есть свет, откровение, спасение, то молитва богослужebная в храме бесконечно плодотворнее, бесконечно благодатнее.

«Поистине храм есть земное небо, ибо где престол Божий, где страшные Тайны совершаются, где ангелы служат с человеками, где непрестанное славословие Вседержителя, там истинно небо и небо небес. Итак, да входим в храм Божий, наипаче во Святое Святых, со страхом Божиим, с чистым сердцем, отложив страсти и все житейское попечение, и да стоим в нем с верою, благоговением, разумно внимательно, с любовью и миром в сердце, да исходим обновленными, как бы небесными; да живем во святине, свойственной небу, не связуясь житейскими похотями и страстями».

«В церкви мы вытрезвляемся от мирского обаяния и опьянения страстей и похотей житейских, просветляемся, освящаемся, очищаемся душами своими, к Богу приближаемся, с Богом соединяемся. Как должен быть достопочтен и достоин любви храм Божий, как любили его святые Божии человеки. В храме Божиим добрые, простые верующие души. Как в доме Отца Небесного, так им свободно тут и легко, легко. Здесь предвкушают истинные христиане будущее царствие, уготованное им от сложения мира, будущую свободу от всякого греха и смерти, будущий покой и блаженство. Когда же предвкушают? Искренно обращаясь душою к Богу, усердно молясь Богу, принимая решительное намерение посвятить Богу жизнь свою, и вне храма совершая самым делом дела добродетели. Как прекрасна, глубоко продумана, воспитательна и сама обстановка православного храма! Что в сравнении с ним все молитвенные дома, какие где-либо существуют. В самом деле, в каком святом, высоком обществе видит себя христианин в храме, окружённый ликами святых ангелов и угодников. Взираю на иконы в храме: на Твою икону, Господи, на икону пречистой матери Твоей, св. ангелов, архангелов, на лики святых, украшенные золотом и серебром, и думаю сам себе: как

Ты почтил и украсил наше естество. Твоим светом сияют святые Твои, Твоею благодатью они святые, победив греховность и отмыв греховные скверны плоти и духа, Твоею славою они славны, Твоим нетлением они нетленны».

«В храме мы научаемся верности, мужеству, терпению, кротости, незлобию, смирению, нестяжательности, воздержанию, чистоте, целомудрию, самоотвержению, безропотному перенесению своих скорбей, любви не только к ближним, но и к врагам своим, научаемся и другим многоразличным добродетелям. А молитва песнопения, эти гимны – лучшая христианская поэзия. Голос церковных чтений, песней, молитв и молений – это голос душ наших, излившийся от сознания и чувства наших духовных нужд и потребностей. Это голос всего человечества, сознающего и чувствующего свою бедность, свою окаянность, свою греховность, свою нужду в Спасителе, нужду в благодарении и славословии за безчисленные благодеяния и бесконечные совершенства Божии. Чудны эти молитвы и песни: они дыхание Духа Святого. Беда вся только в том, что они часто достигают только до нашего слуха, не проникая во внутреннее святилище наше. Если бы мы были более внимательны в храме, какими бы чудными нам казались и все наши песнопения, постоянно, сколько бы раз мы ни слушали их. Говорю – постоянно. Кто слушает внимательно церковные песнопения, тот каждый раз будет находить в них все новый и новый смысл. Не только в целом песнопении он будет открывать новые глубокие мысли, но и в каждом отдельном выражении их. Я испытал это не один раз. Некоторые из наших прогрессистов почитают Церковь врагом для себя. Но если кто любвеобильнее, благожелательнее и мудрее в своей любви к людям, то это Церковь. Все, что естьобразнейшего в нашей природе и благопотребнейшего для неё – все это заключается в Церкви, как сокровищнице, подобно тому, как в Евангелии заключены глаголы Живота. Церковь есть истинная мать всего человечества, право верующего во Христа, самый верный друг христиан. Она сочувствует и отвечает всем существенным потребностям души и тела христианина деятельным пособием или подаванием помощи силою Господа».

«Богослужение всегда бодрит и живет меня, признается о. Иоанн: оно дает мне силы переносить все, что я ни встречаю на своем жизненном пути. Благодарю всеблагу, всесвятую, премудрую мать мою – Церковь Божию, спасительно руководствующую меня в сем временном житии и воспитывающую меня для гражданства небесного; благодарю ее за все чины молитв, богослужения, таинств, обрядов. Благодарю ее за посты, столь для меня благодетельные в духовном и телесном отношении. Через них я здоров духом и телом, покоен, бодр, легок. Без поста мне было бы крайне тяжело, как это испытано не во время поста. Благодарю непорочную мать мою, Церковь Божию, восхищающую меня небесным своим служением, восторгающую горе, к небеси дух мой, просвещающую ум мой небесною истиною, указывающую мне путь живота вечного, избавляющую от насилия и бесчестия страстей, делающую жизнь мою блаженною. Велика твоя любовь, Господи. Ты всего себя истощил ради любви ко мне. Взираю на крест и дивлюсь Твоей любви ко мне и к миру, потому что крест есть наглядный отпечаток Твоей любви к нам. «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя». Твои животворящие Тайны, Господи, также служат всегдашним громким доказательством Твоей к нам, грешным, любви, ибо это божественное Тело Твое было за меня, за всех нас ломимо; эта кровь за меня, за всех нас изливалась. Господи! Славлю чудеса св. Таин Твоих над верными твоими, которым я преподавал оные. Славлю исцеления безчисленные, которым я был свидетелем».

«Славлю действие их во мне всеспасительное. Славлю Твое милосердие ко мне, в них и через них мне являемое силу Твою животворную, в них действующую. Господи! за великую любовь Твою ко мне, как не любить Тебя от всего сердца моего, ближнего, как самого себя, любить не только любящих меня, но и врагов моих? О, если бы все это постигали, как мало было бы у нас отщепенцев, как все мы любили бы и чтили бы св. храм Божий, как мало бы говорили о прелести жизни людей, оставивших лоно Христовой Церкви. Если бы сектанты и неверующие поняли высоту и красоту христианского идеала и

нашего богослужения, то они устремились бы все опять в наши храмы, забыв свои молитвенные дома и своих лжепастырей-руководителей.

О. Иоанн Сергиев.

Господи! даруй, чтобы храм Твой всем приходящим в него с верою, благоговением и страхом Божиим, сообщал просвещение душ, очищение грехов, освящение, мир, здоровье, тишину душевную, укреплял веру, надежду и любовь, способствовал исправлению жития, успехам во всех благих начинаниях и делах, взаимной любви, чистому христианскому житию, умягчению сердец и прекращению самолюбия, жестокосердая, любостяжательности, жадности, зависти, злобы, чревоугодия, пьянства, разврата — этих пороков, столько вредных в общественной жизни и подрывающих основы ее. Даруй сие, даруй, Господи, всем любящим посещать храм Твой, да и не любящих его расположи любить его и исправлять сердца и дела свои: ибо время близко и суд при дверях для всех людей, всякого звания и состояния, всякого пола и

возраста, и всем предстоит дело бесконечно великой важности – дать ответ на страшном Суде Христовом».

«А в храме нет ничего святее, выше, величественнее, торжественнее, животворнее литургии! Храм, в это особенно время, бывает земным небом, священнослужители изображают Самого Иисуса Христа, Ангелов, Херувимов, Серафимов и апостолов. Литургия – постоянно повторяющееся торжество любви Божией к роду человеческому и всесильное ходатайство о спасении всего мира и каждого члена в отдельности. Агнчий – брак царского сына; на котором невеста Сына Божия – каждая верная душа. Уневеститель – Дух Святой. С какою уготованною, чистою, возвышенною душою нужно всегда присутствовать при литургии, чтобы не оказаться в числе тех людей, которые, не имея одеяния брачного, а имея оскверненную одежду страстей, связаны были по рукам и по ногам, и выброшены вон из брачного чертога во тьму кромешную. Ныне, к несчастью, многие не считают нужным ходить к литургии; иные ходят только по одной привычке, и каковыми пришли, таковыми и уходят – без возвышенных мыслей, без сокрушённого сердца, с нераскаянною душою, без решимости к исправлению. Иные стоят неблагоговейно, рассеянно, без всякой сосредоточенности, без всякой подготовки себя дома посредством размышления и воздержания, ибо многие успеют пред обедней напиться, а иногда наесться.

Когда Господь сходил на Синай, народу еврейскому пред тем повелено было приготовиться и очиститься; здесь не меньше синайского схождения Божия, а больше: там только задняя Божия, а здесь самое лицо Бога-Законоположника. Когда на Хориве явился Господь Моисею в купине, ему повелено было снять сапоги с ног; а здесь больше хоривского Богоявления: там прообраз, здесь Сам Преобразователь. О, как мы пристрастны к земному! Не хотим даже и один час посвятить, как должно, исключительно Богу! Во время божественной, пренебесной литургии, и тогда мы дозволяем себе мечтать о земном и наполняем душу образами и желаниями земных вещей, иногда – увы! – даже нечистыми образами. Между тем, как должны были бы молиться пламенно,

размышлять усердно о великой тайне сей, каяться в грехах своих, желать и просить очищения, освящения, просвещения, обновления и утверждения в христианской жизни, в исполнении заповедей Христовых, молиться за живых и умерших; ибо литургия – жертва умиловительная, благодарственная, хвалебная и просительная. Велика литургия! На ней воспоминается вся жизнь не какого-либо великого человека, а Бога воплотившегося, пострадавшего и умершего за нас, воскресшего и вознесшегося и паки грядущего судите миру всему»!

«Литургия есть вечеря, трапеза любви Божией к роду человеческому. Около Агнца Божия все собираются на дискосе – живые и умершие, святые и грешные. Церковь торжествующая и воинствующая».

О. Иоанн Сергеев.

«Цени же, христианин, по достоянию величайшее чудо Иисуса Христа, Сына Бога Живаго, являемое в причащении с верою Его божественным Тайнам. Какое же чудо? Упокоение и

оживотворение Твоего сердца, умерщвлённого грехом, столь явного после предшествующего часто причащению сердечного беспокойства и духовной смерти. От привычки не почитай его никогда за нечто обыкновенное и маловажное; такие мысли и расположения навлекают на тебя гнев Господень, но ты не будешь после причащения вкушать мира и жизни. Живейшею сердечною благодарностью за дары оживотворения приобретай жизнь от Господа, и вера твоя да возрастает более и более. Боязнь и беспокойство от неверия происходят. Возникновение их во время причащения почитай за верный знак, что ты удаляешься неверием от жизни, подлежащей в Чаше, и не обращай на них внимания. О, вера, вера! Ты сама еси чудо для нас! Ты-то нас спасаешь, вера твоя спасе тя».

«С верою несомненною причащаясь животворящих Таин, я осязательным образом поучаюсь вездесущую Христову. Каким образом? Вот каким: в каждой частице тела и в каждой капле крови я принимаю всецелого Христа и, таким образом, вижу сердечными очами, что Он в одно и тоже время весь во всех частицах и каплях, сколько бы их ни было, до бесконечности. Так же точно Господь весь во всяком храме; а как храмы православные находятся по всей земле, то Господь не только Божеством, но и душою и телом Своим присутствует по всей земле, везде сообщаясь верующим весь нераздельно, и производя в них сладостные плоды: очищение грехов, освящение душ и телес христианских, праведность, мир и радость о Дусе Святе, соединяя всех с Собою, со Отцом и Святым Своим Духом».

«Когда принимаешь животворящие Тайны, вообрази твердо в видах хлеба и вина Самого Христа; сделай на них мысленное надписание: Иисус Христос, и с этим мысленным надписанием (а чувственное есть препроводи) умственно до глубины сердца, и там мысленно положи животворящего Гостя. Если так, с такою верою примешь св. Тайны, то увидишь, что произведут в тебе они: мир душевных сил глубочайший, легко тебе всему будет необыкновенно. По мере веры нашей Господь благодетельствует нам. По мере сердечной готовности Тело и Кровь оказываются животворящим углем на сердце верующего.

Церковь – небо; алтарь – престол жизни, с коего нисходит Бог для питания и оживления верующих в св. пречистых Тайнах. *Дивны дела Твоя Господи! (Откр.15:3)* Ты заранее приготавливаешь нас к созерцанию престола и Сидящего на нем, видением земного престола в церкви и созерцанием очами веры Возседающего на нем».

«Ядый Мою плоть, и пий Мойю кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем (Ин.6:56). Это осязательно, и опыт подтверждает это. Преблаген, преисполнен жизни тот человек, который с верою причащается св. Таин, с сердечным раскаянием во грехах. Эта истина осязательна, ясна еще из противного. Когда без искреннего раскаяния во грехах и с сомнением приступаешь к св. Чаше, тогда входит в тебя сатана и пребывает в тебе, убивая твою душу, и это бывает чрезвычайно ощутительно».

«Принимая св. Тайны, будьте также несомненно уверены, что вы принимаете тело и кровь Христову, как нимало не сомневаетесь, что вы каждую минуту дышите воздухом. Говорите про себя: как несомненно, что я вдыхаю постоянно воздух, так несомненно, что я теперь вместе с воздухом принимаю в себя Господа моего Иисуса Христа, дыхание мое, живот мой, радование мое, спасение мое. Он прежде воздуха, во всякое время жизни моей, есть дыхание мое: прежде слова – слово мое; прежде мысли – мысль моя; прежде всякого света – свет мой; прежде всякой пищи – пища моя; прежде всякого одеяния – одеяние мое; прежде всякого благоухания – благоухание мое, прежде всякой сладости – сладость моя; прежде отца – Отец мой; прежде матери – Мать моя; прежде земли – твердая носящая меня земля, ничем во веки неколебимая. Так как мы, земные, забываем, что во всякое время мы Им дышим, живем, движемся и существуем, и *ископали себе кладенцы сокрушенные*, то Он открыл в Своих Тайнах – в Своей крови – источник живой воды, текущей в жизнь вечную, и Сам дает Себя в пищу и питье нам, *да живы будем Им (1Ин.9:4).*

«Посещающим Богослужение православной Церкви и изучающим науку о Богослужении надо помнить, что служение здесь, на земле, есть приготовление к всерадостнейшему

служению Богу на небеси; что служа Богу телом, надо тем паче служить Богу духом и чистым сердцем; что слушая Богослужение, надо учиться служить Богу так, как служили святые, о житии и делах которых мы слышим во время Богослужения, об их вере, надежде и любви; что служить Богу наипаче должно делом и истиною, а не словами только и языком. Самым бытием своим мы призваны уже к служению Богу: для того мы получили прямой стан, чтобы взирать непрестанно к Богу, благодарить и прославлять Его, на то даны разум сердце, воля, на то все чувства».

«Некоторые поставляют все свое благополучие и исправность пред Богом в вычитывании всех положенных молитв, не обращая внимания на готовность сердца для Бога, на внутреннее исправление свое. Например, многие так вычитывают правило к причащению. Между тем, здесь прежде всего надо смотреть на исправление и готовность сердца к принятию святых Таин; если сердце право стало во утробе твоей, по милости Божией, если оно готово встретить Жениха, то и слава Богу, хотя и не успел ты вычитать всех молитв. *Царство Божие не в словеси, а в силе.* (1Кор.4:20). Хорошо послушание во всем матери Церкви, но с благоразумием и, если возможно, *могий вместити* – продолжительную молитву – *да вместиш*. Но не вси вмещают словесе сего. (Мф.19:11); если же продолжительная молитва несовместима с горячностью духа, лучше сотворить краткую, но горячую молитву. Припомни, что одно слово мытаря, от горячего сердца сказанное, оправдало его. Бог смотрит не на множество слов, а на расположение сердца. Главное дело – живая вера сердца и теплота раскаяния во грехах. Кто приходит к св. Чаше с какою-либо страстью на сердце, тот Иуда, и приходит лъстиво лобызать Сына человеческого. Чтобы с верою несомненною причащаться животворящих Таин и победить все козни врага, все клеветы, представь, что принимаемое тобою из чаши есть *Сый*, т. е. един вечно Сущий. Когда будешь иметь такое расположение мыслей и сердца, то от принятия св. Таин ты успокоишься, возвеселишься и оживотворишься, познаешь

сердцем, что в тебе истинно и существенно пребывает Господь, и ты в Господе».

К сожалению, многие и многие избегают посещать храм Божий в воскресенье и праздничные дни. Глубоко скорбит об этом о. Иоанн, и с горечью восклицает:

«Как прискорбно видеть, что враг в праздники Господни берет с христиан свой оброк, крайне великий оброк, и чем больше праздник, тем больше оброк врагу платят христиане, ибо что мы видим в праздники? Совершенную праздность, разнузданность плоти, пьянство, распутство, драки, кражи, увеселения. Боже мой! какое угодие плоти! Какое усердное служение диаволу! Христиане ли эти люди, подумаешь, искупленные честною кровью Сына Божия? В христианские ли ты времена живешь, не в языческие ли? Это ли причастники животворящих Таин? Это ли те люди, которые бывают в храме Божиим и молятся вместе с тобою Господу? Если это они, для чего же они приходили в храм? Видно по одной привычке, а не по влечению благодарного ко Христу Спасителю сердца. Видно, они не молились Богу, не приближались к Нему сердцем своим, а только устами своими, приближались к Нему. Если только хотя устами приближались, и не вошли они в силу праздника, вообще не понимают они сущности и цели праздников христианских, не участвуют в них так, как дети участвуют в семейном празднике своих родителей. Худые дети у такой любящей, благой, святой матери – Церкви! Мать Свята – чада грешны; мать духовна – чада плотяны; мать небесна – дети земны; мать хочет даровать чадам своим блага вечные, духовные, вместо тленных и временных – чада отвергают их и избирают себе удовольствия земные, греховные, преходящие. Впрочем, между пьяными и преданными разным порокам людьми в праздники больше встречаешь таких людей, которые не были в церкви (и вовсе не знают праздника, потому что никогда о нем не размышляли). Для таковых существует один только праздник – праздник плоти. Господи! когда мы будем святить, как подобает святыне, праздники Твои? Когда мы утешим святую мать свою – Церковь, повиновением ее уставам? Когда мы напоимся духом ее? Когда же начнем

любить и почитать св. Церковь и ее богослужение и уставы? Когда начнем вести себя за богослужением, как должно?».

«Пред старцами мы всегда держим себя с великим почтением, уважая их седины и мудрость – плод вековой опытности, и каждое слово их высоко ценим и прилагаем к жизни. Так особенно должны почитать Церковь, благоговеть пред ее святостью, древностью, непоколебимую твёрдостью, пред ее благопросвещенною мудростью и духовною опытностью, пред душеспасительными ее заповедями и постановлениями, ее Богослужением, таинствами и обрядами. Как не почитать ее уже за то одно, что она спасла в недрах своих несметное число людей, переселив их в место вечного покоя и радости, и, не забывая их по преставлении, оглашает их доныне на земле вечною хвалою и прославлением их доблестей, как верных чад своих! Где вы найдете более признательного друга, более нежную мать? Итак, да прилепляются христиане сердцами своими всецело к Церкви Христовой, да утверждаются в ней непоколебимо до скончания временной их жизни, да ревнуют все об исполнении всех ее заповедей и уставов, и да обретают в ней спасение вечное о Христе Иисусе, Господе нашем».

IV

Молитва и богослужение в храме дают силу веровать и жить. В чем же должна состоять сама жизнь? Как жить?

Основное правило жизни уже намечено выше.

«Что есть время или жизнь каждого человека? Есть приготовление к вечности. Господь и Владыка живота нашего ежедневно ожидает нашего добровольного обращения к Нему, всею мыслью нашею и всем сердцем и совершенного отвращения сердец наших от мирской суеты.

«Смотри на часы: они так и ходят, как хотел часовой мастер, или на пароход: *он идет туда, куда хочет рулевой*. Ты должен направлять свою жизнь так, как хочет твой Художник и Правитель мира и твой; должен идти за своим кормчим, а он поддержит тебя на воде и не даст потонуть, ты весь Божий, ты сосуд Божий, ты раб Господа».

«Девизом твоей жизни должны быть следующие изречения Спасителя: «Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшего мя». Живи сердцем, а не чревом, постоянно размышляя сердцем, особенно о Боге, о душе, о душах человеческих, о Господе Иисусе Христе, Его делах, о кресте, о церкви, о таинствах, о святых Божиих, подвизавшихся на земле. А чтобы жить сердцем, надо прогнать из него дьявола и ввести в него верою и любовью Христа Бога. Смотри на конец всего: к чему ведет и приведет».

«Многоразличные блага временной жизни суть образ, указание и залог бесконечных благ будущей жизни; сладость их образ бесконечного будущего блаженства, красота их – образ будущей красоты. Итак, не останавливайся, человек, на временном, но востекай к будущим благам»!

«Как изношенную одежду, сапоги или башмаки, сбрасываем с себя и пренебрегаем ими, так сбросим с себя и плоть свою, как одежду, как обувь, и она будет в поправлении; но по разорении земной храмины тела, в день воскресения всеобщего Господь создаст нам храмину нерукотворную, вечную на небесах. Не наша забота о том, как воздвигнет Господь и из чего воздвигнет

нашу плоть по смерти нашей, как не наша забота была тогда, когда Господь приводил нас из небытия в бытие, когда устроил нашу душу и плоть вначале. Все для нас Господь: всю печаль на Него возлагаем».

Но, конечно, сбросить плоть не легко, распять ее со страстями и похотями трудно: Св. Церковь и указывает целую методику воспитания души в Боге. Первый шаг на этом пути собранность духа.

«Человеку – христианину всякого звания, состояния, обоого пола и сознательного возраста, должно быть почаще дома у себя самого, а не жить только во внешнем мире, т. е. в занятии делами мирскими, науками, искусствами, промыслами, играми, зрелищами. У себя дома, т. е. в душе своей, во внутреннем мире своем, бывает тот, кто размышляет о начале и цели или конце своего бытия, кто молится духом и истиною, кто читает слово Божие, кто борется со своими страстями и греховными наклонностями, преуспевает в добродетели, в милостыни, кротости, смирении, незлобии, правде и правоте».

«Царствие Божие внутрь вас есть».

«Научись, христианин, внутренней правоте Божией, которая положена Творцом в глубине сердца, старайся, чтобы не нарушить эту Божественную правду ни единым помыслом лукавства, сомнения, неверия, хулы, ропота, непослушания; ни единым чувством неприязни, ненависти, ни единым движением воли твоей грешной».

Эта собранность души создает силу в борьбе с внешними врагами спасения – искушениями, злыми мыслями, дьяволами.

«Враг легко уловляет в свои сети всякого, имеющего пристрастие к плотским наслаждениям, или к корысти и сребролюбию; одно мгновенное услаждение плотскою похотью, или мгновенное пристрастие к деньгам, или алчность к ним и жаление для бедного, или другое искушение, и человек в плену у врага, и от Бога отстал и врагом Богу стал. «В мире похоть плоти и, похоть очей и гордость житейская».

Самонаблюдение, внимание к своему внутреннему миру и дает силу «противостоять против силы вражия».

«Всякий грех льстит, язвит, смущает, теснит, омрачает, насилует мою душу. Требуется непрестанное к себе внимание, к своим помыслам, чувствам, вожделениям; требуется непрестанная борьба всего внутреннего человека: молитва ко Господу с покаянием от всего сердца, познание прелести и гибельности греха, ненависть к нему, сознание нелепости и безумия его; и когда это будет, тогда душа победит грех. Внимание к своей душе победоносно, потому что помогает усмотреть грех в зародыше и разбить «младенцы о камень».

«Возьмите врата князя ваша и внидет Царь славы. Какие врата, коими входит Царь славы, и какие князи господствуют в этих вратах и не допускают Царя славы войти ими? Это врата нашего сердца, коим владеют различные страсти наши: самолюбие, саможаление, плотоугодие, чревоугодие, пьянство, блуд, леность, гордость, честолюбие, зависть, сребролюбие, жестокосердие, скупость, тщеславие, злопамятство, злоба, ненависть, уныние, отчаяние, неверие, непослушание. Вот эти и безчисленные страсти порабащают душу человеческую и препятствуют Господу Богу войти в нее и обитать в ней».

Нужно поставить стражу у Св. Ворот. Жизнь христианина в Евангелии уподобляется воинской страже первой, второй и третьей, и этим внушается постоянное бодрствование христианина над своими помыслами, чувствами, движениями воли, бодрствование относительно врагов бесплотных, непрестанно нападающих на нас и ищущих поглотить нас до конца. Св. угодники день и ночь бывали на страже духовной – непрестанно молились, постились, трудились, ведя созерцательную и деятельную жизнь. Вся жизнь наша должна быть поистине стражей: кратка она, задачу приходится решать великую и сложную, а врагов, нападающих злобно, коварно и сильно – крайне много. Будем мудры, яко змея и цели, как голуби.

«Заглядывай внимательнее, глубже в свой внутренний, душевный или духовный мир, полный величайшего умственного и нравственного интереса и не увлекайся внешним, вещественным, преходящим и исчезающим миром – небом и землею – ибо небо и земля прейдут по непреложному слову

Творца, а слова Его закона не прейдут во веки бесконечные. В том внутреннем мире предстоит тебе много дела и усилий по причине извращения нами духовного порядка или законов творческих, и душевного, и физического растрепывания; ибо сказано: «Царствие Божие внутрь вас есть». «Царствие небесное усилием приобретается и усиленные искатели приобретают его». Припомни неплодную смоковницу; припомни виноград и виноградаря; припомни раба, должного господину своему тьму талантов. Помыслы и вождения греховные быстры, как молния палящая, или внезапный сильный ветер, колеблющий душу, как тростник; или как бурный поток, потопляющий душу, как храмину, основанную на песке; или как грязная, вонючая волна, обдающая душу зловонием и смрадом.

Да бережется христианин всякого греха вольного или невольного, и да утвердит свои душевные стопы на камне веры – Христос Бог; да молится непрестанно и да приносит всегда Богу покаяние тайное или явное, и да гнушается греха во всех его бесчисленных проявлениях, да презирает сладострастие плоти, как смертельный яд, да ни во что ставит золото и серебро, и все драгоценное блестящее; да презирает славу человеческую, эту славицу преходящую и вредную, подтачивающую, как червь, душу; да ищет нетленных благ, и да тщится всегда иметь в сердце Христа, это сокровище жизненное и всеобъемлющее на всю вечность. Один помысл несправедливый есть мерзость Господу. И мгновенное вождение плотское есть измена Господу и мерзость идолослужения. Это оттого, что душа есть простое существо, дух, и в мгновение склоняется или в сторону правды, или в сторону неправды, делается подобной Богу или дьяволу, потому сказано у апостола: «не уподобляйся злу, но благу. Всяким хранением блюди сердце твое: от того бо исходило сердце живота».

Береги свое сердце, особенно в том смысле, чтобы не допускать до него земных, страстных вождений: ибо и одно мгновенное вождение оскверняет душу и разлучает ее от Бога. Старайся непрестанно о том, чтобы оно тяготело к небу, а не к земле, к Богу, а не к велиару. Чтобы оно желало нетления, любви и добродетели, кротости и смирения, простоты и

незлобия, а не земного, хотя сладкого или блестящего тлена. Нам – непрестанная опасность от земных вожделений: человек грешный льнет ко всему запрещенному; береги сердце от злобы, гнева и зависти, сладострастия, гордости, кичения и возношения себя над другими. Всяким хранением блюди твое сердце, от того бо исходища живота». Блюди – цела ли в нем вера, смотри – какие в нем желания, намерения, искания, домогания, к чему оно привязывается, стремится – к Богу или к миру, к небу или земле, есть ли в нем жажда спасения, жажда любви Божией, любовь ко всякой правде и ненависть ко всякой неправде, ко всякому греху? Есть ли в нем сильное стремление угождать Богу и спасти душу, во грехах погибающую? Читай притчи, разумевай, слагай их в сердце твоём... исполняй! «Всяким хранением блюди твое сердце, от того бо исходища живота».

Смотри, к кому или к чему направлены вожделения твоего сердца; к Богу или к миру, к небу или земле, к нетленным ли и вечным благам, или к тленным и преходящим, к духу или плоти? Смотри – враг бесплотный, лукавый не спит: он свое дело, дело твоей прелести и гибели делает в тебе непрестанно и старается отринуть душу от Бога всевозможными прелестями: то блудными, то корыстолюбивыми, то тщеславными, то гордостью или завистью, или чревоугодием и пьянством, то ленью и бездействием, то чтением пустых книг, или только светских, не допуская тебя до книг, учащих вере и благочестию, и единому на потребу. Враг непрестанно старается окрадывать душу самыми разнообразными суетами и прелестями. Бодрствуй и не предавайся дремоте греховной. Помни, что один Бог есть предмет вожделений нашего сердца. «Что ми есть на небеси, и от Тебе, что восхотех на земли? Боже, твердыня сердца моего и часть моя, Боже, во век».

«Христианин должен иметь небесное сердце, а не земное: ибо мы все на небо позваны на брачную вечерю Агнца. Горе имеем сердца. «Горняя мудрствуйте, а не земная». «Наше отечество на небесах есть». Прочь страсти земные»!

Стой на страже.

Возьмите врата князи ваша. А если страсть уже проникнет в души, что делать. Если ворота сердца не достаточно бдительно охранялись и враг проник в храмину и крепость духа?!

Тогда нужно бороться с врагом в стенах города, бороться скорее, пока он не занял всех его твердынь.

«Тогда нужно объявить войну многострастной плоти своей «распять ее со страстями и похотями», прекратить всякую греховную дружбу с нею, и держать ее всегда на узде и в поводу, строго подчиняясь закону Божию. Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по мне грядет». Опытom дознано, что каждая страсть, допущенная человеком в начале и не получившая должного, от всей души, отпора, начинает пускать глубоко и постепенно свои корни и увеличивается в степени и силе, и повторяясь, опять слабо, нерешительно отражаясь сердцем и произволением человека, охватывает наконец всего человека: мысли, чувства, вожеления, волю, память и воображения, и он делается жалким рабом диявола – человекоубийцы, лукавого».

О. Иоанн Сергиев.

«Конечно тля греха вообще вошла в человечество весьма глубоко, в самую глубину душ – и человек нуждается в страшных усилиях со своей стороны к отчуждению от греха, усердных и постоянных; но все же грех вначале слабее и уничтожимее. Будем учиться искусству из искусств – воевать с грехом, с самым лукавым и сильным врагом нашим. Понятно, однако, что и эта борьба немыслима одними человеческими силами. Наперед говорю: никто не надейся на свою силу и разум, искусство или мужество, чтобы победить этого врага: нет, он сильнее всех нас. На силу Божию будем надеяться, на силу Христа Спасителя нашего, победившего за нас врага нашего дьявола и даровавшего нам имя Свое, крест Свой, благодать и силу Свою для победы над врагом. «Боритесь же непрестанно с грехом с помощью Божьею: Господь помощник наш и Защитник наш – ближе к нам всегда, чем грех, чем дьявол, хотя и этот

всегда близок по причине угнезждения его в глубине наших дум. Но его непременно надобно выгнать из внутренних гнёзд и бить вора, мошенника, срамника, убийцу нещадно, в каком бы виде не появился насильничать в нас. Так бей нещадно свое самолюбие, тщеславие, гордость, алчность, корыстолюбие, скупость, жестокосердие, гневливость, раздражение, непослушание, суеверие, уныние, ропот и прочие грехи – обман, всякую кривду, блудные помыслы, похоти... срамные речи, срамные виды всякие... все, все гони грешное, нечистое, ненавидь всю ненавистью, бей воров, татей всяких мысленных нещадно и до конца истребляй, чтобы не утаились где, не засели тайно в сердце, и будешь ты тогда друг Самому Богу. «Не к тому вас рекох рабы, но други аще творите, елика Аз заповедаю вам».

Грех быстр, как молния, и может заразить душу не бодрствующую в одно мгновение своим пагубным ядом, но внимающему непрестанно и имеющему в сердце страх Божий он не причинит вреда, ибо такого охраняет благодать Божия и св. Ангел хранитель. В ком есть живая вера во Христа, в ком живет Христос, к тому лукавый не прикоснется, видя душу огражденную верою и страхом Божиим. Во всяком случае нужна всегдашняя борьба с грехом, вкрадывающимся чрез все чувства: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание; он как вор крадется, врывается во все чувства, как чрез окна и двери.

О. Иоанн Сергиев.

Не щади в себе никогда никакого греха и усердно, с радостью распинай его при всяком встретившемся случае, а для этого отвергнись себя, распинай свое самолюбие, свои капризы, свою обидчивость, свою гордость, злобу, зависть, скупость, леность, уныние, малодушие, страх, и люби как благодетелей тех, которые задевают, как говорится, твое самолюбие, пробуждают твои страсти ненамеренно. В нас обыкновенно есть какая-то болезненная любовь к греху: ноет, болит сердце страстью, а все-таки предаются ей в плен. Надо ненавидеть страсть, как грех, как порождение дьявола, как смерть, как отчуждение от Бога. Если увлекает тебя какая-либо страсть к известному лицу, как то страсть малодушия, страха, гордости – старайся поговорить с тем человеком от души, с любовью духовною. Если будешь молчать и дремать, враг удобно может одолеть тебя и вселить в тебя неприязнь или

ложный страх. Если влечет к кому-либо страсть любодейная, то или не говори с тем лицом, или вооружись именем Господним, обнося Его непрерывно в уме и сердце, и победишь страсть, с достоинством выдержав себя. Вообще ни на минуту не терпи в себе закваски страстей, но всеми силами изгоняй их от себя».

«Старайся все делать напротив того, чего хочет враг бесплотный. Он побуждает тебя к гордости, к самохвальству и осуждению брата – ты смирись до земли и пепла, и осуждай как можно строже себя самого, а брата восхвали в сердце. Если брат твой, по действию врага, обходится гордо и злобно, ты обходись с ним смиренно и с любовью. Если враг побуждает тебя к скупости, будь щедр с доброхотством. Так поступай во всех подобных случаях, и заслужишь великую благодать Божию, и сам собственными сердечными очами увидишь ее. Нет у тебя внутренней силы поступать так – враг силен, говоришь ты: проси же в молитве Всесильного на всякое время и на всякий час, и Он поможет тебе.

Не давай на молитве побеждать себя плоти и действующему чрез нее врагу – *не ульсти языком своим, но глаголи истину в сердце твоём* (Пс.14:3); так мысли и чувствуй сам, как говоришь в молитве, а не так, чтобы на языке был мед, а на сердце – лед; победит раз враг, после уж тебе надо будет отставить себя, свою свободу от него, как завоеванный врагом клочок земли, а от Господа отступит сердце твоё. Ничем не пренебрегай в духовной жизни, ничего не считай малым, не стоящим большого внимания: чрез малые грехи диавол ведет к великим. Главное дело: старайся быть истинным всегда в сердце своем. Когда труднее бороться с плотью, тогда-то и покажи свою твердость, тогда-то не слабей в борьбе, как добрый воин Христов.

Не бойся борьбы и не бегай ее: где нет борьбы, там нет и добродетели, где нет искушения верности и любви, там неизвестно, есть ли верность и любовь ко Господу. Вера, упование и любовь наши познаются в противностях, т. е. в трудных тяжких обстоятельствах внешних или внутренних: в болезнях, в скорбях, в лишениях.

Христианин! ведь Начальник твоей веры Христос был распят и тебе оставил крест. Как же ты живешь в роскоши, в просторе, в неге, в праздности? Он перетерпел бесчестие и тебе заповедал, о имени его, не чуждаться бесчестия, а ты ищешь чести. Взирай чаще на Распятого и поучайся своим обязанностям. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми.*

Нога моя ста на правоте, говорит царь и пророк Давид, т. е. душа моя утвердилась на пути правом, на добродетели, на страхе Божиим, возненавидев всякий путь неправды. Отчего бы и мне не утвердиться на этом Божием пути, не уклониться совершенно от зла и не творить только благо? Отчего бы не утвердиться на твердой точке стояния, как этого достигли прежде нас жившие и подвизавшиеся святые? Разве у них и у нас не та же природа? Разве они жили без искушений, без скорбей и болезней? Разве не нападал на них грех, разве не боролись они с различными страстями плоти и духа? Боролись и побеждали. Причина греха ведь в нас самих, в плоти нашей многострастной, в нашем самолюбии, честолюбии, гордости, властолюбии, нетерпении, лени, корыстолюбии, жестокосердии, упрямстве, самомнении, вольномыслии, двуличности, лицемерии, лживости, недоброжелательстве и злорадстве, в сомнении и неверии истине, в лакомстве и чревоугодии, в унынии, малодушии, отчаянии и прочих бесчисленных страстях. Боритесь с собою, со своими греховными привычками, наклонностями, страстями, побеждайте, – по падении снова восставайте и опять побеждайте, памятуя слова пророка: аще и возложите враги – мои грехи и страсти мои, – и паки побеждены будете, яко с нами Бог».

Борьба с собой и победа над собой должна привести человека к любовному единению с братьями, его людьми. «Кто любит Бога, любит и брата своего».

В наше время вошло в обычай называть человека зверем. Обычай этот настолько укоренился, что один знаменитый французский писатель-беллетрист написал даже роман о «человеке звере».

Каким образом развился и утвердился в обществе и литературе столь мрачный взгляд на человека? Почти нельзя сомневаться в том, что этот взгляд создан исключительно под влиянием новой эволюционно-ницшеанской философии. Вырвав из сердца своих последователей все идеальное, возвышенное, – учение о жизни, как о борьбе зверей лишило их способности видеть в людях истинно-человеческие черты. Человек обратился для них в животного, действующего исключительно под давлением чувственных движений и возбуждений. Под влиянием взгляда на человека, как на высшее животное, сложилась своеобразная жизнь, основанная исключительно на принципе борьбы за существование. Что это за жизнь, мы теперь видим своими глазами. Она вся пропитана эгоизмом, безучастием к ближнему. Объясняя истинное отношение людей друг к другу, в своем дневнике отец Иоанн с особенной настойчивостью убеждает своего читателя держаться чисто-христианского воззрения на человека. «Человека, говорит он, мы часто ставим ниже любимой нами вещи или любимого животного». Такое отношение к человеку глубоко возмущает Кронштадтского пастыря. В глазах его, как истинного христианина, «человек – чудное, прекрасное, величественное творение Божие, особенно человек святой, это – звезда Божия, это – цвет роскошный, весь прекрасный, чистый, неблаженный; это – жемчуг многоценный; это – камень драгоценный, которому нет цены; это – прекрасное плодovitое дерево рая Божия». «Смотри, неоднократно напоминает отец Иоанн верующему, в сотворенном из земли заключено Божие дыхание, личное

самостоятельное – образ Самого Бога. Сколько премудрости, красоты в устройстве телесной скинии человека, сколько премудрости любви, – словом богоподобия показывает в жизни сам человек, это властелин земли!»

«Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения, – наставляет отец Иоанн. Грехи грехами, а основа в человеке одна – образ Божий». Уважай в нем, читаем мы в другом месте, величественный, бесценный образ Божий и долготерпи погрешностям и заблуждениям человека падшего».

Отсюда самая первая обязанность человека в отношении к другим есть любовь. Истинная христианская любовь всегда проявляется в самоотречении и самопожертвовании. «Любовь христианская, рассуждает Кронштадтский пастырь, лучше предпочитает терпеть все внешние неудобства жизни, тесноту, отсутствие чистого воздуха, убытки, нежели из-за внешних этих и подобных неудобств допускать нетерпение, огорчение, раздражение, озлобление, ропот на стесняющих нас по нужде, или по капризу характера, или по желанию пожить на чужой счет, на чужое спокойствие. Любовь все терпит, все переносит с ущербом для себя, для своей материальной и телесной жизни».

Любовь христианина к ближнему должна проявляться в благотворительности, как духовной, так и вещественной. Материальную пользу нуждающимся должны оказывать все без исключения более или менее достаточные люди. «Все должны запастись елеем милостыни и добрых дел, да не туне явятся пред Судиею в день страшного испытания, да не наги явятся на оном всемирном позорище». Часто мы жалеем пожертвовать самым малым из наших стяжаний в пользу того или другого бедняка. Бросив злополучному несчастливцу несколько грошей, мы считаем по отношению к нему свой долг совершенно исполненным. Иногда мы благотворим, более услаждая и веселя себя. «Ты полною мерою вкушаешь блага земные, подаешь нуждающимся, но себя ласкаешь больше, значит делаешь без малейшего самоотвержения. Не велики дела твоих благотворений. А то что еще есть? Какие благотворения мнимые? С благотворительною целью делают увеселения, т. е. прежде всего хотят намеренно послужить плоти своей

греховной, дьяволу, а потом уже ближнему и Богу. Да это, господа, вовсе не благотворение! Одно только имя благотворения носит. Мы должны поступать в данном случае совершенно иначе. Бог Сына Своего Единородного не пощадил для человека – чего же после этого мы пожалеем для ближнего: пищи ли, питья ли, одежды ли для его одеяния, денег ли на его различные нужды»? «Каждый день просят у тебя милостыни, и давай каждый день охотно, без озлобления, грубости и ропота: ты не свое, а Божие даешь Божиим чадам крестоносным, едва имеющим, где главу подклонить, ты приставник Божия достояния, ты слуга вседневный меньшей братии Христовой, исполняй же дело свое с кротостью и смирением, не скучай им. Просто без больших трудов приходят тебе деньги, просто не думая много, и раздавай их. Щедро вознаграждаются труды твои – будь щедр к другим сам. Не по заслугам вознаграждаются – не по заслугам и другим давай, а ради их нужды».

«Какое бесконечное ничтожество представляют пища и питье с одной стороны и какое бесконечное величие представляет из себя питаемый ими человек – с другой! Не величайшее ли безумие, не безбожие ли жалеть для человека, для этого образа Божия, для этого причастника божественного естества, для которого Бог будет все – жалеть пищи, питья, одежды, жилища и чего бы то ни было земного! Прах да будет прахом – бессмертный образ бессмертного Бога да будет всегда превознесён и предпочтён над всем земным, тленным, скоро гибнущим! Поэтому да не щадим ничего для нашего ближнего! О, какая великая честь питать, одевать, упокоить образ Божий. Боже Преплагод и Прещедрый, исполни благодати и щедролюбия сердца наши!» Не смотри со скорбью или негодованием на бедняков, что они преследуют тебя. «Нищие ежедневно преследуют тебя, это значит – милость Божия непрестанно преследует тебя. Кто же будет убегать от милости Божией?»

Вот общий завет о. Иоанна о том, как мы должны относиться к своим ближним. *«Христианин, помни постоянно, что мы все члены Христовы, все равны пред Богом: царь и воин, богатый и бедный, вельможа и простолудин. Надо*

всегда созавать себя и людей, как одно целое во Христе Иисусе».

«Но милостыня твоя да будет от сердца чистого, ничтожна милостыня того человека, говорит о. Иоанн в своем дневнике, который подаст ее не доброхотно, потому что милостыня вещественная не его, а Божий дар, ему же принадлежит только расположение сердечное. Поэтому многие милостыни окажутся почти суетными оттого, что они были подаваемы не доброхотно, с сожалением, с неуважением к лицу ближнего. Как и гостеприимцы окажутся суетными, вследствие лицемерного, тщеславного обращения со своими гостями. С сердечным расположением да приносим жертвы *свои на алтарь любви к ближнему: доброхотна бо даятеля любит Бог*. Господь Иисус Христос себя не пощадил для нашего спасения: праха ли земного пожалею я для ближних? Пищи ли, сластей ли, питья ли, одежды ли, жилища ли? Себя ли наконец, своего ли спокойствия, сил ли своих, способностей ли своих? Внимай, блюди крепко: всякого человека прежде всего уважай от глубины души, и будь любовен к нему – этому живому образу Божьему. Без этого нет и милостыни. Мы ничего не должны жалеть для ближнего.»

Все благотворители должны помнить, что все жертвы и милостыни нищим не заменят любви к ближнему, если нет ее в сердце; потому при подаении милостыни всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них. «Самое слово милостыня показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца, и подаваема с умилением, или сожалением о бедственном состоянии нищего и с умилением или сокрушением о своих делах». «Тот подает истинно милостыню, кто подает от сердца и любящим сердцем. Тот истинно милостивый, кто беседует со всяким сердечно, а не умом или устами, кто отдаст всякому искреннее, сердечное почтение, кто проповедует слово Божие и служит от истинного сердца, не лицемерно – словом, кто объемлет всех и носит всех любовью в сердце своем, презирая все вещественное, что

становится препятствием в любви между им и ближним – тот истинно милостив».

А больше всего завещает о. Иоанн – бегай злобы на ближних. «На ближнего на собрата озлобляешься и говоришь: он такой и такой скряга, злой, гордый, или он сделал то и то, и проч. Что тебе до того? Богу он согрешает, не тебе; Бог его судья, не ты; Богу он ответит за себя, не ты. Ты себя знай, сколь грешен ты сам, какое бревно у тебя самого в глазу; как тяжело со своими грехами справляться и взять над ними верх; как ты сам болишь ими, как чревородящая, – как они опутали тебя, как ты хочешь себе снисхождения других в немощах. А брат такой же, как ты человек, имей к нему снисхождение как к грешному человеку, во всем тебе подобному, столь же немощному, как и ты; люби его как себя, слыша глаголяща Господа: сия заповедь вам, да любите друг друга, и как за себя молишься, чтобы Господь помог искоренить твои страсти лютые и неудобоисцелимые, так молись и за брата, чтобы Господь освободил его лести и тли страстей от помрачения и тесноты их».

Пусть даже ближний обижает тебя – прости ему.

«На озлобляющих на нас или завидующим нам, гордящихся пред нами, не должно взаимно озлобляться, сердиться, гордиться, как это обычно нашей растленной природе, но жалеть их, как одержимых адским пламенем и смертью духовною, молиться о них в глубине сердца, да разженет Господь мрак души их и просветит сердца их светом Своей благодати. Мы бываем омрачены своими страстями и не видим нелепости, безобразия их и своих поступков, но когда Господь просветит нас светом Своей благодати, тогда мы как от сна пробуждаемся, видим ясно безобразие, безумие своих помыслов, чувств, слов, поступков; сердце наше до того времени загрубевшее, размягчается, злоба проходит и на место ее является благодать, ласковость, снисходительность.

Потому, по слову Спаса нашего, надо любить и врагов, *благословлять проклинаящих и добро творить ненавидящим нас*, ибо и они братья наши слепотствующие, заблуждающиеся, но будь тих, кроток, ласков, почтителен и любящ к тем самым,

которые недостойно ведут себя пред тобою. Если ты сам смутишься и будешь говорить с волнением, грубо, презрительно и, значит, без всякой любви, тогда ты сам побеждён и тебе вправе сказать обиженные: «врачу, исцелись сам». Ненависть к врагам неразумна. Ты ненавидишь врага? спрашивает отец Иоанн. Ты глуп. Почему? Потому что, когда враг тебя гонит, ты еще сам себя внутренне гонишь, ибо скажи не гонение ли, не самое ли жестокое гонение мучить себя ненавистью ко врагу? Люби врага – и ты будешь премудр. О если бы ты знал, какое торжество, какое блаженство любить врага и делать ему добро!»

«Если человеком владеет злоба так, что он не в состоянии справиться с собой, то в этом случае ему следует вознестись своею мыслью к Богу и Его Единородному Сыну».

О. Иоанн Сергиев.

«Брат! – поучает Кронштадтский пастырь, – ты чувствуешь в сердце убийственное зло на ближнего, тебя мучат злые думы об обидах, причиненных от него тебе – вот тебе средство

избавиться от внутренней тесноты: представь множество своих грехов, неисчислимых по множеству, и живо вообрази, как на тебе терпит их Владыка живота твоего, как Он ежедневно и без числа отпускает тебе, если ты искренно молишь Его о том, согрешения твои, а ты между тем не хочешь простить ближнему нескольких вспышек страсти, возбужденных в нем дьяволом. Вздохни, если можешь, поплачь о своем безумии, осуди только непременно себя, никак не ближнего – и вот от Владыки готово тебе помилование: теснота внутренняя, как дым, исчезнет, мысли прояснятся, сердце успокоится и ты будешь опять ходить в пространстве сердца».

Современное человечество часто весьма руководится ветхозаветными взглядами, устанавливая взаимные отношения людей друг к другу. Ветхозаветная заповедь «око за око» в практической жизни является и теперь нередко заповедью многих.

Еще чаще теперь проповедуют половинчатую благодетель. Вместо того, чтобы отдать бедным все, два рубля и вместо всецелой любви ко Христу, скорее обедня. Ведь не так должно быть. О. Иоанн не признает такой добродетели. О. Иоанн настойчиво проповедует миру высочайшее учение Христа, не смягчая его никакими уступками и извинениями. Все Христу и за Христа. Устами великого Тайнозрителя Кронштадтский пастырь говорит, что христианин не должен быть «ни холоден, ни горяч», но «холоден или горяч» (Откр.3:15).

В частности, о. Иоанн для распознавания себя и своих отношений к ближнему дает следующий весьма мудрый совет. «Хотите узнать себя – каковы вы нравственно, каково ваше сердце: угодно или противно Богу, чистое или поросшее тернием и бурьяном, жизненно или мертво – наблюдайте за собою, с каким духом вы встречаетесь с вашими сослуживцами, особенно вам подручными или вам подчинёнными – или с протягивающей к вам постоянно руку своей нищетой, или с лицами, просящими вашего заступления, ходатайства, вашей службы, требы духовной, различной помощи: с кротостью ли и любовью, с готовностью ли и усердием, с сочувствием или совершенно равнодушно и холодно, или даже с гневом и

презорством? И вы сейчас узнаете свое сердечное состояние: угодно ли оно Богу или противно, христианин вы или низкий самолюбивец, эгоист, поклонник своего я – своего чрева, корысти, самости, и чего вы достойны: награды или ада, тьмы кромешной и тартара, где вечный скрежет зубов?.. »

Перейдём теперь к его советам, касающимся семьи и семейной жизни.

VI

Семья – по взгляду о. Иоанна – «маленькая церковь». Здесь воспитываются чада великой церкви. Поэтому семья должна и жить по закону «общества Христова».

Семья – храм Божий и должна быть свята, как храм.

«Брачный союз мужа и жены, внушает о. Иоанн, изображает святейший союз Иисуса Христа с Церковью, т. е. с верующими в Него: как муж есть глава жены, так Христос есть глава Церкви. Как жених и невеста в браке венчаются в плоть едину, так и Христос и Церковь Его также едино тело, ибо истинно верующие в Него суть члены Его от плоти Его и от костей Его. Поэтому: сожитие супругов должно быть чисто и свято, как свят союз Господа с Церковью; должно быть разумно, любовно и мирно и неразрывно. Сожитие должно быть чисто и свято: ибо Сам Господь, в начале создавший человека, мужеский пол и женский, сочетает мужа и жену в едину плоть для взаимной помощи в телесных и духовных нуждах и ради умножения рода человеческого. Цель высокая и святая; отныне вы делаетесь одушевлёнными орудиями божественной благодати и всемогущества, ибо чрез мужа и жену всеблаготворец призывает к бытию и жизни разумные создания, будущих Его чад и наследников царствия Божия. И вы, если и вас Господь благословит ими, должны будете и воспитать их в правилах православной веры и жизни христианской, служа для них прежде всего примером веры, благочестия и страха Божия.

И друг для друга вы должны быть примером кротости и незлобия, воздержания, благодушия, честности и трудолюбия, покорности Божией воле, терпения и упования: помогайте друг другу, берегите друг друга, снисходите один другому, покрывая немощи друг друга любовью. Бывают и несчастные супружества: иногда муж и жена сходятся как будто только на грех и беду того и другого. Отчего они несчастны? Большею частью от несходства характеров, от взаимной неуступчивости, от строптивости, самоуправства и взыскательности мужа или от его дерзкого нрава; от неверности мужа или жены, от

невоздержанности или страсти к игре мужа, от пристрастия жены к нарядам, от ее своенравия, злости, сварливости, упрямства, от неумения переносить недостатки в жизненных потребностях. Чтобы избежать такого греховного сожития и таких супружеских бед, муж и жена должны всегда иметь веру и страх Божий в сердце: благоразумие, терпение, упование; трудитесь и молитесь; исполняйте усердно ежегодно христианский долг исповеди и приобщения Св. Христовых Таин. В этих таинствах вы найдете, кроме благодати очищения грехов и освящения душ и телес ваших – благодать твёрдого единодушия, освящение в самых чреслах и во утробе будущего поколения, обновление духовных и телесных сил, помощь, утешение и ободрение в трудах, житейских обстоятельствах, исцеление болезней.

Сожитие мужа и жены должно быть разумно, ибо св. апостол Петр говорит: вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь как сонаследующим благодатной жизни, дабы не было вам препятствия в молитвах. И супруги должны разуметь всегда, для чего Господь соединил вас узами брака, венчал в плоть едину; именно они должны непрестанно совокупными силами достигать царствия Божия. Каждый день они должны считать великим даром милости Божией, данным нам для нашего обращения к Богу, для исправления, для утверждения и усовершенствования в добре, для спасения души. «Искупующе время, яко дни лукавы суть». Сожитие их должно быть любовное и мирное. И может ли быть иначе? «Никто же бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю яко же и Господь Церковь». Супруги одна плоть. Муж должен любить свою жену, как свое тело: ибо любящий свою жену любит себя самого. Если они будут жить во взаимной любви, они низведут на себя и потомство свое Божию благодать, и Бог вселится в вас, увенчает все начинания и дела ваши благословенным успехом, ибо где любовь, там Бог, а где Бог, там все доброе. С любовью водворится в дом их мир и спокойствие: ибо любовь долго терпит и все покрывает и не допускает человека раздражаться, сердиться, быть своенравным, обижать словом или делом.

Сожитие мужа и жены должно быть неразрывно – до гроба. Любовь христианская любит до конца, а не на время, она тверда и постоянна. Будут искушения для их любви со стороны слабостей того или другого из вас, или от несходства характеров, привычек, или со стороны людей, со стороны истинного врага – преодолевайте мужественно эти искушения: они да будут мудры яко змеи, и цели яко голуби».

Дом святой церкви, называемой семья, должен быть малым храмом, малою церковью и по своему строю. Слово Божие должно непрерывно раздаваться здесь. Современные христиане живут не так. Чтение святых книг у многих считается теперь признаком отсталости. «Где теперь чтение в домах боговдохновенной Псалтири? Где чтение боговдохновенных псалмов, которые были любимым чтением наших предков, не простых только, но бояр и самых князей? Нет его, это плохо, очень плохо и печально. Поэтому-то нет во многих веры и упования христианского и любви к Богу и ближнему, а есть безверие, отчаяние, ненависть. Нет пламенной молитвы, нет чистоты нравов, нет духа сокрушения о грехах и умиления, нет правды, мира и радости в Духе Святом. Нет в семье церкви. Домашние беседы в настоящее время не освящаются святыми разговорами. «Как много теряют люди в домашней беседе для оживления ее через то, что не говорят о Боге! Как воодушевлялся, плодился и разнообразился бы их разговор. У верующих тогда потекли бы реки от чрева их спасительных слов. Сколько такие разговоры доставили бы назидания, успокоительности, истинной сладости. Между тем теперь, не говоря о Боге в домашних кружках, а говоря о суете мирской, скоро истощаются в разговоре, скучают и потом убивают драгоценное время в глупых играх или танцах».

Такая жизнь мешает главному делу семьи, воспитанию детей, вносит разложение в семью с этой стороны; самое важное в деле воспитания, чтобы ребенок вырос не в атмосфере пустой болтовни, а в атмосфере проникнутой духом веры в Бога и любви к Нему, чтобы он видел с самого начала, что вся жизнь его семьи и ее отношение к миру и людям зиждутся на этих началах. Они единственно надёжные устои

жизни, и отсутствием их скорее всего и объясняются столь частые случаи соращения молодых людей с истинного пути. В программу правильного воспитания входят и беседы с детьми на религиозные темы. Начиная с 2–3 лет можно вести с детьми и обстоятельные беседы о Боге Творце, которого мы должны любить и чтить, исполняя Его волю и стараясь ничего не делать дурного. Пусть у ребёнка как можно раньше сложится представление, что у родителей его есть Отец на небе, что они, в свою очередь, дети Великого, Доброго, Всемогущего Отца Небесного. Затем нужно рассказывать ребенку об Иисусе Христе, Сыне Божьем, Спасителе людей, пересказывать отрывки из священной истории Нового и Ветхого Завета, выбирая события, более доступные пониманию ребенка, говорящие его сердцу и рисующие величие и доброту Бога. Рассказы из жизни святых также могут живо заинтересовать даже маленьких детей и способствовать развитию в них религиозного духа. Но важнее всего, если ребенок постоянно видит перед своими глазами молящуюся мать, присутствует при богослужении и т. д. «Нигде так хорошо, так благодатно и успешно дети не могут научиться искреннему благочестию, искренней любви, хвале и благодарению Богу и любви к ближним, как в храме, где Дух Святой, истинный Воспитатель, особенно почивает и чрез все поучает их; чрез взор, чрез слух, чрез уста – в причащении Св. Таин и прямо, и непосредственно действует на чистую впечатлительную душу их».

Привыкши с самой ранней юности к дому Божию, к дому святыни, молитвы и хвалы Божией и оглашаясь часто славословием Божиим, они мало-помалу сами напитаются Духом святости и благочестия, получают отвращение ко греху и соблазнам мира, их душа закалится – выразимся просто – укрепитесь в святом расположении, и вот из дитяти выйдет и добрый христианин или христианка, и семьянин, и честный гражданин. Взгляд, что детям в деле религии и в занятиях нужно предоставлять полнейшую свободу и что понуждать их учиться и молиться не следует, глубоко возмущает о. Иоанна. «Какое дьявольское мнение!» восклицает он. «Если не понуждать, то что же после этого выйдет из людей? Ну, что выйдет из тебя,

глашатай новомышленных правил, если ты не будешь принуждать себя ни к чему доброму, а будешь жить так, как располагает тебя жить твое порочное сердце, твой гордый, близорукий и слепой разум, твоя грешная плоть? Скажи, что из тебя выйдет? Разве ты не принуждаешь себя ни к чему? не говорю прямо к доброму, а хотя должному и полезному? Как можно обойтись без принуждения себя?»

«А как не принуждать, особенно мальчиков, к учению, к молитвам? Что из них выйдет? Не ленивцы ли? Не научатся ли они всякому злу?».

Особенно нужно, по мнению Кронштадтского пастыря, обращать внимание на воспитание детского сердца, которое он считает первым двигателем в нашей жизни и во всех почти наших познаниях. «Зрение сердцем известных истин, говорит о. Иоанн, предшествует умственному познанию. Сердце видит разом, нераздельно, мгновенно, потом этот единичный акт зрения сердечного передается уму, и в уме разлагается на части, являются отделы: предыдущее, последующее; зрение сердца в уме получает анализ свой. Идея принадлежит сердцу, а не уму, внутреннему человеку, а не внешнему». Поэтому-то о. Иоанн называет разум «слугою сердца, которое есть наша жизнь, наша сущность, сосредоточение силы Божией бывает преимущественно в сердце. Зато из сердца исходят и все дурные помышления».

Вот почему родители и воспитатели всемерно должны оберегать детское сердце. «Родители и воспитатели! пишет о. Иоанн, не оставляйте детей без внимания относительно искоренения из сердца их плевел грехов, скверных, лукавых и хульных помышлений, греховных привычек, склонностей и страстей; враг и плоть грешная не щадят и детей, семена всех грехов есть и в детях!»

«Родители и воспитатели! остерегайте детей своих со всею заботливостью от капризов пред вами, иначе дети скоро забудут цену вашей любви, заразят свое сердце злобою... Каприз – зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость Господу».

Если греховные семена, таящиеся в душах детей вовремя не искоренены или, по крайней мере, не обессилены, тогда человеку трудно будет проходить жизнь, эту великую опытную науку. «Кто в школе материнской или в училище, пишет Кронштадтский протоиерей, не навык вере и страху Божию и житию благочестивому, особенно будет тяжело учиться в школе жизни. Тот, хотя бы он в школе наук был умен, многосведущ, был в большом почёте за свои способности, в школе жизни оказывается невеждою. Мало того, иногда ни к чему непотребным, ни к семейной жизни, по причине своего необузданного сердца, ни к общественной деятельности. Он бедствует и нередко терпит крушение в жизни, как нагруженное множеством *товаров судно в море, пущенное во время бури без снастей и парусов*».

О. Иоанн Сергиев.

Если мы обратимся к действительности – пишет он, то увидим, что вся современная система воспитания направлена к тому, чтобы делать детей подобными судну без руля, без

снастей и парусов. Не говоря уже о домашнем воспитании, которое во многих семьях ведется на почве рационализма и скептицизма, даже в учебных заведениях развитие в детях сердечного религиозного чувства отодвинуто на задний план... Многому, пишет о. Иоанн, научены ученики учебных заведений, но не знают часто единого на потребу – Бога и себя самих, своих грехов, своей немощи духовной, своего ничтожества без Бога и пред Богом.

Овладевший современным человеком дух какой-то дьявольской гордости, самомнения, самохвальства, в значительной мере подготавливается и развивается современным воспитанием.

Так как все науки, которыми теперь стараются напичкать учеников и учениц, не в состоянии заменить «единого на потребу», не в состоянии воспитать души и сердца, то и выходит что у юношей наших в голове много, а в сердце мало, а часто – увы! нет ничего. *«Но аще вем вся тайны и весь разум, любви же не имам, никакая польза ми есть».*

«И в нынешнее время, и в прошедшее только те люди успешно совершали свое умственное и нравственное воспитание, которые вверились Богу, жили по его заповедям, которые ныне живут по Евангелию и учению Церкви, подчиняясь ее руководству. Вот вам полезное замечание, современные педагоги!»

Не наука, а вера христианская, сердечная, неотделимая от любви, вера обладает этим созиданием душ. Только она двигает горами, только с ней нет ничего невозможного для человека; только к ней поэтому можно обратиться с похвалой. «О, вера, вера! ты сама еси чудо для нас!» *Созидай, возроди, обнови нашу семью – этот святой храм, святой притвор церкви.*

VII

В своих дневниках о. Иоанн дает также ответ и на тот вопрос, который постоянно гнездится в нашем сердце, именно, как прожить день по Божьему. День истинного христианина должен начинаться и оканчиваться молитвою. Всюду и во всем христианин должен искать уроков и назиданий.

«Чтобы провести день весь совершенно, свято, мирно и безгрешно, – для этого единственное средство – самая искренняя, горячая молитва утром по восстании от сна. Она ведет в сердце Христа со Отцом и Духом Святым, и таким образом даст силу и крепость душе против приражений зла; только хранить сердце свое надобно».

«Во всем и на всякое время угождай Богу и думай о спасении души своей от грехов и диавола и усвоения ее Богу. Встал с постели, перекрестись и скажи: «во имя Отца и Сына и Святого Духа» и еще: *Господи, сподоби в день сей без греха сохраниться нам и научи мя творить волю Твою!*¹². Моешься дома или в бане, говори: *окропи мя иссопом, Господи, и очищуся, омыеши мя, паче снега убелюся (Пс.50:9)*. Надеваешь белье, думай о чистоте сердца и проси у Господа чистого сердца: *сердце чисто созижди во мне, Боже, обнову сшил и надеваешь ее, думай об обновлении духа и говори: дух прав, Господи, обнови во утробе моей (Пс.50:12)*. Отлагаешь ветхую одежду с пренебрежением ее, думай об отложении с большим пренебрежением ветхого человека, греховного, страстного, плотского; вкушаешь хлеб, сладости, думай об истинном хлебе, дающем вечную жизнь душам – о Теле и Крови Христовой, и алкай этого хлеба, т. е. желай чаще его причащаться. Пьешь воду или чай, или мед, сладости, или другое питье, думай об истинном питье, утоляющем души, палимые страстями, – о пречистой и животворящей крови Спасителя; отдыхаешь днем, думай о вечном покое, уготованном подвижавшимся здесь в борьбе с грехом, с духами злобы поднебесными, с неправдами человеческими или невежеством и грубостью человеческою. Спать ли ложишься ночью, думай о сне смертном, который рано

или поздно непременно придет для всех нас, и той темной, вечной ужасной ночи, в которую будут повержены все грешники нераскаянные. Встречаешь день, думай о невечернем, вечном, пресветлом – паче нынешнего солнечного дня – дне царствия небесного, в который будут радоваться все угодившие Богу, или от всего сердца покаявшиеся Богу в этом временном животе. Идешь ли куда, думай о правоте духовного хождения пред лицом Божиим и говори: *стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие* (Пс.118:133). Делаешь ли что, старайся это дело делать с мыслью о Боге Творце, все соделавшем бесконечною премудростью, благостью Своею, всемогуществом Своим, и тебя создавшем по образу и подобию Своему. Деньги ли, сокровище ли какое получаешь или имеешь, думай, что сокровище наше неистощимое, от коего все сокровища души и тела, источник приснотекущий всякого блага есть Бог, вседушевно Его благодари и не заключай своих сокровищ у себя, да не заключишь входа в свое сердце бесценному и живому Сокровищу – Богу, но уделяй из своего состояния требующим, нуждающимся, нищим братьям своим, которые для того оставлены в этой жизни, чтобы ты мог доказать на них свою любовь, благодарность к Богу и удостоиться за то награды от Бога в вечности. Видишь ли белый серебряный блеск, т. е. серебро, не прельщайся им, но помышляй, что должна быть бела и блистать добродетелями Христовыми душа твоя; видишь ли золотой блеск, или золото, не прельщайся им, но помни, что душа твоя должна быть как золото огнем очищенное и что тебя самого Господь хочет просветить, как солнце, в вечном, светлом царствии Отца Своего, что ты узришь не заходимое Солнце правды – Бога в трех Ипостасях, Пресвятую Владычицу Богородицу и все небесные силы и святых человеков, неизреченным светом исполненных и сияющих светолитием».

Молитвой должен начинать христианин и всякое свое занятие.

«Ни при каком деле, домашнем и служебном, не забывайте, что сила ваша, свет ваш, успех ваш есть Христос и крест Его; поэтому не примените взывать к Господу пред начатием дела:

Иисусе, помоги мне! Иисусе, просвети меня! Таким образом будет поддерживаться в взгреваться в сердце вашем живая вера и надежда ваша на Христа».

Среди житейской суеты о. Иоанн советует особенно избегать пустых разговоров и поэтому рекомендует приобретать знакомых из среды людей серьезных, от которых бы можно научиться доброму и хорошему.

«Пустые речи, или, как говорят, переливание из пустого в порожнее с гостями уносят из сердца живую веру, страх Божий и любовь к Богу; гости – язва для благочестивого сердца. Я разумею именно таких гостей, которые могут только переливать или пересыпать из пустого в порожнее. Но иное дело гости солидные, религиозные».

О. Иоанн не враг добрых развлечений. Он и в них советует искать и выбирать такие, которые могут настроить нас на серьезный тон. «Не обольщайся мелодическими звуками инструмента или голоса, а по впечатлению их на душу или по словам узнай, каков дух их; если звуки навевают на душу твою чувства тихие, целомудренные, святые – слушай и питай ими душу твою; если же через них вливаются в душу твою страсти – оставь слушать, брось и тело, и дух музыки».

Не гонит о. Иоанн и светского образования. Он враг только того, что делает нас легкомысленными, что губит чистоту души.

«Если читаешь светские журналы и газеты, извлекая из них полезное для себя, как для гражданина и христианина, и семьянина, то наипаче чаще читай Евангелие и писания св. отцов, ибо грешно христианину, читая светские сочинения, не читать богодухновенных писаний. Ты следишь за событиями во внешнем мире, – не упускай же из виду и твоего внутреннего мира, твоей души: она ближе к тебе и дороже тебе. Читать только газеты и журналы, значит жить только одною стороною души, а не всей душой, или жить только по плоти, а не по духу».

Итак, заключает о. Иоанн, «веди себя дома также кротко и смиренно, как ведешь себя в гостях, в круге благородных и степенных людей, ибо ты действительно гость на земле. Веди себя дома так, как вел себя Алексей человек Божий в доме

своих родителей; веди себя, как последний слуга, как нищий, которому из милости подают остатки со стола».

VIII

Мы наметили кратко путь спасения по о. Иоанну, но у него есть одно «заключение», которым он любит заканчивать всегда свою проповедь, именно о. Иоанн усиленно настаивает, что спасение и жизнь в Боге создается церковью, верою в церковь, как союз живых и мертвых и ее помощь. Не одними только личными усилиями вместе с помощью Христовой подавленной душе обращающегося спасается человек. Нет, это будет протестантство, противоречащее самой сущности. Христово учение о церкви и спасение через единение в церкви. Спасает церковь, единение всех христиан между собою и с сонмами святых в обиталищах на небесах.

Без церкви, т. е. веры в это единство, нет и спасения.

«Христианин, увеси, как подобает в дому Божию жити, яже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение истины. Какой великий чудный, святой дом – Св. Церковь! Он состоит из всех святых ангелов и верных человеков – из всех святых и христиан православных, живущих на земле и скончавшихся в вере и благочестии. Какой славный дом, какой твердый, несокрушимый, вечный! Это, по Духу Святому, есть столп и утверждение истины, несокрушимый адовыми вратами.

Церковь есть чудное, премудрое, несокрушимое здание небесного Архитектора Иисуса Христа, ипостасной премудрости Отчей, премудро и всемогущественно создавшей мир и всю небесную и земную иерархию.

Члены церкви небесной – патриархи, пророки, апостолы, мученики, преподобные, бессребреники, Христа ради юродивые и все святые – суть живые члены, имеющие живую, тесную связь с церковью земною – со всеми иерархами, всем освященным собором и со всеми мирскими людьми православными. Они помогают нам своим предстательством пред Богом, своими молитвами, своею многообразною помощью, своими чудесами и часто своими личными явлениями. Чувствуешь ли ты, человек, *эту живую связь с*

небом? Чувствуешь ли ты эту живую непрерывную связь церкви земной с небесной, особенно во время богослужения?

Святые – это богатые друзья наши – и только при их помощи можем жить и спастись мы бедные.

Как в мирском быту есть бедные и богатые, так и в духовном мире, в духовном порядке есть бедные и богатые. Бедные просят у богатых и достаточных, и без них не могут жить, так и в духовном порядке бедные должны прибегать к пособию духовно богатых. Мы духовно бедные, нищие, а святые духовно богатые, или в этой жизни еще сияющие верою и благочестием. К ним-то мы, бедняки, должны прибегать. Их молитв просить надо, чтобы они помогли нам сделаться простыми, яко младенцы, чтобы они научили нас духовной мудрости, как побеждать грехи, как возлюбить Бога и ближнего. Итак, помолитесь обо мне, св. Божии человеки: пророки, апостолы, святители, мученицы, преподобные, праведные и все святые, да буду подобен вам!

Какая тесная связь Церкви небесной и земной, какая любовь у Церкви! Смотрите: она непрестанно воспоминает, призывает в молитвах и прославляет за подвиги на земле, ради Бога подъятые – Церковь небесную; молится непрестанно за Церковь земную и ходатайствует за умерших в надежде воскресения, жизни вечной и общения с Богом и со святыми. Необъятная любовь величественная, божественная любовь! Будем входить в дух этой любви матерней – Церкви нашей православной и будем проникаться духом этой любви. Будем считать всех ближних членами своими, себя и их членами одного тела Церкви и деятельно любить их, как себя, тогда мы сами будем живыми членами Церкви небесной, и она будет деятельною и скоропослушною нашею помощницею и молитвенницей о душах наших.

Мы должны иметь самую живую, духовную связь с небожителями, всеми святыми, апостолами, пророками, мучениками, святителями, преподобными и праведными, ибо они члены единого тела – Церкви Христовой, к коей принадлежим и мы грешные, и которой живая Глава есть Сам Господь Иисус Христос. Вот почему мы призываем их в

молитвах, беседуем с ними, благодарим их, славим их. Всем христианам неотложно нужно быть в связи с ними, если они желают христианского преуспевания: ибо святые – друзья, руководители наши ко спасению, молитвенники наши и ходатаи.

Что значит ежедневное призывание святых – в каждый день различных – в продолжение всего года и всей жизни? Значит то, что святые Божии, как братья наши, только совершенные, живы и недалеко от нас, слышат нас и всегда готовы помогать нам, по благодати Божией. Мы живем с ними вместе, в одном доме Отца небесного – только на разных половинах: мы на земной, они на небесной, и для нас и для них есть средства проникать друг к другу; для нас молитва веры и любви, для них – духовная их природа, всегда готовая к деятельной помощи, по любви, которую проникнуты их души.

Ты недоумеваешь, как внимают нам с небес святые, когда мы молимся им. А как лучи солнечные с небес преклоняются к нам и всюду – по всей земле светят? Святые – тоже в духовном мире, что лучи солнечные в мире вещественном. Бог – вечное, животворящее Солнце, а святые – лучи умного Солнца. Как очи Господни постоянно призирают на землю и на земнородных, так и очи святых не могут не обращаться туда, куда обращен промыслительный взор Господа твари и где их сокровище (тела их, дела их, места священные, лица, им преданные). *Иде же бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф.6:21)*. Ты знаешь, как сердце видит быстро, далеко и ясно (особенно предметы мира духовного); заметь это во всех познаниях, особенно в духовных, где весьма многое усваивается только верою (видением сердца). Сердце – око существа человеческого; чем оно чище, тем быстрее, дальше и яснее видит. Но у святых Божиих это око душевное ещё при жизни доведено до возможной для человека чистоты, а по смерти их, когда они соединились с Богом, оно благодатью Бога стало еще светлее и обширнее в пределах своего зрения. Потому-то святые видят весьма ясно, широко и далеко; видят наши духовные нужды; видят и слышат всех призывающих их от всего сердца, т. е. тех, которых умные очи прямо устремлены к ним и не омрачаются, не затаиваются во время устремления

сомнением и маловерием, когда очи сердца молящихся совпадают, так сказать, с очами призываемых. Здесь таинственное зрение! Опытный понимает, что говорится. Поэтому, как легко иметь сообщение со святыми! Надобно только очистить зрение сердца, устремить его твердо к известному святому, просить о нужном – и будет. А что Господь в отношении зрения? Он – весь зрение, весь – свет, весь – знание. Он наполняет всегда небо и землю и на всяком месте все зрит. *На всяком месте очи Господни смотрят злые же и благие* (Притч.15:3).

Лютеране говорят: « чему нам просить молитв святых за себя? мы просим Самого Бога», и сами себя опровергают: ибо зачем они просят пастора молиться за себя? Молились бы без пастора, если всякий имеет одинаковый доступ к Богу и нет нужды в священных молитвенниках за нас. Какая слепота! Говорят: молясь святым, мы идолопоклонствуем. Неправда. Ни одного святого мы не почитаем за Бога, ни одному святому не молимся как Богу, а только просим молитв его за себя; есть ли тут хоть тень идолопоклонства? Как просим живых священнослужителей и молитвенников за нас пред Богом, чтобы они помолились о нас, так просим и небесных молитвенников, по любви своей к Богу имеющих великое дерзновение пред Ним; притом весьма многие из них и здесь, на земле, были молитвенниками и ходатаями пред Богом за мир; там – на небесах, эта деятельность их только продолжается, имеет большие размеры и особенно сильна, ибо не воспящается тяжелою и косою плотью. Все святые, хотя кончили земное поприще, но они живы: *несть Бог мертвых, но живых: вси бо Тому живи суть* (Притч.15:3).

Как чрез электрический телеграф мы быстро сообщаемся с отдаленными от нас лицами, так чрез живую веру, как чрез какой-либо телеграф, мы быстро сообщаемся с Богом, с Ангелами и святыми. Как вполне мы полагаемся на быстроту электрического тока и его доходчивость, так совершенно должны полагаться на быстроту и доходчивость молитвы веры.

Пусти по телеграфу веры прошение свое к Богу или святым, и немедленно получишь ответ. Просты ответные показания

телеграфа, но опытные читают их; просты и действия на сердце Бога духов и всякой плоти и святых, но опытный понимает их.

Бог и святые также слышат нас на молитве, как слышат друг друга люди, разговаривающие между собою, или как слышат проповедника люди, предстоящие в храме, или воины голос вождя, слышат даже несравненно лучше и совершеннее, потому что мы слышим слова другого, но не знаем, что у него на сердце и в мыслях. И случается так, что иной одно говорит, а совершенно другое имеет на сердце. Бог же и святые не так: видят, что у нас в мыслях и на сердце – Бог Сам Своим всеведением, а святые благодатью Святого Духа, в котором они вечно пребывают. Они видят, соответствуют ли слова наши сердцу, и если вполне соответствуют сердцу, а сердце, в свою очередь, верующее, сокрушенное и смиренное, горит любовью и усердием (*яко мы усердно к тебе прибегаем*), и желанием получить просимое, то они любезно преклоняются на нашу молитву и подают желаемое. Бог и святые хотят, чтобы мы на молитве представляли их живыми, присущими себе, чтобы мы зрели их сердечными очами. Жив Бог; *несть Бог мертвых, по живых: вси бо Тому живи суть* (Лк.20:38).

И только с помощью святых и церкви мы и можем подойти к Сионской горе и храму Бога небесного. А с ними подойдем...

Жизнь в Боге на земле дает человеку победу и соединение с Богом в будущем. Иди за Христом, и Он проведет по волнам житейского моря к светлой райской пристани. За борьбой венец, узким путем к славе.

Будущая слава праведных и муки грешных, по мнению отца Иоанна, не только несомненный, но и психологически необходимый факт. Страдают те, у кого в душе уже здесь дан ад – живет мука; наслаждаются те, у кого в этой жизни в душе – Бог и счастье Богообщения. Ад – мука от неспособности любить и степени этого святого или греховного настроения объясняется различие степени мучений и прославлений.

Это доказывается и настоящим состоянием души у различных людей или у одного и того же человека в различное время при различных положениях. Чем проще, добрее,

общительнее человек, тем он блаженнее внутренне; чем лукавее, злее, самолюбивее, тем несчастнее; чем сильнее в нем вера и любовь, тем блаженнее; чем слабее, тем хуже. Так что маловеры, без веры, человеконенавистники – самые несчастные люди. Поэтому разумевай и о будущих мучениях.

Радости рая беспредельны, бесконечна сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную. Сладости земные все переходящи и сами по себе, и по превратности жизни человеческой. А сладость небесного блаженства не будет иметь конца – бесконечна.

О. Иоанн Сергиев.

Все настоящее есть только одна тень будущего: свет – тень будущего, неизреченного света; сладости земные – слабая тень будущих, неизреченных, бесконечных сладостей; огонь – слабая тень огня геенского, который будет опалять грешников во веки веков; чистая радость земная – тень будущих, неизреченных радостей; чертоги царские украшенные – ничтожная тень пресветлых райских обителей, уготованных любящим Бога и исполняющим заповеди Его. Славные одеяния мужей и дочерей человеческих не могут идти в сравнение с тою одеждою славы, в которую облекутся избранные, ибо они облекутся во Христа и просветятся, яко солнце во царствии Отца их, по неложному обещанию Спасителя.

Теперь мы ищем прочного блаженства и не находим; удовольствия, нами изобретаемые не прочны, лживы, суетны, кратковременны. Но если достойно своего звания христианин поведет себя, то получит в наследство такое блаженство, которое истинно и прочно, потому что вечно и удовлетворит вполне потребностям нашей души.

Какое благо будет с Тобою избранным твоим на небеси, Господи! Как все прелести земные томительны для сердца! Как пагубно для сердца и мгновенное пристрастие к чему-либо земному? А в тебе какой мир, какая свобода, какое пространство, какой свет, какая радость!

Возлюбленные братия! – призывает о. Иоанн – ради этой будущей славы, ради подлинной жизни восстанем мы все – духовные мертвецы. *Остави мертвых погребсти своя мертвецы*, сказал Господь одному ученику своему, который просил у Него позволения прежде сходить и похоронить отца своего и потом следовать за Спасителем, т. е. оставь мертвых по душе людей, хотя живых с виду. *Имя имаши яко жив, а мертв еси*, еще говорит Господь в откровении одному, по-видимому, благочестивому человеку.

Нужно воскреснуть. «Се стою и толку», Господь зовет, Господь стучит в наше сердце своею благодатью через слово Божие, проповедуемое в церкви, через добрый совет близких к нам, через мысль благую, Им посылаемую в нашу омраченную грехами душу.

Отзовётся и воскреснет, чтобы войти в славе воскресения. Господи! видя во граде Наине вдовицу, сильно плачущую, яко же тогда, умилился, сына ее, на погребение несомая воскресил еси; сице и о мне умилишися, Человеколюбче, и грехами умерщвленную мою душу воскреси.

Боже мой! как любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего улаживают наше сердце! Кто опишет наше блаженство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других и моей любви к другим? Это неописанно! Если здесь, на земле, взаимная любовь так улаживает нас, то какую сладостью любви будем мы преисполнены на небесах, в сожительстве с Богом, с Богородицею, с небесными Силами, со святыми Божиими

человеками? Кто может вообразить и описать это блаженство, и чем временным, земным мы не должны пожертвовать для получения такого неизреченного блаженства небесной любви? Боже, имя Тебе – Любовь! научи Ты меня истинной любви, как смерть крепкой. Вот я преизобильно вкусил сладости ее от общения в духе веры, яже в Тя, с верными рабами и рабынями Твоими и преизобильно умиротворен и оживотворен ею. Утверди, Боже, сие, еже соделал еси во мне! О! если бы это так было во вся дни! Даруй мне чаще иметь общение веры и любви с верными рабами Твоими, с храмами Твоими, с церковью Твоею, с членами Твоими!

Дай войти в славу Твоего будущего царствия».

Примечания

¹ - Мы получили сведения, что это домик – не тот, в котором родился о. Иоанн – тот был и меньше, и еще более убог.

² - У о. Иоанна говорится о видении, имевшем место за 15 приблизительно лет до окончания академии, т. е. еще в училище.

³ - Конечно, это «размышление о пользе чтения Св. Писания» есть свидетельство о личном опыте о. Иоанна.

⁴ - О. Иоанн совсем не умел отказывать. Благодаря этому, нуждался не только он, но и его жена: ей не на что было вести хозяйство. Понимая, что он не имеет права заставлять нищенствовать жену, о. Иоанн распорядился, чтобы жалованье по законоучительству выдавали ей...

⁵ - Передаем по рассказу ген. О-ова. – Не напечатано

⁶ - Не о. Нектариевский, о котором о. Иоанн вспоминает с благодарным чувством. а другой, имя которого не считаем обязательным приводить здесь.

⁷ - Напечатано о св. Троице вместо «единство существа», «единство существ».

⁸ - Мы здесь воспользовались отчасти чужими словами („Новый Путь“ 1903 г., июль), для характеристики того, что действительно пережили. Что здесь не плагиат, докажет наша речь о. Иоанну 19 окт. 1902 г., напеч. в „Мисс. Обзор.“.

⁹ - 2 сентября 95 стр. Брошюра Священника А. Ефимова. Черниговский детский приют. Чернигов 1902.

¹⁰ - Извлекаем эти и некоторые дальнейшие подробности из особо изданной (в пользу учреждаемого в Казани Дома Трудолюбия для нищих) брошюры: „Посещение о. Иоанном Кронштадтским города Казани». Казань, 1894 г.

¹¹ - В отсканированном варианте книги текст отсутствует. – Редакция Азбуки веры.

¹² - Из «Слава в вышних Богу» на утрени.